

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

2025. Т. 47, № 1

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2025. Т. 47, № 1

Главный редактор

Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Редакционный совет

- Е. В. АНИСИМОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. Н. БАРЫШНИКОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Ю. А. ВАСИЛЬЕВ**
д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)
- М. А. ВИТУХНОВСКАЯ**
д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)
- С. Т. ЗОЛЯН**
д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)
- Ю. ИНОУЭ**
к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- С. А. МЫЗНИКОВ**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. А. ПЛУНГЯН**
д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)
- К. СКВАРСКА**
д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)
- Н. А. ФАТЕЕВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- М. А. ЧЕРНЯК**
д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

- А. В. АНТОЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- М. А. БОБУНОВА**
д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)
- С. Г. ВЕРИГИН**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- В. И. ГОЛДИН**
д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- Т. А. ГРИДИНА**
д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
- Р. ГРЮНТХАЛЬ**
д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- Н. В. ДРАННИКОВА**
д. ф. н., профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)
- С. Г. КАЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Д. В. КОБЛЕНКОВА**
д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)
- С. И. КОЧКУРКИНА**
д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО**
к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- Ю. В. КРИВОШЕЕВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- П. А. КРОТОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- Е. И. ЛЕЛИС**
д. ф. н., профессор, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)
- О. В. НИКИТИН**
д. ф. н., профессор, Государственный университет просвещения (Мытищи, Россия)
- Н. В. ПАТРОЕВА**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. М. ПАШКОВ**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. А. ПОПОВ**
д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)
- И. А. РАЗУМОВА**
д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)
- М. Ф. РУМЯНЦЕВА**
к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
- В. И. СУПРУН**
д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)
- Л. Л. ШЕСТАКОВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- Ю. Г. ШИКАЛОВ**
д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2025. Vol. 47, No 1

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711
E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

© Petrozavodsk State University, 2025

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Yerevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYÜNTAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, Federal State University of Education (Mytishchi, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	
РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ		<i>Мосягина М. С.</i>	
<i>Ли Я.</i>		Метафорическое представление идентичности	
Специфика функционирования военной метафоры в кинотексте (на примере кинофильмов Э. Рязанова)	8	в заголовках англоязычного медиадискурса	73
<i>Сирота Е. В.</i>		<i>Кушнерева Д. А.</i>	
Вклад А. А. Шахматова в развитие лингвистической теории и методологии	16	Метафора как языковой инструмент формирования образа врага в женском политическом дискурсе Аргентины.	80
<i>Стрельникова Н. Д.</i>		РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
Языковая реальность XXI века: к проблеме изучения субстандартной лексики	21	<i>Трубецкова Е. Г.</i>	
<i>Твердохлеб О. Г.</i>		Антиутопические мотивы в прозе С. Д. Кржижановского	87
Сложные прилагательные с корнем <i>рыж-</i> в поэзии первой трети XX века	29	<i>Лисков А. О., Розова А. Е.</i>	
<i>Секиро О. О.</i>		Художественные стратегии автобиографической прозы Е. Харитонова и Э. Лимонова	95
Юридическая терминология в публицистике И. С. Аксакова в аспекте языковой рефлексии (на примере слов <i>легальный, легальность</i>)	40	ФОЛЬКЛОРИСТИКА	
<i>Щепалин М. Д.</i>		<i>Семенова А. С.</i>	
Эмоциональный компонент в научном познании (на материале текстов Е. Д. Поливанова и М. В. Панова)	47	Традиционный песенный фольклор в репертуаре мезенских хоров	102
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА		Дискуссии	
<i>Данилина Н. И.</i>		Жанр хоррора: к вопросу катарсиса и горизонта читательского ожидания (интервью с М. С. Парфеновым)	113
Риторическая организация научной речи М. В. Ломоносова	53	Юбилей	
<i>Красухин К. Г.</i>		К 60-летию со дня рождения И. Е. Абрамовой	116
Заметки о семантике основ презенса и аориста в «Ригведе»	59	Научная информация	117
<i>Лучаев Д. И.</i>		Contents	118
Семантика перфекта констатации состояния в болгарском языке: сопоставительный и переводческий аспекты	65		

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал перерегистрирован в Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным отраслям «Исторические науки» (с 20.12.2022 года) и «Филологические науки» (с 21.02.2023 года)

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 31.01.2025. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 41 экз.). Изд. № 8

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

доктор филологических наук,
профессор
Петрозаводский
государственный университет
Н. В. Патроева

Natalia V. Patroeva,
Editorial Council Member,
Dr. Sc. (Philology), Professor,
Petrozavodsk State University

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Наступивший год насыщен юбилейными датами, связанными с биографией и творческой деятельностью видных российских языковедов: лингвистическая общественность нашей страны и мира будет отмечать 145-летие со дня рождения Л. В. Щербы (1880–1944), 135-летие со дня рождения С. И. Ожегова (1890–1964), 125-летие со дня рождения А. А. Реформатского (1900–1978). Круглые даты отметили бы в этом году известные представители московской славистики О. Н. Трубачев (1930–2002) и А. А. Зализняк (1935–2017). Опубликованные в настоящем номере лингвистические статьи подтверждают сохранение и приумножение лучших традиций отечественного языкознания, заложенных трудами этих ярких ученых.

Открывают раздел «Русский язык. Языки народов России» статьи зарубежных лингвистов: Янь Ли (КНР) обращается к метафоризации в кинотекстах, а Е. В. Сирота (Республика Молдова) анализирует вклад слависта и грамматиста А. А. Шахматова в развитие европейского языкознания.

Интерес у изучающих проблемы художественного слова и тропообразования вызовут статьи Н. Д. Стрельниковой и О. Г. Твердохлеб. О. О. Секиро, Н. И. Данилина и М. Д. Щепалин рассматривают особенности функционирования терминологической и эмоциональной лексики в публицистическом и научном дискурсах. Насыщен материалом раздел по сравнительно-сопоставительной лингвистике: к глагольному формообразованию обращаются К. Г. Красухин (на материале «Ригведы») и Д. И. Лучаев (на примере современного болгарского языка).

В рубрике «Языки народов зарубежных стран» публикуются статьи М. С. Мосягиной, анализирующей метафору в англоязычном газетно-публицистическом тексте, и Д. А. Кушнеревой, обратившейся к политическому медиадискурсу Аргентины.

Следующие разделы содержат литературоведческие и фольклористические разборы: здесь предметом особого внимания являются антиутопические мотивы у С. Д. Кржижановского (Е. Г. Трубецкова), стратегии автобиографической прозы Э. Лимонова и Е. Харитоновой (А. О. Лисков и А. Е. Розова), песенный фольклор Архангельской области (А. С. Семенова).

Дискуссии представлены диалогом известного в жанре хоррора писателя, литературного критика Михаила Парфенова и профессора ПетрГУ Елены Сафрон.

Рубрика «Юбилеи» посвящена доктору филологических наук, заведующему кафедрой иностранных языков гуманитарных направлений ПетрГУ И. Е. Абрамовой.

ЯНЬ ЛИ

кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры русского языка китайско-российского института
Цзянсуский педагогический университет
(Сюйчжоу, Китайская Народная Республика)
ORCID 0000-0001-9749-6054; feizaidemami@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МИЛИТАРНОЙ МЕТАФОРЫ В КИНОТЕКСТЕ (на примере кинофильмов Э. Рязанова)

А н н о т а ц и я . Рассмотрено функционирование военной метафоры как одного из ведущих видов концептуальных метафор в текстах кинофильмов Э. Рязанова. В современной лингвистике все больше внимания уделяется изучению когнитивной метафоры, служащей основополагающим инструментом интерпретации креолизованного текста, в частности кинотекста. Однако работ, исследующих реализацию военной метафоры в кинотексте, практически не представлено. В данной статье впервые предпринята попытка выделить и проанализировать метафорические модели, структурирующие тематические группы военной лексики: «наименования военных действий и способов ведения войны», «наименования результатов ведения военных действий», «наименования лиц, имеющих прямое и косвенное отношение к военным действиям», «наименования видов оружия и его элементов», «наименования войсковых групп, подразделений». В результате исследования раскрыты их лексико-семантические, категориально-грамматические, функциональные, стилистические и лингвокультурные особенности в киноязыке. Показано национально-культурное своеобразие метафорического осмысления лексики семантической сферы «война», тем самым отражен фрагмент русской языковой картины мира путем выявления основных случаев использования военной метафоры в повседневной речи. Результаты проведенного анализа могут быть использованы в практике обучения русскому языку как иностранному, при подготовке учебных пособий по метафорологии и лингвистике кинотекста.

К л ю ч е в ы е с л о в а : военная метафора, сема, направление метафорического переноса, кинотекст, языковая картина мира

Д л я ц и т и р о в а н и я : Ли Я. Специфика функционирования военной метафоры в кинотексте (на примере кинофильмов Э. Рязанова) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 1. С. 8–15. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1122

ВВЕДЕНИЕ

Метафора изначально рассматривалась как фигура речи, риторическое украшение. Однако благодаря ее изучению, охватывающему разные отрасли знания, в настоящее время метафора понимается как универсальный когнитивный механизм, «способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [3: 6]. Все более пристальное внимание современных исследователей к данному феномену объясняется метафоричностью процессов человеческого познания и мышления в целом. В русле когнитивистики метафора выступает важной ментальной операцией, обеспечивающей перенос образных схем из одной концептуальной сферы в другую [6: 13].

К числу основных источников метафоризации в русском языке относится военная лексика. Лексика сферы военного дела играет значимую роль

в лексико-семантической системе русского языка. Она рассматривается многими лингвистами как система лексических средств, которые отражают разнообразные военные концепции и встречаются как в общенародном слое словарного состава языка, так и в лексике ограниченного употребления [7: 4]. В военной лексике традиционно выделяются военная терминология и военно-бытовая лексика (жаргонизмы, сленг военных) [1: 85]. Военная (милитарная) метафора в качестве значимого фрагмента метафорической картины мира является одним из наиболее популярных и продуктивных языковых средств выразительности для различных типов научного дискурса. Это может быть обусловлено тем, что военные конфликты происходили на протяжении всей истории человечества, вследствие этого военный опыт оставляет отпечаток на мно-

жестве сфер общественной жизни. А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов в своих работах неоднократно упоминали о милитаризации российского сознания. Согласно их концепции, «война – одна из наиболее значимых сфер опытного знания человечества, и военная метафора явно относится к числу базовых...» [2: 189]. А. П. Чудинов, в свою очередь, утверждает, что

«военная лексика – это один из основных источников метафорической экспансии на самых разных этапах развития русского языка. Богатый военный опыт традиционно находил свое отражение и в национальной ментальности...» [10: 189].

Таким образом, для русской лингвокультуры привычно использовать военную лексику, в том числе военную метафорику, при осмыслении конфликтных ситуаций в повседневной жизни.

Изучению данного вида метафор в различных типах дискурса посвящен ряд работ российских и зарубежных исследователей: А. Н. Баранова, Ю. Н. Караулова [2], Э. В. Будаева, А. П. Чудинова [3], [10], Дж. Лакоффа и М. Джонсона [5], С. А. Логачева, В. В. Овсянниковой, А. А. Карамовой, Т. Д. Магомадовой. Дж. Лакофф и М. Джонсон впервые выдвинули идею о том, что в обыденной жизни бывают случаи, когда мы мыслим в терминах войны [5: 26–27]. Одним из ярких доказательств служит характерная для американской культуры концептуальная метафора «спор – это война». Особое место военной метафоры в метафорической системе русского языка отмечает В. П. Москвин. По его словам, в рамках семантической классификации военных метафоры составляют отдельную группу¹. В данной работе под военной метафорой мы понимаем такую ее разновидность, в которой объектом переосмысления становится военная лексика.

Одним из перспективных и актуальных направлений современной лингвистики является исследование функционирования метафоры в разных типах текстов. В современном научном дискурсе все большее значение придается креолизованным текстам, состоящим из двух негетерогенных частей: вербальной и невербальной [9: 180–181]. «Среди центральных в культуре креолизованных текстов ведущее место принадлежит кинотексту» [4: 48], который определяется Г. Г. Слышкиным и М. А. Ефремовой как сообщение, «выраженное при помощи вербальных и невербальных знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного автора... предназначенное для воспроизведения на экране аудиовизуального восприятия зрителями» [8: 32]. Заметим, что большинство исследователь-

ских работ посвящено изучению военной метафоры в политическом, публицистическом и медийном текстах. Данный вид метафоры, по нашему наблюдению, не подвергался комплексному лингвистическому анализу в кинотексте. Материалом для исследования послужили тексты кинофильмов Эльдара Рязанова, характеризующиеся высокой частотой метафороупотребления.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В нашей работе впервые предпринята попытка рассмотреть вербализацию военных метафор в киноязыке путем выделения и анализа языковых выражений, в которых наблюдается метафоризация наименований военной деятельности, результатов войны, участников военных действий, видов оружия и его элементов, войсковых групп и подразделений. Рассмотрим конкретные случаи метафорического употребления лексических единиц, входящих в следующие группы.

Тематическая группа

«Наименования военных действий и способов ведения войны»

Метафорический перенос в данной группе осуществляется по модели «процессы и действия, осуществляемые в ситуации войны → процессы и действия, осуществляемые вне ситуации войны». Данный перенос реализуется в контексте, извлеченном из кинокомедии Э. Рязанова «Гусарская баллада» (1962), где отставной майор Азаров в своем поместье устраивает бал-маскарад, чтобы познакомить племянницу Шуручку с женихом – поручиком Ржевским. Однако бал был прерван известием губернатора о начале войны с французами: «На родину надвинулась беда. Гроза военная покрыла наше небо. Тринадцатого, в день, форсировали Неман Нежданно Бонапартовы войска». В словах губернатора приход войны уподобляется атмосферному явлению – грозе. Говорящий, прибегая к метафоре, стремится подчеркнуть моментальность и внезапность прихода войны, а также ее большой масштаб. В данном контексте при метафоризации войны также актуализируется сема «катастрофический и разрушительный характер» (*покрыть небо*).

В текстах кинопроизведений Э. Рязанова метафоризации также подвергаются контекстуальные синонимы или гипонимы слова *война*, в том числе *борьба*, *сражение* и др. В анализируемых контекстах метафорический перенос наиболее часто осуществляется с помощью глагола *бороться* и его направление выглядит так: «активное вооруженное столкновение войск => борьба за что-л. или против чего-л.». Например, в тра-

гикомедии «Гараж» (1979) младший научный сотрудник Елена Малаева, считая несправедливым решение правления о распределении гаражей, выступает за правду как борец на войне, воюющий за мир и победу: «Если женщина с такими внешними данными борется за правду, она наверняка не замужем»; «Мы все тут боремся за место под солнцем! В виде гаража». Метафорическое употребление слова *бороться* встречается и в реплике из криминальной комедии «Берегись автомобиля» (1966), где люди, живущие нечестными доходами (взяточники, спекулянты и расхитители), отождествляются с военными противниками: «Мы будем нещадно бороться с лицами, живущими на нетрудовые доходы». Домработница берет на себя ответственность за борьбу с грязью и беспорядком в доме: «Эта не та пыль, с которой надо бороться, она неподвижная» («Девушка без адреса», 1957). Рассмотренные метафоры, связанные с понятием «борьба», являются стертыми, их переносные смыслы не замечаются, однако с их помощью говорящим удается передать серьезность ситуации и решительность в достижении цели.

В кинофильмах Э. Рязанова фиксируется высокая частотность употребления лексем, обозначающих различные виды боевых действий, в невоенных ситуациях. Возможно образование метафорического значения на основе мотивирующего семантического компонента «стремление нанести урон, ущерб кому-л.» (*нападение*). Это репрезентировано репликой героя сатирической комедии «Забытая мелодия для флейты» (1987) Леонида Семеновича Филимонова, воспринимающего с настороженностью поведение своей жены, с которой он собирается расстаться, как нападение: «– Я все-таки никак не пойму, ты нападаешь или капитулируешь? – а ни то ни другое». Ситуации, возникающие в повседневной жизни, например когда вас преследуют, ассоциируются с ситуациями, случающимися на войне: «Нас на пушку не возьмешь, не на тех напали» («Невероятные приключения итальянцев в России», 1973). Фразеологическое выражение *Не на того (ту, тех) напал* передает смысл ‘недооценивать кого-либо; иметь дело не с тем’². В приведенных примерах метафоризация слов *нападать* / *напасть* связана прежде всего с намерением говорящего создать определенный эмоциональный настрой.

В кинотексте имеют место милитарные метафоры, сформированные на основе переноса по признаку «получение выгоды в результате успешного завершения конфликта» (*захватить, захватить*). Так, в сознании члена кооператива Елены Малаевой ее коллеги, которые борются

за свое право на приобретение гаража, не обращая внимания на справедливость голосования, аналогичны захватчикам на войне: «Человека надо охранять от человека. От жадности, которая нас съедает. От желания захватить, захватить» («Гараж», 1979). Прибегая к метафоре, говорящий подчеркивает жадность, эгоизм, агрессивность, проявляемые коллективом в погоне за личными интересами.

Наиболее распространенным и употребительным в данной тематической группе оказывается метафорический перенос по семантическому признаку «действие, направленное на истребление объекта». Метафорическому переосмыслению на основе этого признака чаще всего подвергаются лексические единицы, отражающие негативные последствия ведения военных действий (*уничтожить / уничтожить, разгромить* и под.). В качестве примеров можно привести следующие персонажные реплики:

«Жильцы соседнего дома ночью... засадили стройплощадку быстрорастущими деревьями, а утром накатали телегу в исполком, что мы... уничтожаем зеленую зону» («Гараж», 1979); «Мы решили оплатить стоимость пальто одного... из членов правления, уничтоженного при этом. Я имею в виду пальто, а не члена правления» («Гараж», 1979); «Если вы директорша, вы думаете, все можете себе позволять? Уничтожать! Топтать!» («Служебный роман», 1977).

Как известно, военное противостояние предполагает негативное воздействие на противника. В вышеприведенных примерах способ негативного воздействия военной деятельности – уничтожение – концептуализируется как причинение большого ущерба кому-л. в бытовых сферах. В других контекстах при метафоризации актуализируется сема «прекращение существования кого-л.»:

«Помогите! Убийцы! Розарио Агро еще никому не удавалось уничтожить! <...> Мафия бессмертна!» («Невероятные приключения итальянцев в России», 1973); «– Нет, вы не имеете права. – Я тебя сам уничтожу» («Предсказание», 1993); «Стреляй! Только наверняка. Их надо уничтожить» («Старые клячи», 2000).

В этих случаях значение глагола *уничтожить* приравнивается к значению глагола *убить*. К числу военных метафор данной группы относятся и те, которые отражают такие семантические компоненты исходной семемы, как «интенсивность действия» (*разгромить*): «– Они здесь всё разгромили! – Почему всё? Кое-что осталось» («Невероятные приключения итальянцев в России», 1973). Здесь наблюдается стремление говорящего подчеркнуть разрушительность совершаемого другими действия.

Метафорический перенос по признаку «результат взаимодействия враждующих сторон» может быть реализован при актуализации двух сем: «нанесение кому-л. раны, увечья» (*ранить, покалечить*) и «лишение жизни, умерщвление кого-л.» (*убить*). Лексика, обозначающая негативное последствие осуществления военных действий (*повреждение*), употребляется вне ситуации войны. Рассмотрим примеры из фильма «Служебный роман» (1977): «Я тебя уничтожу! Я тебя покалечу! Я тебя ненавижу!», «– Вы же меня так убьете. – Я вынужден защищаться». В споре между людьми, в особенности между влюбленными, часто произносятся такие слова, как *покалечить, убить, уничтожить*, в качестве лексических средств для выражения гнева и угрозы. Иногда глаголы *убивать / убить* употребляются в переносном значении ‘привести в полное отчаяние, в состояние безнадёжности’³. Это воплощается в метафорической реплике из фильма «Гараж» (1979): «Товарищи, этот вопрос очень деликатный. Где-то очень огорчительный. Меня лично он просто убивает». Бывают случаи, когда страдающий от любви человек воспринимает душевную боль, рану как телесную: «Вы меня ранили в самом сердце! Я знаю, меня не любят, боятся, а зачем так унижать?» («О бедном гусаре замолвите слово», 1980).

Полное разрушение чего-л. или смерть кого-л. уподобляются гибели на войне при метафоризации слов *погибать / погибнуть / погибший*. Например, чувства, испытываемые героиней фильма «Жестокий романс» (1984) Ларисой, приводят ее к гибели: «Вася, я погибаю». Другим примером служит метафорическое высказывание «Три дерева, пустившие побеги, обработали мазутом. Пришлось уплатить штраф за три погибших дерева. Но участок отстояли» («Гараж», 1979).

На войне предпринимаются не только наступательные операции, но и оборонительные. В рассмотренных фильмах прослеживается ряд лексем, приобретающих метафорическое значение на основе мотивирующего признака «защита от нападения» (*отстоять, защищать, защищаться, прикрыть*). Это вербализуется в следующей персонажной реплике из фильма «Гараж» (1979): «Мы все боролись за товарища Хвостова... пытались его отстоять». Здесь глагол *отстоять* имеет значение ‘защитить чьи-л. интересы’. Метафоризация слова *отстоять* встречается и в другом примере из этого же фильма: «Но участок отстояли». В данном случае словосочетание *отстоять участок* может пониматься в значении ‘сохранить участок для своего исполь-

зования’. Глагол *защищать* подвергается метафорическому переосмыслению во фразах типа «– Что-то вы так страстно защищаете ее, а? Это наводит на подозрения. – На эту тему я вообще разговаривать не желаю!» («Гараж», 1979); «– Галя, должна сказать, что я вам немножко завидую. Да, он мне очень понравился. Ну простите его. – А почему вы его защищаете? Вы замужем?» («Ирония судьбы, или С легким паром», 1975). В этих двух контекстах глагол *защищать* является синонимом глагола *заступаться*. Человек, ограждающий себя от побоев, коррелирует с воином, обороняющимся от врага: «...Я вынужден защищаться» («Служебный роман», 1977). Метафоризация лексемы *прикрыть*, обозначающей защиту действиями войск, встречается в фильме «Старые клячи» (2000): «Мужик, отступаем к кассе, мы тебя прикроем...»; «Шеф, мы вас прикрыли. Мы с вами».

На основе семантического компонента «неудачное завершение боевых действий» происходит метафорический перенос следующих слов и словосочетаний данной тематической группы: *отступить, капитулировать, сдаваться / сдать, сдать позиции, идти на компромисс*. Рассмотрим метафоры отступления из фильма «Старые клячи» (2000):

«– Мужик, отступаем к кассе, мы тебя прикроем. – Я не отступал ни разу в жизни, даже к кассе. Но ради вас – это другое дело. Российский офицер никогда не прятался за спины женщин»; «Девочки, организовано, без паники отступаем».

У глагола *капитулировать* актуализируются две основные семы: 1) окончание военных действий; 2) сдача победителю на определенных условиях. Его метафорическое употребление находится в контексте, где одна сторона брачных отношений идет на уступки другой в чем-л., желая завершить конфликт: «Я все-таки никак не пойму, ты нападаешь или капитулируешь?» («Забытая мелодия для флейты», 1987). Отметим, что капитуляция, на которую идут супруги в целях сглаживания напряженного отношения, оценивается уже не так отрицательно, как в военном контексте. Она становится способом разрешения семейного конфликта. *Сдаваться* как синоним слова *капитулировать* переосмысливается метафорически в реплике типа «– Ольга, не будем ссориться, сдавайтесь! – Дайте мне лучше сигарету» («Невероятные приключения итальянцев в России», 1973). Здесь действие, называемое этим словом, понимается как прекращение сопротивления. Иногда состояние влюбленного человека уподобляется состоянию при сдаче в плен на войне: «И потом, зачем я вам сдался? У меня

дети. У меня их двое – мальчик и...» («Служебный роман», 1977). Милитарная метафора также функционирует в тексте песни из фильма: «Врагу не сдастся наш гордый “Варяг”. Пощады никто не желает!» («Старые клячи», 2000). Ситуация, когда человек вынужден отказаться от своих принципов, мнений под давлением обстоятельств, ассоциируется с положением, когда войско отступает, бросая позиции: «Я сдаю свои позиции. Согласен на жеребьевку. Надеюсь, что все-таки правление вы пожалеете» («Гараж», 1979). Иногда враждующие стороны делают взаимные уступки в ходе войны. Это происходит и в обыденной жизни: «Понимаете, бывают такие ситуации, когда нам приходится идти на компромиссы» («Дорогая Елена Сергеевна», 1988).

Тематическая группа «Наименования результатов ведения военных действий»

Помимо лексических единиц, относящихся к наименованиям военных действий и способов ведения войны, в кинотексте также может быть метафоризована лексика, обозначающая результаты ведения военных действий (*победа, победить, перебороть, проигрывать*). Следует отметить, что метафоры с лексемами, означающими результаты войны, выступают в большинстве случаев как общепринятые военные метафоры, значения которых стерлись и не передают агрессии, связанной с войной. В качестве примера можно привести такое высказывание: «Когда она меня уволила, я не переживала. Я знала, что правда победит» («Дайте жалобную книгу», 1965). В данном выражении правда метафорически концептуализируется в образе победителя в войне. Здесь имеет место персонафикация абстрактного понятия «правда». Образованное от глагола *победить* существительное *победа* подвергается метафоризации в реплике типа «С тобой, корнет, друг друга сыщем. Коль не убьют нас на войне, когда побед блеснет зарница» («Гусарская баллада», 1962). В основе данной метафоры лежит восприятие победы в качестве того, что способно излучать свет.

Кроме слова *победить* его синоним *перебороть* также приобретает метафорический смысл в фильмах Э. Рязанова. Это можно проиллюстрировать словами песни из фильма «Вокзал для двоих» (1982): «Из дома выйдя в непогоду, взбодрите дух, прищпорьте плоть. Не бойтесь тасовать колоду, пытайтесь жизнь перебороть». Текст к этой песне был написан самим режиссером фильма. Выражение *перебороть жизнь* передает здесь смысл 'преодолеть все жизнен-

ные трудности'. В данном контексте одновременно происходит и олицетворение отвлеченного понятия «жизнь», конкретнее, осмысление жизни в образе противника на войне. Нетрудно заметить, что применение здесь метафоры имеет целью повысить выразительность и эстетичность текста. Кроме того, выигрыш или проигрыш в карточной игре может уподобляться победе или поражению в войне: «Я человек светский и умею проигрывать с честью! Ступайте, дети мои!» («Невероятные приключения итальянцев в России», 1973).

Тематическая группа «Наименования лиц, имеющих прямое и косвенное отношение к военным действиям»

Общеизвестно, что в любом военном конфликте существует как минимум две противодействующие стороны, которые условно делятся на «своих» и «чужих», «друзей» и «врагов». Неслучайно слово *враг* является одним из ярких примеров военной лексики, которое нередко подвергается переосмыслению благодаря ярко выраженной в нем агрессивности и отрицательной оценке. В кинотексте метафоризация данного слова реализуется на основе семантического признака «противоборство»: «Что такое домработница? Домработница – это своего рода внутренний враг» («Девушка без адреса», 1957). В представлении хозяйки квартиры молодая и красивая работница в доме, имеющая потенциальную возможность соблазнить ее мужа, отождествляется с военным противником. Лексема *побежденный*, указывающая на отрицательный результат участия в военных действиях, получает метафорический смысл в следующей персонажной реплике: «– Ты побежденный! – Еще неизвестно, кто побежден! Руку сломаешь!» («Ирония судьбы, или С легким паром», 1975). Тот, кому не удалось одержать верх в драке, похож на того, над кем одержана победа.

В кинофильмах Э. Рязанова обнаруживается возможность образовать метафорическое значение на основе семантического компонента «безнравственное поведение, низкий поступок» (*предатель, изменник*):

«– Прекрасно! Сегодня вечером я тебя ограблю! – Предатель! Я не хочу грабить Анну Павловну! Я не хочу вас грабить!» («Старики-разбойники», 1971); «– Я не стану унижать себя оправданиями. – А как же... Ах ты предатель! Я тебя растерзаю!» («Ключ от спальни», 2003); «– Вот он, держите его! – А, попался! Изменник! Я предупреждал!!!» («Невероятные приключения итальянцев в России», 1973).

Измена, предательство в дружбе, в любви часто приравниваются к измене, предательству

в военных условиях. Номинации лиц на военной службе могут быть использованы для метафорического обозначения характеристик человека, например, «умение выведать тайные сведения» (шпион): «Я думала, что ты на самом деле любишь меня, а ты, оказывается, приставлен, чтобы следить за мной! Грязный шпион!» («Невероятные приключения итальянцев в России», 1973). Кладовщики случайно обнаружили, что Андрей Васильев, который назвался гидом, оказывается на самом деле представителем милиции и он специально присоединился к ним, чтобы следить за ними и выведать сведения о местонахождении сокровищ. Как можно заметить, метафорический перенос, в котором актуализируется сема «поведение», является наиболее востребованным в данной тематической группе.

Тематическая группа «Наименования видов оружия и его элементов»

Военная метафора способна описывать средства для ведения войны, боя. В данную тематическую группу включаются сама лексическая единица *оружие* и виды вооружения как гипонимы (*пуля*). Метафорический перенос осуществляется по модели «предметы, предназначенные для осуществления военных действий → предметы, используемые в быденной жизни». Так, в словарных источниках слово *оружие* толкуется как «всякое средство, технически пригодное для нападения или защиты, а также совокупность таких средств»²⁴. В случаях его метафорического употребления в невоенных ситуациях актуализируется главная эксплицитная сема «средство для достижения цели», а также имплицитная – «мощность, разрушительная сила». Рассмотрим примеры использования в кинотексте:

«Я вам так скажу, молодой человек: печать – это самое острое наше оружие. Вы поняли мою мысль?» («Дайте жалобную книгу», 1965); «Молодые люди, имейте в виду, у меня в руках горячее оружие!» («Девушка без адреса», 1957).

В первом высказывании пресса интерпретируется как наиболее мощное, влиятельное орудие, при помощи которого распространяются идеологии или обличаются негативные социальные явления. Эта метафора соотносена с сюжетом фильма «Дайте жалобную книгу» (1965), по которому журналист Юрий Никитин написал фельетон, где разоблачается хамское обслуживание клиентов в захудалом ресторане «Одуванчик». Статья получила бурный общественный резонанс, в результате чего директору ресторана Шумовой предложили уволиться. Советский на-

род беззаветно верил в мощь и силу печатного слова. Таким образом, при сравнении прессы с оружием, помимо главной семы «средство», акцент делается и на силе воздействия прессы на массовое сознание. Во втором примере под горячим оружием подразумевается чайник с кипящей водой. Мотивирующая сема для данного метафорического переноса – «предмет, применяемый для нанесения удара кому-л.». Следует отметить, что военная метафора в этом контексте выступает вербальным средством создания в речи комического эффекта.

Кроме самого слова *оружие* метафоризация номинаций элементов оружия также встречается в текстах фильмов Э. Рязанова: «Прелестница младая, Прощаюсь я с тобой. Пусть пуля удалая прервет мой путь земной» («Гусарская баллада», 1962). Пуля в качестве элемента стрелкового оружия персонифицируется при помощи метафоризованного предиката *прервать*, который, как правило, сочетается с субъектом действия – лицом.

Тематическая группа «Наименования войсковых групп, подразделений»

Данная тематическая группа является самой малочисленной по количеству примеров. В нее входит лишь одно метафорическое выражение из фильма «Дорогая Елена Сергеевна» (1988): «– Дорогие мои, вы... вы просто не представляете, как вы меня... вот уж не ожидала. Спасибо вам. Но как вы узнали? – Разведка донесла!» Слово *разведка* в исходном значении означает «войсковую группу, подразделение для получения сведений о противнике»²⁵. В данном контексте оно используется для метафорического обозначения группы людей, занимающихся сбором чужих данных. Заметим, что здесь метафорическая корреляция формируется на основе мотивирующего признака «получение сведений».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно сказать, что процесс метафоризации военной лексики оказывается активным в кинотексте. Военные метафоры в текстах кинопроизведений Э. Рязанова базируются на сходстве наименований военных процессов и действий, результатов и участников войны, вооружения, войсковых подразделений с различными явлениями в повседневной жизни. Активность метафорических процессов в выделяемых тематических группах неоднородна. Самой высокой степенью метафоричности в рамках анализируемого материала обладает тематическая группа «Наименования военных действий и способов ведения войны» (71 %). При помощи уподобления процессов и действий, осуществляе-

мых в военных условиях, процессам и действиям в невоенных ситуациях, актуализируются серьезность обстановки и решительность в достижении цели, подчеркивается характеристика действия (агрессивность, разрушительность), создается в речи определенный эмоциональный настрой. Схожими по распространенности видами военной метафоры выступают подвергающиеся переосмыслению наименования участников военных действий (13 %), результатов ведения военных действий (8 %), видов оружия и его элементов (6 %). Низкая частотность употребления наблюдается у лексических единиц, называющих войсковые группы, подразделения (2 %).

Согласно статистическим данным, метафорические выражения извлечены из 17 кинофильмов Э. Рязанова. Множество из них встречаются в текстах фильмов «Гараж» (19 %) и «Невероятные приключения итальянцев в России» (15 %). Таким образом, военные метафоры чаще употребляются в фильме-приключении и в фильме, сюжет которого посвящен острым социальным вопросам. Напомним, что в образовании военных метафор участвуют разные части речи. Подавляющее большинство анализируемых фактов относится к глагольным метафорам, составляющим 76 % от общего числа примеров, остальные – субстантивным метафорам (24 %). В рассмотренных текстах метафорический перенос главным образом осуществляется с помощью глагола в позиции предиката. Также

важно заметить, что 82 % обнаруженных военных метафор принадлежат узуальным, которые в основном функционируют в персонажных репликах. Аппелляция к общепринятой языковой картине мира делает кинотекст более понятным для зрителей. Все окказиональные метафоры фигурируют в словах песен фильмов и чаще всего служат цели повышения эстетической ценности текста.

Рассмотренные нами военные метафоры выступают в качестве продуктивного средства для выражения эмоции (например, гнева) или описания душевного состояния (например, огорчения) в кинотексте. Они также повышают речевую выразительность и эстетичность кинотекста. Некоторая военная лексика при метафоризации приобретает оценочную окраску, отличную от обычной. Например, капитуляция в переносном смысле ‘уступка в отношении’ уже не носит негативного оттенка.

Таким образом, изучение языковых явлений, таких как концептуальные метафоры, в кинотексте позволяет учащимся иностранной аудитории раскрыть особенности фрагмента русской языковой картины мира и выявить роль военной метафоры в ее формировании. Результаты данного исследования могут быть использованы в практике обучения русскому языку как иностранному, при подготовке учебных пособий по метафорологии и лингвистике кинотекста.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: Терминологический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 940 с.

² Ларионова Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. С. 242.

³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багрянцева Г. И. Военная лексика в «Записках» Г. Р. Державина // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2009. № 4. С. 81–87.
2. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. 193 с.
3. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе: Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. 215 с.
4. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013. 194 с.
5. Лаккофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
6. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта, 2007. 296 с.
7. Сафаров Р. Т. Военная лексика татарского языка. Казань, 2015. 196 с.
8. Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.

9. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180–186.
10. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: УрГПУ, 2001. 238 с.

Поступила в редакцию 16.07.2024; принята к публикации 02.12.2024

Original article

Li Yan, PhD in Philology, Senior Lecturer, Sino-Russian Institute of Jiangsu Normal University (Xuzhou, People's Republic of China)
ORCID 0000-0001-9749-6054; feizaidemami@yandex.ru

SPECIFIC FUNCTIONING OF MILITARY METAPHORS IN CINEMATOGRAPHIC TEXT (a study of Eldar Ryazanov's films)

Abstract. The paper examines the functioning of military metaphors as one of the leading types of conceptual metaphors in the texts of Eldar Ryazanov's films. In contemporary linguistics, there is an increasing focus on the study of cognitive metaphors, which serve as a crucial tool for interpreting creolized texts, particularly cinematographic texts. However, there has been no research specifically exploring the manifestation of military metaphors in films. This article represents the first attempt to identify and analyze metaphorical models that structure thematic groups of military vocabulary, including the following: "naming military actions and ways of warfare", "naming outcomes of military actions", "naming individuals directly and indirectly involved in military actions", "naming types of weapons and their components", and "naming military groups and units". The study reveals the lexico-semantic, categorical-grammatical, functional, stylistic, and linguocultural characteristics of these metaphorical models in film language. It highlights the national and cultural uniqueness of the metaphorical understanding of the vocabulary associated with the semantic domain of "war", thereby reflecting a fragment of the Russian linguistic worldview through identifying key instances of using military metaphors in everyday contexts. The findings can be applied to the teaching of Russian as a foreign language and can inform the development of textbooks on metaphorology and the linguistics of cinematographic texts.

Keywords: military metaphor, seme, direction of metaphorical transfer, cinematographic text, linguistic worldview

For citation: Li, Yan. Specific functioning of military metaphors in cinematographic text (a study of Eldar Ryazanov's films). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(1):8–15. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1122

REFERENCES

1. Bagryantseva, G. I. Military vocabulary in the *Notes* by G. R. Derzhavin. *Vestnik of N. A. Nekrasov Kostroma State University*. 2009;4:81–87. (In Russ.)
2. Baranov, A. N., Karaulov, Yu. N. Russian political metaphor (materials for the dictionary). Moscow, 1991. 193 p. (In Russ.)
3. Budaev, E. V., Chudinov, A. P. Metaphor in political interdiscourse: Monograph. Yekaterinburg, 2006. 215 p. (In Russ.)
4. Voroshilova, M. B. Political creolized text: keys to reading: Monograph. Yekaterinburg, 2013. 194 p. (In Russ.)
5. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors we live by*. Moscow, 2004. 256 p. (In Russ.)
6. Maslova, V. A. Introduction to cognitive linguistics. Moscow, 2007. 296 p. (In Russ.)
7. Safarov, R. T. Military vocabulary of the Tatar language. Kazan, 2015. 196 p. (In Russ.)
8. Slyshkin, G. G., Efremova, M. A. Cinematographic text (experience of linguocultural analysis). Moscow, 2004. 153 p. (In Russ.)
9. Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. Creolized texts and their communicative function. *Optimisation of speech impact*. Moscow, 1990. P. 180–186 (In Russ.)
10. Chudinov, A. P. Russia in the metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphors (1991–2000). Yekaterinburg, 2001. 238 p. (In Russ.)

Received: 16 July 2024; accepted: 2 December 2024

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА СИРОТА

кандидат филологических наук, доцент кафедры славистики
филологического факультета
Бельцкий государственный университет имени Алеку Руссо
(Бельцы, Республика Молдова)
ORCID 0000-0002-2662-8512; sirotaelena@mail.ru

ВКЛАД А. А. ШАХМАТОВА В РАЗВИТИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

А н н о т а ц и я . Актуальность исследования обусловлена активизацией интереса современных языковедов к истории становления российской грамматики, а также синтаксической типологии и методологии. Цель работы состоит в исследовании теоретического наследия А. А. Шахматова и оценке роли ученого в становлении российской и европейской лингвистики. Цель обусловила рассмотрение следующих проблем: вклад А. А. Шахматова в развитие классической и неклассической лингвистики, новаторское описание ученым синтаксического яруса языка, оригинальные идеи по изучению грамматических классов слов, учение о грамматической категории, анализ языковых фактов не только с синхронной, но и с диахронической точки зрения. Теоретическая значимость исследования состоит в выявлении важнейших положений теории А. А. Шахматова и их значимости для развития европейского языкознания. Практическая значимость связана с возможностью применения результатов исследования в преподавании синтаксиса, морфологии, лексикологии и лексикографии русского языка, а также дисциплин: «Общее языкознание», «История русского языка», «Методика преподавания русского языка».

К л ю ч е в ы е с л о в а : синхрония, диахрония, психологическая коммуникация, части речи, комплексный метод исследования, древнерусские летописи, синтаксический ярус языка

Д л я ц и т и р о в а н и я : Сирота Е. В. Вклад А. А. Шахматова в развитие лингвистической теории и методологии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 1. С. 16–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1123

ВВЕДЕНИЕ

Лингвистическое наследие А. А. Шахматова представляет собой начало нового этапа в развитии европейского языкознания, так как с его именем связан целый ряд открытий в области грамматики, славистики и текстологии, которые изменили принципы, методологию и методику филологических исследований. Шахматовские труды открыли новую эпоху в таких научных дисциплинах, как история русского литературного языка, древнерусское летописание, русский синтаксис.

А. А. Шахматов исследовал славянскую акцентологию, руководил подготовкой «Энциклопедии славянской филологии», возродил издание «Полного собрания русских летописей», основываясь на достижениях А. Х. Востокова, изучил историю появления «Повести временных лет», летописных сводов и внелетописных произведений [2]. Выдвинутые им приемы изучения летописей можно по праву охарактеризовать как непревзойденные с точки зрения тон-

кости понимания и дальновидности выводов. Благодаря применению новаторской методологии Шахматовым – историком языка было установлено, что «Повесть временных лет» не самый древний летописный свод, как считалось до этого.

Академик А. А. Шахматов – не только один из крупнейших российских грамматистов и лексикографов, но и основоположник совершенно нового метода описания языка, позднее названного комплексным. Этот метод направлен на исследование книжно-литературного языка в его как синхронно, так и диахронически ориентированном сопоставлении с профессиональным арго и территориальными диалектами [7: 851], а также историей народа и его культуры.

ВКЛАД А. А. ШАХМАТОВА В МЕТОДОЛОГИЮ ЛИНГВИСТИКИ

Как справедливо отмечает Г. И. Кустова, следует внимательно проанализировать сильные стороны теории ученого и конкретные его

«наблюдения над языковыми фактами, которые стали “по-новому актуальны” в настоящее время, в период бурного развития таких научных направлений, как: теория коммуникативной организации предложения и текста, грамматика структур» [7: 850].

Новый метод, примененный А. А. Шахматовым, позволил профессору Б. П. Ардентову записать:

«Шахматов представляет собой редкий тип языковеда, который изучал язык действительно всесторонне – от древней эпохи до его современного состояния и во всех его разновидностях – от литературного языка до его диалектов и говоров» [1: 105].

Сущность новаторской методологии учебного заключается в следующем: психологизм изучения языковых фактов с опорой на принцип единства языка и мышления; учет, наряду с синхронным, диахронического аспекта при изучении языка; использование в грамматических построениях огромного фактического материала, выбранного из памятников книжно-литературного языка и диалектной речи, что и в настоящее время считается образцом структурно-семантического описания грамматического строя и сравнительно-исторического изучения языков.

А. А. Шахматов разделяет идеи младограмматиков с их ориентацией на психологическую основу языка, обуславливающую терминологические дефиниции и исследовательские схемы. Согласно А. А. Шахматову, язык – это система шаблонов, являющихся психологическими оканелостями. Отсюда следует, что языковая категория определяется психологическим процессом, выступая его продуктом. На протяжении своей истории человечество создавало модели для осуществления языковой коммуникации, которые, вербализуясь, образовывали знаки и формы языка, в том числе грамматические категории, типы предложений и других языковых единиц [10].

Помимо психологизма, важной стороной концепции А. А. Шахматова является опора на диахронию. Предметом языкознания необходимо считать язык в его эволюции, а лингвистику – наукой о его истории. А. А. Шахматов утверждал, что «всякое научное изложение фактов может быть только историческим» [6: 5], но при этом исследователи должны четко дифференцировать синхронию и диахронию при интерпретации языковых феноменов. Так, в частности, в отличие от некоторых лингвистов, он трактует односоставные предложения в современном русском языке как полные структуры, независимо от гипотез о происхождении глагольных и именных конструкций с единственным главным членом.

А. А. Шахматову принадлежит еще одно важное открытие в области методики языковых исследований. Начиная с «Восьмикнижия» Панини языковеды устанавливали систему значений тех или иных знаков, которая выражается с помощью данных языковых форм. Указанный способ рассмотрения фактов А. А. Шахматов дополняет концептуально новым требованием: изучать языковые единицы от значения к знаку. Ученый определяет систему значений, которые способны передавать знаки языка, и устанавливает способы вербализации грамматических значений, выходящих за рамки узуальных средств репрезентации категориальных значений. Опираясь на всеми признанное положение, что язык является категориально-знаковой системой, служащей для объективации элементов различных семантических сфер и их взаимоотношений, можем констатировать: методика А. А. Шахматова знаменует начало нового этапа в европейском языкознании. Это справедливо и для таксономического исследования различных систем языка, так как сравнительное изучение языков предполагает исследование особенностей объективации константных категорий в сопоставляемых языках.

ВЗГЛЯДЫ А. А. ШАХМАТОВА НА ГРАММАТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ

Академик А. А. Шахматов выдвинул рациональный план построения грамматики, при котором само описание языковой системы должно соответствовать стратификации языка:

«Учение о языке должно начинаться с синтаксиса предложения, переходить к синтаксису словосочетания, к учению о частях речи, о грамматических формах, учению о звуках речи, к учению о словообразовании и словарном составе» [6: 29–35].

Первые дисциплины объединены в разделе «Синтаксис», затем следуют «Морфология», «Фонетика», «Словообразование», «Лексикология». Данный план построения соответствует процессу речепорождения, так как, оформляя свою мысль либо интерпретируя чужое сообщение, мы вычленим из предложения словосочетания, слова, морфемы, звуки. К сожалению, осуществить все задуманное в области синтаксического описания ученый не успел.

Важное место в шахматовской теории занимает учение о грамматической категории. Грамматическая категория, грамматическая форма и значение, в отличие от многих лингвистов, трактуются ученым не как тождественные понятия, а как разные термины, несинонимичные друг другу. Кроме того, А. А. Шахматов рас-

ширяет традиционный состав грамматических категорий: в частности, пользуется оппозицией лица – нелица и предлагает новую трактовку категории собирательности.

Опираясь на понятия «грамматическая категория», «значение», «форма», А. А. Шахматов создает учение о частях речи, убедительно аргументируя (впервые в европейском языкознании) необходимость иерархической разноуровневой классификации тем, что в высшей степени некорректно ставить в один ряд абсолютно разные классы слов: существительные, глаголы, местоимения, так как их категориальные значения различаются (а у неполнозначительных частей речи – отсутствуют).

Согласно Шахматову, части речи – это выступающие в функции тех или иных членов предложения группы слов или классы слов, в которых совмещаются лексические и сопутствующие или грамматические признаки. Положенные в основу определения критерии безупречно корректны – неслучайно именно на этой основе будет создана и классификация В. В. Виноградова [4: 29]. В этой дефиниции вызывают возражение, однако, следующие моменты: а) подмена понятий «части речи» и «члены предложения» в синтаксической концепции; б) дефиниция ориентирована только на «знаменательные части речи» [10: 2–5].

А. А. Шахматов различает 14 грамматических классов слов. На первом уровне он делит их на блоки или на структурно-семантические классы:

«знаменательные части речи, неместоименные классы слов: существительное, прилагательное, наречие; незначительные, местоименные части речи: а) местоименные существительные; б) местоименные прилагательные; в) местоименные наречия; г) местоименные числительные» [10: 2–3].

Идея о дифференциации местоименных и неместоименных частей речи является вполне корректной, тем не менее критерий, положенный в основу разграничения, нарушается: свидетельством тому является отсутствие параллели местоименного класса с местоименными числительными и глаголами [9].

А. А. Шахматов впервые выделяет в особую часть речи связки, аргументируя это тем, что по своим отдельным признакам связки сближаются с самостоятельными классами слов: *быть, казаться, становиться*.

1. Связки не только могут быть асемантическими, но и являться носителями грамматического и лексического значения.

2. Им свойственна морфемная сегментация.

3. Связка выполняет вспомогательную роль и не может являться членом предложения сама по себе.

В системе А. А. Шахматова учет разнообразных дифференциальных признаков каждого класса слов и их широких функциональных возможностей связан с учением о трансформационных процессах на уровне грамматических классов слов. Переходность в области частей речи обусловлена, по мнению ученого, их способностью к функциональной трансформации [5: 130]: употребление представителя грамматического класса слов в нетипичной для него роли приводит к переходу в иную часть речи, для которой данная функция является типичной.

Теоретические положения ученого отражают и его синтаксическую концепцию. А. А. Шахматов приходит к убеждению, что язык стремится выработать структуры, детерминированные законами мышления, поэтому чрезвычайно важно учитывать взаимосвязь логических и грамматических средств. Отношения членов высказывания обуславливаются нормами мышления, а репрезентируются средствами грамматики, выработанными языком по фиксированным синтаксическим построениям. Логические категории (субъекта, предиката, объекта и пр.) способствуют оформлению членов предложения, что свидетельствует о тесной взаимосвязи языка и мышления в процессе «психологической коммуникации».

Приступая к построению синтаксиса, ученый выбрал именно психологический принцип, который лег в основу трактовки всех единиц и категорий синтаксиса. А. А. Шахматов дает следующее определение предложения: «...единица речи, воспринимаемая говорящим и слушающим как грамматическое целое и служащее для словесного выражения единиц мышления, называется предложением» [10: 20–21]. В этом определении четко выявляются такие признаки предложения, как предикативность, коммуникативность, структурно-смысловая целостность и законченность. Указанное положение ряд современных синтаксистов считают некорректным, выделяя асемантемы, автосемантемы, синсемантемы.

Вместо логической трактовки предложения ученый предлагает трактовку, в центре которой – психологическая коммуникация, которая имеет три признака:

- 1) всегда является сочетанием двух представлений, простых или сложных;
- 2) данное сочетание двух представлений всегда умышленное;
- 3) связь представлений всегда есть связь предикативная.

А. А. Шахматов специально обосновывает важность введения данного понятия в научный обиход; особо отмечает, что между предложением и психологической коммуникацией нет строго однозначных отношений, так как предложение не воспроизводит коммуникацию точно, а лишь соответствует ей. Любая коммуникация, каким бы типом предложения она ни была выражена на языковом уровне, всегда является дву-членной, состоит из субъекта и предиката.

Впервые в европейском языкознании А. А. Шахматов разграничивает две категории: односоставность и двусоставность. Если субъект и предикат коммуникации синкретично выражены в другом главном члене, предложение называется односоставным, а если субъект и предикат выражены двумя членами – двусоставным. Генетическая категория односоставности сформировалась на базе двусоставного предложения, но по направлению к современности односоставные предложения стали автономной, самостоятельной, особой структурной моделью предложения [8: 869–876]. А. А. Шахматов предлагает подробную классификацию типов односоставных конструкций. Данная классификация является свидетельством значительного научного вклада ученого в изучение синтаксического строя языка. В предложенной рубрикации односоставных предложений представляет особый интерес концепция А. А. Шахматова о репрезентации в вокативных конструкциях нерасчлененного значения.

Выделяя именные («бессказуемо-подлежащие») предложения, ученый отказывается от традиционного для индоевропейского языкознания учения о глагольности как ядре предложения: такие лингвисты, как А. А. Потенбя, Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский, придерживались теории о глагольности как облигаторном отличии предложений индоевропейского языка [3: 128], но в их работах, замечает А. А. Шахматов, слышится «незаслуженный дифирамб глагольности» [3: 129].

Количество членов предложения, описываемых А. А. Шахматовым, превосходит традиционную пятичленную схему. Среди второстепенных членов предложения, наряду с общепринятыми дополнениями, определениями, обстоятельствами, приложениями, ученый называет дополнительный глагольный член и особый служебный член предложения – связку, впервые заявляет о существовании второстепенного (деепричастного) сказуемого, а также главном члене односоставного предложения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Шахматовские теоретико-методологические разработки стали фундаментом для развития лингвистической палеонтологии, славистики и современной методологической парадигмы в области грамматики и источниковедения.

Свидетельством высокой научной репутации А. А. Шахматова явилось полученное им звание почетного доктора ряда университетов Европы: Берлинского университета, Краковской академии наук, Чешского университета в Праге и Сербской академии наук. Европейские ученые, современники А. А. Шахматова – С. Кемпген (Германия) и Р. Оти (Великобритания) – высоко оценили труд А. А. Шахматова «Синтаксис русского языка». Среди тех, кто был лично знаком с А. А. Шахматовым и переписывался с ним, находим имена В. Ягича, А. Белича, О. Брока, А. Мазона, А. Муки, М. Фасмера, Я. Розвадовского.

Ярким подтверждением значимости работ А. А. Шахматова являются исследования российских ученых второй половины XX – начала XXI столетия, подчеркивающих перспективность концептуальных идей своего великого предшественника и использующих его методологию: В. В. Бабайцевой, В. В. Колесова, К. А. Роговой, М. Я. Дымарского, Г. И. Кустовой, О. В. Никитина и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ардентов Б. П. Общее языкознание: Курс лекций: В 2 ч. / М-во нар. образования МССР. Кишиневский гос. ун-т. Ч. 2. Кишинев, 1970. 190 с.
2. Бекасова Е. Н. А. А. Шахматов о происхождении русского литературного языка: многообразие классики // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 72–73.
3. Березин Ф. М. История русского языкознания: [Учеб. пособие для филол. спец.]. М.: Высшая школа, 1979. 223 с.
4. Виноградов В. В. История русских лингвистических учений: [Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов]. М.: Высшая школа, 1978. 367 с.
5. Даниленко В. П. История русского языкознания. М.: Флинта, 2012. 320 с.
6. Из трудов А. А. Шахматова по русскому языку: (Учение о частях речи) / [Вступ. статья В. В. Виноградова]. М.: Учпедгиз, 1952. 272 с.
7. Кустова Г. И. Уроки Шахматова: семантические явления в «нестандартных» синтаксических конструкциях // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 72–73.

- тию со дня рождения ученого / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 850–861.
8. Немыка А. А., Пешков А. Н., Адамчук А. А. Системные отношения терминологии синтаксиса на уровне парадигматики (от А. А. Шахматова до наших дней) // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 869–877.
 9. Отечественная лингвистика. От А. А. Потебни до В. В. Виноградова / Сост. Е. А. Красина. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2006. 255 с.
 10. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / Вступ. ст. д-ра филол. наук, проф. Е. В. Клобукова; Ред. и коммент. проф. Е. С. Истриной. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.

Поступила в редакцию 19.09.2024; принята к публикации 23.12.2024

Original article

Elena V. Sirota, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor,
Alecru Russo Balti State University (Balti, Republic of Moldova)
ORCID 0000-0002-2662-8512; sirotaelena@mail.ru

A. A. SHAKHMATOV'S CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF LINGUISTIC THEORY AND METHODOLOGY

Abstract. The relevance of the study is conditioned by the intensified interest of modern linguists in the history of the formation of Russian grammar, as well as syntactic typology and methodology. The aim of the work is to study the theoretical heritage of A. A. Shakhmatov and to evaluate the scientist's role in the formation of Russian and European linguistics. The purpose has determined the consideration of the following problems: A. A. Shakhmatov's contribution to the development of classical and non-classical linguistics, the scientist's innovative description of the syntactic tier of language, his original ideas on the study of the grammatical classes of words, the doctrine of grammatical category, the analysis of linguistic facts not only from synchronic but also from diachronic points of view. The theoretical significance of the study consists in revealing the most important provisions of A. A. Shakhmatov's theory and their significance for the development of European linguistics. The practical significance is associated with the possibility of applying the results of the study in teaching syntax, morphology, lexicology, and lexicography of the Russian language, as well as the disciplines "General Linguistics", "History of the Russian Language", or "Methods of Teaching the Russian Language".

Key words: synchrony, diachrony, psychological communication, parts of speech, comprehensive research method, Old Russian chronicles, syntactic layer of language

For citation: Sirota, E. V. A. A. Shakhmatov's contribution to the development of linguistic theory and methodology. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(1):16–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1123

REFERENCES

1. Ardentov, B. P. General linguistics: Course of lectures: In 2 parts. Part 2. Kishinev, 1970. 190 p. (In Russ.)
2. Bekasova, E. N. A. A. Shakhmatov on the origin of the Russian literary language: the diversity of classics. *Academician A. A. Shakhmatov: life, work, scientific heritage: Collection of articles commemorating the 150th anniversary of the scientist's birth*. (O. N. Krylova, M. N. Priemysheva, Eds.). St. Petersburg, 2015. P. 72–73. (In Russ.)
3. Berezin, F. M. The history of Russian linguistics: [Textbook for linguistic university majors]. Moscow, 1979. 223 p. (In Russ.)
4. Vinogradov, V. V. The history of Russian linguistic doctrines: [Textbook for linguistic university majors]. Moscow, 1978. 367 p. (In Russ.)
5. Danilenko, V. P. The history of Russian linguistics. Moscow, 2012. 320 p. (In Russ.)
6. Excerpts from A. A. Shakhmatov's works on the Russian language: (The doctrine of parts of speech). (V. V. Vinogradov, Fwd.). Moscow, 1952. 272 p. (In Russ.)
7. Kustova, G. I. Shakhmatov's lessons: semantic phenomena in "non-standard" syntactic constructions. *Academician A. A. Shakhmatov: life, work, scientific heritage: Collection of articles commemorating the 150th anniversary of the scientist's birth*. (O. N. Krylova, M. N. Priemysheva, Eds.). St. Petersburg, 2015. P. 850–861. (In Russ.)
8. Немыка, А. А., Пешков, А. Н., Адамчук, А. А. System relations of syntax terminology at the level of paradigmatics (from A. A. Shakhmatov to the present day). *Academician A. A. Shakhmatov: life, creativity, scientific heritage: Collection of articles commemorating the 150th anniversary of the scientist's birth*. (O. N. Krylova, M. N. Priemysheva, Eds.). St. Petersburg, 2015. P. 869–877. (In Russ.)
9. Russian linguistics. From A. A. Potebnya to V. V. Vinogradov. (E. A. Krasina, Comp.). Moscow, 2006. 255 p. (In Russ.)
10. Шахматов, А. А. Syntax of the Russian language. Moscow, 2001. 624 p. (In Russ.)

Received: 19 September 2024; accepted: 23 December 2024

НАТАЛИЯ ДАНИИЛОВНА СТРЕЛЬНИКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0009-0002-0426-0515; tashastrel@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ XXI ВЕКА: К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКИ

А н н о т а ц и я . Целью исследования является изучение проблемы отражения субстандартной лексики в современном художественном произведении и практика ее обсуждения в преподавании русского языка как иностранного. Для анализа речевого дискурса современной России в качестве одного из образцов выбран роман А. Рубанова и В. Авченко «Штормовое предупреждение», который мы предлагаем рассмотреть в качестве актуального учебного материала, способствующего интенсивному погружению в современную культуру страны изучаемого языка и формированию речевых умений. В тексте романа зафиксирована новая языковая реальность, ярко и емко демонстрируются неисчерпаемые возможности национального языка, а речь ровесников нового века раскрывается во всем многообразии ее оттенков. В этом состоит актуальность и новизна данного исследования.

К л ю ч е в ы е с л о в а : РКИ, субстандартная лексика, социальный диалект, жаргон, сленг, просторечие, литературный язык, текст, новейшая проза

Д л я ц и т и р о в а н и я : Стрельникова Н. Д. Языковая реальность XXI века: к проблеме изучения субстандартной лексики // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 1. С. 21–28. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1124

ВВЕДЕНИЕ

Активные процессы преобразования охватили на рубеже XX–XXI веков все уровни русского языка (расширение вариативности в области орфоэпии / акцентологии, тенденции аналитизма в грамматике и пр.), но серьезнее всего затронули лексику [7], [10], [12], [16], [22], [27]. Границы литературного языка за последние 20–30 лет существенно раздвинулись не только за счет масштабного пополнения разностилевыми американизмами, но и в результате активного проникновения социальных диалектов и других составляющих национального языка. Исследователи, в частности, указывают на функционирование заимствованной лексики, особенно активизировавшееся в разговорной речи и представленное, например, в текстах художественных произведений. О доминировании разговорной речи и вхождении ее элементов в литературный язык писали и ранее, еще в 90-е годы XX века [8], [9], когда процессы значительного изменения лексического состава стали заметными. К 20-м годам нашего столетия социальные диалекты (жаргон, сленг, арго) уже успели оказать значительное воздействие на речь носителей русского языка почти

всех возрастных категорий независимо от их социального статуса вследствие беспрепятственного проникновения жаргона в язык масс-медиа и СМИ, который отражается и в языке художественных произведений XXI века.

Традиционно иностранные бакалавры и магистранты, изучая русский язык, знакомятся с ним в объеме, установленном определенным уровнем владения русским языком, а также посредством собственных наблюдений за бытованием лексических единиц в разговорной речи. Работа преподавателя РКИ подразумевает обучение иностранных учащихся литературному языку, который, как известно, будучи высшей формой национального языка, является нормированным и кодифицированным. Между тем эта, безусловно, образцовая составляющая всего лишь часть национального языка. Без понимания иных форм его существования – просторечия, социальных и территориальных диалектов – представление о словарном составе изучаемого языка иностранными обучающимися будет недостаточным. Однако следует оговориться, что знакомство с этими лексико-семантическими группами обусловлено уровнем владения язы-

ком наиболее пытливых учащихся. Имеющим достаточный уровень освоения русского языка иностранным студентам необходимо объяснить, что функционирующие в речи и в соцсетях в условиях новых видов и способов коммуникации и распространения информации лексические единицы и выражения не входят в учебные пособия и учебники по РКИ. Однако в академические толковые словари подобные слова частично включены и снабжены пометами – «разг.», «разг.-сниж.», «нар.-разг.» (см. Современный толковый словарь русского языка (СТСРЯ)) [23]; существуют также специальные лексикографические источники, например Большой словарь русского жаргона (БСЖ) [15]. Социальные диалекты находятся за пределами нормы литературного языка, но частотны в речи молодежи и широко используются в общении разных слоев социума.

К сожалению, вопрос терминологии до сих пор остается проблематичным [13], [14], [17]: «по-прежнему существует терминологическая путаница относительно понятий арг, жаргон, сленг, их этимологии» [18: 132]. Авторы учебников по лексикологии и культуре речи часто придерживаются точки зрения, что *жаргон* и *сленг* являются синонимами [20: 105], [24: 225], а в Современном толковом словаре *жаргон* определяется как

«Речь какой-л. социальной или профессиональной группы, содержащая большое количество собственных только этой группе слов и выражений; арг *Студенческий ж. Воровской ж. Компьютерный ж.*» [23: 186]; под *жаргонизмом* понимается «жаргонное слово или выражение» [23: 186];

аналогичное определение дается *сленгу*:

«1. Речь социально или профессионально обособленной группы: жаргон. 2. Элементы речи, не совпадающие с нормой литературного языка (обычно экспрессивно окрашенные)» [23: 755].

Считаем, что допустимо в данной ситуации остановиться на описательном термине *субстандартная лексика*, позволяющем объединить ряды слов, находящиеся за пределами литературного языка с точки зрения социолингвистического подхода. За стенами университетских аудиторий иностранный студент слышит внелитературные – жаргонные, ненормативные, просторечные – слова, и в его сознании возникает некий когнитивный диссонанс, рождающий вопрос, тому ли языку его учат. Возможно ли в условиях меняющейся языковой реальности по-прежнему обучать иностранных студентов только литературному языку или следует внедрить субстандартный лексикон в практику преподавания РКИ? Этот, безусловно, дискуссионный вопрос не был обойден вниманием лингвистов, преподавателей русского языка и РКИ, методистов [14], [19].

«Повсеместное использование единиц субстандартной лексики определяет потребность инофона <...> в знакомстве с русской неформальной культурой через призму непринужденного общения с русскоговорящей молодежью, устная речь которой далека от представления об эталонном русском языке» [5].

Активно обсуждаются перспективы внедрения субстандартной лексики в качестве одного из аспектов обучения РКИ с необходимыми оговорками по поводу семантики, сферы и специфики использования, объема словника лексической базы, формирования оценочного отношения к этой социально-языковой страте и пр. [5]. Очевидно, что на современном этапе развития языка нельзя недооценивать коммуникационную роль субстандартной лексики в молодежном дискурсе. Симптоматично, что среди статей на тему целесообразности знакомства иностранцев, изучающих русский язык, с единицами русского молодежного жаргона есть работы представителей других культур [3]. Отдельную нишу занимают исследования, посвященные студенческому жаргону [26], жаргону студентов определенного направления [6], [25], области [19] или субкультуры [11], проводившиеся на материале лингвистических опросов и анкет с составлением на их основе лексиконов, информации из газет и других СМИ, медиа, блогов и стримов, работы с информантами определенной социально-возрастной группы, а также речевых высказываний инофонов и блогеров. Речевой портрет представителя молодого поколения России первой четверти XXI века без использования им жаргонизмов представляется маловероятным.

«Русский молодежный сленг представляет собой интереснейший лингвистический феномен, бытование которого ограничено не только определенными возрастными рамками, как это ясно из самой его номинации, но и социальными, временными и пространственными рамками» [2: 32].

Целью нашего исследования является изучение проблемы отражения субстандартной лексики в современном художественном произведении последних лет и практика обсуждения субстандартного лексикона в преподавании РКИ на материале текста новейшей русской литературы. Среди методов и способов знакомства иностранных учащихся с внелитературной лексикой давно существует неоднократно апробированный и хорошо себя зарекомендовавший рецептивный вид речевой деятельности – чтение, способствующее расширению лексического запаса и совершенствованию речевых навыков.

Для анализа речевого дискурса современной России в качестве одного из образцов вы-

бран роман А. Рубанова и В. Авченко «Штормовое предупреждение» (2019), который мы предлагаем рассмотреть в практике преподавания РКИ в качестве актуального учебного материала, способствующего интенсивному погружению в современную культуру страны изучаемого языка и формированию речевых умений. В тексте романа зафиксирована новая языковая реальность, ярко и емко демонстрируются неисчерпаемые возможности национального языка, а речь ровесников нового века раскрывается во всем многообразии ее оттенков.

В центре повествования – история встречи и любви двух молодых людей. Варя прилетела из Петербурга во Владивосток, Виктор – коренной житель Приморья. Главные герои – наши современники: Варя – 19 лет, Виктору – 26 лет.

СУБСТАНДАРТНАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНЕ «ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ» В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

В зависимости от степени владения языком, специализации и курса иностранных учащихся можно рекомендовать прочитать с ними аутентичный текст – роман «Штормовое предупреждение» объемом 200 страниц полностью или выбрать из него фрагменты. Несмотря на то что проблема необходимости или, напротив, необязательности приобщения иностранных учащихся к особенностям национального языка и их знакомства с субстандартной лексикой является полемичной, нам кажется, как ни парадоксально, что полученные знания могут помочь более быстрой и успешной адаптации иностранных учащихся к непривычной для них среде.

Перейдем к описанию субстандартной лексики, представленной в исследуемом литературном произведении. Начнем с **жаргонизмов**, без знания которых, по мнению составителей Большого словаря русского жаргона (БСЖ), «уже (увы или, наоборот, к счастью) невозможно читать нашу современную литературу и периодику» [15: 3].

В разговорной речи границы между жаргонизмами, просторечной лексикой, территориальными диалектизмами не всегда представляются однозначными и четкими.

«Молодежному сленгу, как всякому аргю и шире – как всякому субязыку, свойственна некоторая размытость границ. Вычленив его как замкнутую подсистему, как объект наблюдения можно только условно» [2: 40].

Несмотря на это, дадим анализ жаргонных слов и выражений, в определении отношения которых к данному слою лексики автор статьи опирался на материалы БСЖ.

Среди наиболее распространенных сленговых слов и выражений, неоднократно встречающихся в романе Рубанова и Авченко, выделим прилагательное *прикольный* и однокоренные *прикольно*, *приколист*, имеющие в большинстве толковых словарей русского языка помету «жарг.» [см. СТСРЯ, с. 612, БСЖ, с. 474–475]¹. Эти слова частотны в студенческой среде, и иностранные учащиеся могут быть с ними знакомы. На этом этапе работы уместно повторить части речи и типы суффиксов, обратив внимание иностранных учащихся на то, что жаргон «представляет собой только лексикон, который питается соками общенационального языка, живет на его фонетической и грамматической почве» [2: 32]. Так, при помощи суффикса *-ист-* образуются имена существительные, обозначающие лицо определенной профессии или принадлежащее к определенному общественному направлению или учреждению (*журналист*, *пианист*, *футболист*, *перфекционист* и пр.). Конечно, работу по подбору номинаций лиц, образованных по данной словообразовательной модели, стоит предложить студентам.

Немало слов в романе можно определить как жаргонизированную разговорную речь, например: *стольник* (сто рублей) [15: 567], [БСЖ, с. 567], пришедшее из лагерно-уголовного жаргона слово *гужеваться* [БСЖ, с. 143, 444], а *на кортах* – из языка и культуры так называемых гопников. Эти примеры не частотны, однако дают представление об источниках пополнения субстандартной лексики, ее генезисе.

Особый интерес с точки зрения семантики, стилистической окраски, словообразования, видовременной принадлежности представляют экспрессивные глаголы-жаргонизмы. Рамки статьи не позволяют рассмотреть эту лексико-семантическую группу подробно, ограничимся простым перечислением: *врубаться* [БСЖ, с. 110], *врубить* [БСЖ, с. 110], *двинуть* [БСЖ, с. 148–149], *срастить* (дела) [БСЖ, с. 561], *крутиться* [БСЖ, с. 295], *зависать* [БСЖ, с. 191], *слить* (тему) [БСЖ, с. 547], *тусить* [БСЖ, с. 603], *порвать*, *подкатывать* [СТСРЯ, с. 546, с пометой *разг.*], *погнать* [БСЖ, с. 443], *замутить* [БСЖ, с. 206], *свалить* [БСЖ, с. 526], *сплавить* [БСЖ, с. 559], *прикинуть* [БСЖ, с. 474], *доходить*, *отвалить* [БСЖ, с. 401–402], *переторчать* [БСЖ, с. 593], *порешать*, *зырить* [БСЖ, с. 228], *впарить* [БСЖ, с. 108], *взбесить*, *отмазать* [БСЖ, с. 406], (им) *положить* (на нас), *приторчать* (денег), *напиваться в лоскуты*, *залипать* (в Интернете) [БСЖ, с. 203]. Все эти слова включены в специальные словари русского жаргона и сленга, например в БСЖ, или имеют соответствующую помету в толковых словарях русского языка.

Ряд глаголов, используемых в тексте, образуют синонимические ряды, включающие жаргонизмы. Например, *есть / съесть – зажевать, проглатывать, пожрать, заточить* («заточили всё, что было в холодильнике» (РА: 151)²); или к *брать – грабить, обчистить, стырить* [БСЖ, с. 573], *раздербанить* [БСЖ, с. 498]. Один из самых длинных синонимических рядов в этом романе, включающий в себя более 15 наименований, выстраивается с доминантным существительным *машина*, любимым «живым существом» (РА: 122) героя. Приведем лишь несколько, наиболее понятных иностранным учащимся: *автомобиль, Toyota Celica, «целика», тачка, телега, овощевозка*. Нейтральное существительное *рука* присоединяет синонимы – *пятерня, клешня* [БСЖ, с. 260], *ладошка*; а *паром – посудина, самоходный плашкоут, баржа*.

В приведенных примерах выписаны группы слов, принадлежащих к разным частям речи, они выбраны из всего текста романа (в общей сложности – 135 единиц / лексем). Если преподаватель занимается со стажерами, аспирантами, иностранными учащимися продвинутого этапа обучения, уровня С1 (ТРКИ-3), в такой иностранной аудитории реально прочитать роман целиком. Следовательно, подбор лексико-семантических элементов будет осуществляться на материале всего текста. К сожалению, в большинстве случаев контингент молодых людей, постигающих РКИ, обладает недостаточным уровнем владения русским языком для того, чтобы читать объемные тексты, поэтому следует обратиться к фрагментам, сопровождая конкретные диалоги или внутренние монологи героев кратким пересказом основного содержания романа. Из этого следует, что при чтении небольших фрагментов иностранные учащиеся заметят лишь отдельные жаргонизмы. Думается, этого будет достаточно, чтобы дать первоначальные сведения об этой лексике. Если читается фрагмент, в котором присутствует одно из слов синонимического ряда *рука, пятерня, клешня, ладошка*, стоит обратить внимание студентов на все существительные ряда с целью объяснить семантическое и стилистическое различие между ними.

Иногда синонимический ряд невелик и составляет всего два или три слова, тем любопытнее, когда одно из них жаргонное или просторечное, авторы романа таким образом объясняют то или иное выражение. Например, нейтральное *отделиться* (от родителей), *оторваться, съехать* – это *сепарироваться* и *слиться* [БСЖ, с. 547]. С одной стороны, приводится термин из психологии, с другой – словечко из молодежного жаргона.

«Я вот – оторвался. Взял и съехал. Сепарировался. <...> Но я слился. И хорошо себя чувствую. Уверенно» (РА: 146). *Вписки* [БСЖ, с. 109] и *скваты* [БСЖ, с. 541] позиционируются как синонимы к нейтральному *вечеринка* или маркированному *тусовка* [БСЖ, с. 603]: одно – жаргонно-сленговое, второе – заимствованное, оба нуждаются в объяснении. Заметим, что *вписка* – «квартира, место, где можно переночевать» [БСЖ, с. 109] – фиксируется уже в 90-е годы прошлого века.

Наиболее яркими наречиями являются *стрёмно* [БСЖ, с. 571], *борзо* [БСЖ, с. 71], *круто* [БСЖ, с. 295], *по-любому, конкретно* [БСЖ, с. 275], *на понтах* [БСЖ, с. 459], *тупо* [СТСРЯ, с. 848], *в тло, втишь, прикольно, реально* [БСЖ, с. 506], *классно* [БСЖ, с. 259], *не при делах, в хлам, на измене, без базара* [БСЖ, с. 44], однако степень их употребительности неодинакова. Выбрав более знакомые и чаще используемые – *круто, по-любому, конкретно, тупо, прикольно, классно, не при делах, без базара*, можно предложить задание с целью устранения лексических и грамматических трудностей, например, упражнение на подбор синонимов к жаргонизмам. Задание может варьироваться. В одном варианте даны нейтральные слова (ответы), к которым следует найти эквиваленты в предложениях из текста романа: *здорово, потрясающе – круто; точно, однозначно, определено – конкретно; бессмысленно, бестолково – тупо, согласен, естественно – без базара*. Или, наоборот, выстроив ряд жаргонизмов, предложить варианты ответов, которые нужно выбрать из слов для справок:

классно – здорово, изумительно, первоклассно; *не при делах* – я (не имею отношения, не участвую, вне, в стороне); *по-любому* – несомненно, в любом случае, без вариантов, наверняка, стопроцентно; *прикольно* – здорово, весело, смешно, забавно, интересно, остроумно, отлично, замечательно, любопытно, необычно, занятно, юморно.

При обращении к жаргонизмам, образованным по одной словообразовательной модели: *бэб-ло, муз-ло, барах-ло, бух-ло, куре-во*, рассматриваем, от каких частей речи они образованы, обсуждаем неоднородность стилистической окраски и выявляем лексические соответствия.

Речь молодежи всегда представляла собой своеобразный и яркий в лингвистическом отношении мир:

«Пока молодежный сленг используется молодыми, когда они общаются между собой в непринужденной, неофициальной обстановке, никакого “загрязнения” не происходит. То же касается и языка художественной литературы: когда сленгизмы входят в него как элементы речевой маски персонажа, это не вызывает никакого протеста, если делается с тактом и эстетически мотивировано» [2: 40–41].

Просторечная лексика. Не менее важную лексическую группу, характеризующую языковую ситуацию первой четверти XXI века, составляет просторечная лексика. Из многочисленных примеров в тексте романа: *поперся, напортачил, навалом, рожжа, морда, шмотки, сиськи, подкопнуть, трюхать* (на такси), *дрейфить* и др. – для иностранной аудитории предложить возможно немногое (*врать, морда, рожжа*), но задача объяснить все не стоит, речь идет лишь о представлении о существовании подобной группы слов.

В одном из внутренних монологов главный герой мысленно выстраивает и проигрывает предстоящий разговор с отцом: «...так и так, папа, я дико извиняюсь, взял твою лодку без спроса» (РА: 135). Об этом просторечном, разговорном *извиняюсь* писали почти век назад:

«Со времени войны (1914 г.) в России вошел в широкое употребление словесный знак вежливости – извинения “*извиняюсь*” <...> оно употребляется отрывочно, вне сочетания с другими словами, служит формальным словесным знаком <...> полного значения просьбы об извинении здесь не выражается...» [21: 42].

К сожалению, просторечное прилагательное *крайний* также продолжает бытовать вместо литературного *последний*: «Потому что этот паром на сегодня – крайний, а следующий будет в восемь утра» (РА: 12). Это речь жителя Приморья, а пятью страницами раньше девушка из Петербурга поясняет: «Мне как раз и нужно на паром. Последний» (РА: 6). Подобных столкновений вариантов слов в тексте немало. Рассуждают герои, например, о том, правильно ли называть город *Питером*. Варя «поправляет» героя, комментируя: «Не питерская <...> Петербургская. “Питер” – так говорят только дикие азиаты-москвичи. Настоящие европейцы говорят “Петербург”» (РА: 63). В другом фрагменте Виктор, характеризуя речь соседей, обращает внимание на разное произношение и звучание слова *семечки*: «...они их называют “семачки” или “семки”» (РА: 39). Просторечно-жаргонное *по жизни* берется авторами в кавычки с комментарием «как говорят на материке» (РА: 116).

Особого внимания заслуживает образование новых слов с помощью непривычных приставок с разговорно-просторечным оттенком: *застращать, заехать* (в тюрьму) (РА: 208), *выбрел* (на улицу), *загордился, затайфунило* (по-взрослому); или, наоборот, за счет отсечения привычных постфиксов: *корячил* (на своем горбу) (РА: 198) – *закорячил* (РА: 134).

Иные составляющие субстандартной лексики. Широко представлены слова-паразиты, эвфемизмы, современные речевые штампы и клише – составляющие субстандартной лексики.

Наиболее частотные слова-паразиты в соответствии с выполняемой ими функцией встречаются в тексте романа несколько раз. Это *типа* и *короче*. «Типа, никуда не денемся. Типа, мы ручные» (РА: 101), а также (РА: 156; 164); *короче* (РА: 153, 160; 198). Кроме этого, упоминаются *сто пудов* (РА: 161), *гнать пургу* (РА: 161), *это самое* (РА: 198), *давай* (РА: 197). Среди современных речевых штампов наиболее узнаваемые – *первым делом* и *известное дело*, а также *я разберусь, дальше разберемся; если честно* (РА: 205); *пусть будет* (РА: 206); *ну и ладно* (РА: 37); *это хороший вопрос* (РА: 202).

Сленговые номинации как отдельные элементы топонимики знакомы, например, по часто используемому в городском просторечии, в разговорно-бытовой речи Петербурга наименованиям Васильевского острова и памятника Екатерине II на площади Островского как *Васька* и *Катька*. В романе «Штормовое предупреждение» по такой модели образуется *Сунька*. Это просторечное название китайского города Суйфэнхэ. Можно сравнить в просторечно-разговорным *Финка*, так жители Петербурга часто называют Финляндию, в которую совсем недавно ездили так же часто, быстро и легко, как жители Владивостока – в Суйфэнхэ, или в *Суньку*. Также в «Штормовом предупреждении» заметное место занимают региональные разговорные слова типа *чифанька* (РА: 92) (кит. *chīfàn*) в значении китайская еда или кафе с дальневосточной кухней. Это обозначение характерно не только для Приморского и Хабаровского краев, но и для Амурской области, а также русских, живущих в Китае.

Рамки статьи позволяют только обозначить, насколько работа с текстом романа «Штормовое предупреждение» в иностранной аудитории может быть плодотворной и разноаспектной. Например, обсуждение найденных в тексте характерных для разговорной речи конструкций от фонетических стяжений (сокращений) слов, буквально имитирующих разговорную речь (*щас, здрасьте*); самостоятельная работа по поиску универбатов – слов, образованных из словосочетаний с помощью суффикса *-к-*: *учебка, ливнёвка* (ливневая канализация), *гостинка, малолетка* и пр.

Субстандартная лексика существовала задолго до обсуждения ее терминологии, специфики и объема, но важно отметить, что «поток этой лексики никогда не иссякает полностью, он только временами мелеет, а в другие периоды становится полноводным» [2: 32].

Языковые изменения являются постоянным процессом, фиксируемым исследователями языка в разные периоды его существования. Один из периодов активизации и актуализации субстандартной лексики переживается сейчас.

«Лингвист не может и не должен бороться с языком, задача лингвиста – исследовать его многообразие, в том числе и ненормативные проявления» [2: 33], многие из которых зафиксированы в тексте образца новейшей художественной прозы (2019 года) и приведены в статье.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Использование субстандартной лексики повсеместно, во всех сферах жизнедеятельности носителями языка разных поколений создает дополнительные сложности для иностранцев, изучающих русский язык как иностранный. При столкновении со спонтанной разговорной речью русскоговорящих в процессе межличностного общения, при аудировании или чтении медийных и сетевых текстов инофоны оказываются в непростом положении неполноценного участия в устной коммуникации, неадекватного понимания многих письменных текстов на русском языке. Не вызывает ни малейшего сомнения, что обучение литературному языку неизбежно и приоритетно, но в то же время не стоит игнорировать лексику, остающуюся за его пределами.

В статье было продемонстрировано, каким образом, а именно через активное включение в речь персонажей слов и выражений, относящихся

к субстандартной лексике, новая языковая ситуация отражена в новейшей русской прозе на примере романа «Штормовое предупреждение».

Работа с текстом романа А. Рубанова и В. Авченко в иностранной аудитории представляется не лишенной смысла и любопытной прежде всего с точки зрения анализа субстандартной лексики, функционирующей в речи молодых героев. Роман «Штормовое предупреждение» является одним из удачных текстов для создания учебных материалов, служащих цели развития речи и знакомства иностранных учащихся с ненормированной лексикой, обладающей богатой семантикой и синонимическими эквивалентами в литературном языке. Герои произведения – почти ровесники иностранных студентов, читающих данный роман; текст адекватно отражает речь носителей национального языка и в целом языковую ситуацию текущего культурно-исторического момента. Роман, как мы пытались показать, дает представление о богатстве современной русской речи и ее потенциале, а также представляет интерес с лингвострановедческой точки зрения, в том числе по количеству упоминаемых имен собственных, сочетанию разных лексико-стилистических пластов русского языка, из которых мы рассмотрели лишь один.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ После каждого слова в квадратных скобках указывается источник, по которому определялось отношение слова к конкретному слою субстандартной лексики.

² Рубанов А., Авченко В. Штормовое предупреждение. Роман больших расстояний. М: Молодая гвардия, 2019. 212 с. В дальнейшем в круглых скобках будут указаны начальные буквы фамилий авторов (РА) и через двоеточие страница.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
2. Береговская Э. М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 32–41.
3. Ван Синхуа. Русский молодежный жаргон в аспекте интерпретации вторичной языковой личностью: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2020. 663 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.disscat.com/content/russkii-molodezhnyi-zhargon-v-aspekte-interpretatsii-vtorichnoi-yazykovoii-lichnosti> (дата обращения 07.02.2024).
4. Горбачева Е. Ю., Осипова К. С. Студенческий сленг в историческом контексте // Молодой ученый. 2015. № 24. С. 1125–1128.
5. Гранкина М. А. Субстандартная лексика в речевых произведениях инофонов: функциональный и лексикографический аспекты: Дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2023. 240 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ncfu.ru/export/uploads/dokumenty-dissertacii/dissertaciya-Grankina.pdf> (дата обращения 07.02.2024).
6. Егошина Н. Б. Студенческий сленг как объект лингвистики // Известия высших учебных заведений. Сер.: Гуманитарные науки. 2017. Т. 8, № 4. С. 319–323.
7. Загоровская О. В. Русский язык в начале III тысячелетия: состояние и перспективы развития // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2003. Ч. I. С. 15–23.
8. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 275 с.
9. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. СПб: Златоуст, 1999. 330 с.
10. Костомаров В. Г. Язык текущего момента: понятие правильности. СПб., 2014. 220 с.

11. Котцова Е. Е. Языковые особенности жаргона геймеров // Экология языка и речи: Материалы IX и X Междунар. науч. конф. / Под ред. А. С. Щербак. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2021–2022. С. 47–50.
12. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 883 с.
13. Мизюрина Т. В. Определение и общие характеристики понятия «сленг», его роль в языке и культуре современной России // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). Вып. 73. С. 106–111.
14. Минакова Н. А., Талыбина Е. В. Жаргонная лексика в обучении РКИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2013. № 4. С. 63–73.
15. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: НОРИНТ, 2001. 720 с.
16. Никифорова Е. Б. Активные процессы в лексике русского языка первой четверти XXI в. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2018. № 8 (131). С. 74–79 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktivnyye-protsessy-v-leksike-russkogo-yazyka-pervoy-chetverti-xxi-v> (дата обращения 10.02.2024).
17. Орлова Н. О. Сленг vs жаргон: проблема дефиниции // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 3 (40). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sleng-vs-zhargon-problema-definitcii> (дата обращения 10.02.2024).
18. Руденко М. Ю. Исследование аргю, жаргона и сленга: вопросы терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 5 (59), ч. 3. С. 127–134.
19. Руденя Ж. И. Жаргонная лексика в современном молодежном дискурсе и возможности ее представления в словаре для изучающих русский язык как иностранный (на материале жаргонизмов, функционирующих в речи воронежской молодежи): Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2017. 221 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/zhargonnaya-leksika-v-sovremennom-molodezhnom-diskurse-i-vozmozhnosti-ee-predstavleniya-v> (дата обращения 10.02.2024).
20. Русский язык и культура речи / Под ред. В. Д. Черняк. М.: Высшая школа; СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. 509 с.
21. Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926). М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017. 250 с.
22. Склярёвская Г. Н., Ткачёва И. О. Давайте говорить правильно! Политический язык современной России: Краткий словарь-справочник. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2003. 219 с.
23. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004. 960 с.
24. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. М.: Высшая школа, 2003. 415 с.
25. Шипилова И. А. Характерные особенности жаргона студентов педагогических вузов // Студенческий электронный журнал «СтРИЖ». 2019. № 6 (29) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1575961810.pdf> (дата обращения 10.02.2024).
26. Шмачков С. А. Современный студенческий жаргон: Дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. 230 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/sovremennyi-studencheskii-zhargon> (дата обращения 10.02.2024).
27. Юдина Н. В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? М.: Гнозис, 2010. 293 с.

Поступила в редакцию 07.03.2024; принята к публикации 02.12.2024

Original article

Nataliia D. Strelnikova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI” (St. Petersburg, Russian Federation)
 ORCID 0009-0002-0426-0515; tashastrel@mail.ru

LINGUISTIC REALITY OF THE XXI CENTURY: REVISITING THE PROBLEM OF STUDYING SUBSTANDARD VOCABULARY

Abstract. The aim of the research is to study the issue of reflecting substandard vocabulary in a modern work of fiction and the practice of its discussion in teaching Russian as a foreign language. For the analysis, the author has chosen the novel *Storm Warning* by Andrey Rubanov and Vasily Avchenko as an example of the speech discourse of modern Russia, proposing to consider it as relatable teaching material that fosters intensive immersion into the modern culture of the country of the studied language and the formation of speech skills. The text of the novel captures a new linguistic reality, vividly and capaciously demonstrates the inexhaustible possibilities of the national language, and reveals the speech of the contemporaries of the new century in all the variety of its shades, which underscores the relevance and novelty of this study.

Keywords: RFL, substandard vocabulary, social dialect, jargon, slang, vernacular, literary language, text, newest prose

For citation: Strelnikova, N. D. Linguistic reality of the XXI century: revisiting the problem of studying substandard vocabulary. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(1):21–28. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1124

REFERENCES

1. Azimov, E. G., Shchukin, A. N. New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching). Moscow, 2009. 448 p. (In Russ.)
2. Beregovskaya, E. M. Youth slang: formation and functioning. *Topics in the Study of Language*. 1996;3:32–41. (In Russ.)
3. Wang, Xinghua. Russian youth jargon in the aspect of interpretation by a secondary linguistic personality: Diss. Cand. Sc. (Philology). Tomsk, 2020. 663 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/russkii-molodezhnyi-zhargon-v-aspekte-interpretatsii-vtorichnoi-yazykovoii-lichnostyu> (accessed 07.02.2024). (In Russ.)
4. Gorbacheva, E. Yu., Osipova, K. S. Student slang in historical context. *Molodoy uchenyy*. 2015;24:1125–1128. (In Russ.)
5. Grankina, M. A. Substandard vocabulary in speech works of foreign-language speakers: functional and lexicographic aspects: Diss. Cand. Sc. (Philology). Rostov-on-Don, 2023. 240 p. Available at: <https://ncfu.ru/export/uploads/dokumenty-dissertacii/dissertaciya-Grankina.pdf> (accessed 07.02.2024). (In Russ.)
6. Yegoshina, N. B. Student slang as an object of linguistics. *Izvestia vysshih uchebnyh zavedenij. Seria "Gumanitarnye nauki"*. 2017;8(4):319–323. (In Russ.)
7. Zagorovskaya, O. V. Russian language at the beginning of the third millennium: state and development prospects. *Problems of studying the living Russian word at the turn of the millennium: Proceedings of the II all-Russian research and practice conference*. Voronezh, 2003. Part I. P. 15–23. (In Russ.)
8. Zemskaya, E. A., Kitaygorodskaya, M. V., Shiryayev, E. N. Russian colloquial speech. General issues. Word formation. Syntax. Moscow, 1981. 275 p. (In Russ.)
9. Kostomarov, V. G. Language taste of the era. St. Petersburg, 1999. 330 p. (In Russ.)
10. Kostomarov, V. G. The language of the current moment: the concept of correctness. St. Petersburg, 2014. 220 p. (In Russ.)
11. Kottsova, E. E. Linguistic features of gamers' jargon. *Ecology of language and speech: Proceedings of the IX and X international scientific conferences*. Tambov, 2021–2022. P. 47–50. (In Russ.)
12. Krysin, L. P. Russian word, native and foreign: Studies in modern Russian language and sociolinguistics. Moscow, 2004. 883 p. (In Russ.)
13. Misyurina, T. V. Definition and general characteristics of the concept of "slang", its role in the language and culture of modern Russia. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2013;1(292-73):106–111. (In Russ.)
14. Minakova, N. A., Talybina, E. V. Slang in teaching Russian as a foreign language. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series "Russian and Foreign Languages. Methods of Its Teaching"*. 2013;4:63–73. (In Russ.)
15. Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. Large dictionary of Russian jargon. St. Petersburg, 2001. 720 p. (In Russ.)
16. Nikiforova, E. B. Active processes in the vocabulary of the Russian language in the first quarter of the XXI century. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences*. 2018;8(131):74–79. (In Russ.)
17. Orlova, N. O. Slang vs jargon: the problem of definition. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2004;3(40). (In Russ.)
18. Rudenko, M. Yu. Argot, jargon and slang studies: the problems of terminology. *Philology. Theory & Practice*. 2016;5(59-3):127–134. (In Russ.)
19. Rudenya, Zh. I. Jargon vocabulary in modern youth discourse and the possibility of its presentation in a dictionary for students of Russian as a foreign language (based on the material of jargon functioning in the speech of the Voronezh youth): Diss. Cand. Sc. (Philology). Voronezh, 2017. 221 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/zhargonnyaya-leksika-v-sovremennom-molodezhnom-diskurse-i-vozmozhnosti-ee-predstavleniya-v> (accessed 10.02.2024). (In Russ.)
20. Russian language and speech culture. (V. D. Chernyak. Ed.). Moscow; St. Petersburg, 2003. 509 p. (In Russ.)
21. Selishchev, A. M. Language of the revolutionary era. Some observations on the Russian language (1917–1926). Moscow, 2017. 250 p. (In Russ.)
22. Sklyarevskaya, G. N., Tkacheva, I. O. Let's speak correctly! Political language of modern Russia. Brief reference dictionary. St. Petersburg, 2003. 219 p. (In Russ.)
23. Modern explanatory dictionary of the Russian language. (S. A. Kuznetsov, Ed.). Moscow, 2004. 960 p. (In Russ.)
24. Fomina, M. I. Modern Russian language. Lexicology. Moscow, 2003. 415 p. (In Russ.)
25. Shipilova, I. A. Peculiarities of student jargon of pedagogical universities. *Student electronic magazine "Strizh"*. 2019;6(29). Available at: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1575961810.pdf> (accessed 10.02.2024). (In Russ.)
26. Shmachkov, S. A. Modern student jargon: Diss. Cand. Sc. (Philology). Samara, 2005. 230 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/sovremenniyi-studencheskii-zhargon> (accessed 10.02.2024). (In Russ.)
27. Yudin, N. V. Russian language in the XXI century: Crisis? evolution? progress? Moscow, 2010. 293 p. (In Russ.)

Received: 7 March 2024; accepted: 2 December 2024

ОЛЬГА ГЕННАДЬЕВНА ТВЕРДОХЛЕБ

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка филологического факультета

Оренбургский государственный педагогический университет

(Оренбург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-8309-0245; ogtwr@gmail.com

СЛОЖНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С КОРНЕМ *РЫЖ-* В ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

А н н о т а ц и я . Цель исследования – описать репрезентации цветообозначений при помощи производных адъективов с корнем *рыж-* в русской поэзии первой трети XX века, частоту их употребления. При анализе главным становится описательный метод с применением словообразовательного и семантического анализа слов; также используются методы классификации, анализа словарных дефиниций, этимологического и статистического анализа. Предложено выделение двух групп сложных прилагательных, включающих в свой состав корень *рыж-*: 1) цвето-цветовые и 2) цвето-нецветовые. Иллюстративный материал, извлеченный из поэтических произведений анализируемого периода, показывает, что для более красочного представления изображаемой действительности, а также эстетической актуализации авторских интенций поэты с разной степенью частотности используют три подгруппы сложных цвето-цветовых прилагательных (реже), обозначающих соединение с рыжим цветом: а) какого-либо другого цвета; б) цветового оттенка и в) потенциально цветового признака, а также пять подгрупп сложных цвето-нецветовых прилагательных (гораздо чаще), обозначающих один цвет – рыжий: г) в посессивной конструкции; д) в соединении с названием живого существа; е) в соединении с нецветовым, качественным признаком и ж) в соединении с процессуальным признаком и з) переходная группа. Результаты, полученные в ходе исследования, могут оказаться полезными для лингвистов, изучающих языковые особенности русской поэзии Серебряного века, а также найти применение в практике составления словарей.

К л ю ч е в ы е с л о в а : сложные прилагательные, адъектив, цветообозначение *рыжий*, язык поэзии, Серебряный век

Д л я ц и т и р о в а н и я : Твердохлеб О. Г. Сложные прилагательные с корнем *рыж-* в поэзии первой трети XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 1. С. 29–39. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1125

ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Краска и цвет в культуре, мифологии и религии всегда имели символическое значение¹, которое «обретали и вербальные единицы, обозначающие цвет» [27: 80] (см. также: [6], [15], [24], [25], [31], [33], [37]), и потому репрезентация цвета, в том числе и в разных поэтических системах, вызывает постоянный, неослабевающий интерес у исследователей [2], [7], [11], [12], [16], [20], [29], [35], что делает нашу работу актуальной.

В поэтических текстах частотность слов-цветообозначений, независимо от их частеречной принадлежности, всегда выше, чем в прозе любого жанра [16: 17]. В своей статье мы обращаемся к Серебряному веку – важнейшему периоду в развитии русской литературы, породив-

шему разные направления и течения в русской поэзии. Цель нашего исследования – показать, как в русской поэзии первой трети XX века репрезентируется «чрезвычайно экспрессивный и очень неопределенный» [4: 104] рыжий цвет, художественные номинации которого не только помогают читателю более красочно, ярко, выразительно представить изображаемую творцом действительность, но и эстетически актуализируют авторские интенции.

Имя прилагательное *рыжий*, восходящее к индоевропейскому корню, до XIX века в качестве основного имело значение ‘красно-желтый’². В современном русском языке это прилагательное входит в ряд цветообозначений с доминантой *оранжевый* (более книжной, заимствованной лек-

семой, ср. *апельсинный* и пр.) [3], имеет значения: 1. 'красно-желтый'; 'с волосами или шерстью такого цвета'; 'выцветший, ставший красновато-бурым'; 2. в знач. сущ. 'рыжий, цирковой клоун'³ и обладает стилистической спецификой (обусловленной в том числе и этимологическим родством с цветообозначениями *рдяный, ржавый, румяный* [3], [28]). Употребляется «в самых разных текстах: и в разговорном языке, и в художественной литературе; в различных стилистических контекстах» [4: 105], как цвет «индивидов», «ярких», «привлекающих к себе внимание», положительных и отрицательных «нестандартных, неординарных персонажей» [35: 117–120], как цвет предателей (Каин, Иуда) [21: 210–224] (см. также: [3], [6], [8] и др.).

Настоящее исследование проводилось на материале Национального корпуса русского языка⁴ (НКРЯ; далее в статье все примеры по этому источнику) в несколько этапов. Поскольку нас интересовали особенности функционирования лексем с корнем *рыж-* в русской поэзии первой трети XX века, то в поэтическом корпусе НКРЯ было закреплено ограничение в «Основных параметрах текста»: дата создания – 1900–1930 годы. Затем в пользовательском подкорпусе (объемом 34 652 текста, 3 995 793 словоупотребления) был задан лексико-грамматический поиск: *рыж** (где символ * обозначает любую последовательность символов в начале или конце лексемы или словоформы), выявивший значительное количество лексем, в морфемном составе которых есть корень *рыж-* (725 примеров из 552 текстов, что составило 0,018 % от общего количества слов в выбранном подкорпусе). При анализе было обнаружено несколько словообразовательных типов производных лексем, номинирующих рыжий цвет (подробное описание всех обнаруженных нами типов слов, входящих в словообразовательное гнездо *рыжий*, дается в другой нашей статье, находящейся в печати), среди которых были выделены сложные адъективные формы, производные от основного наименования рыжего цвета (*рыжий*). Затем в пользовательском подкорпусе НКРЯ были произведены запросы по каждому из сложных цветоименований с корнем *рыж-*, выявленных в результате обзора научной литературы (напр., в [3], [6], [9], [17], [34], [38: 184–217]) и в материалах диссертаций и словарей⁵. В итоге предметом конкретного анализа явилось почти 150 поэтических контекстов, включающих в свой состав для выражения идеи рыжего цвета производные имена прилагательные, один из компонентов которых образован от основы прилагательного *рыжий*.

Русские поэты Серебряного века активно обращались к потенциальным возможностям словообразовательных средств русского языка. Языковой потенциал семантики адъективного цветоименования *рыжий* способствует включению в поэтические тексты узуальных и оригинальных сложных имен прилагательных, в составе которых есть корень *рыж-*.

В данной работе мы, взяв за основу известные в науке ([1], [3], [5], [10], [13], [14], [15], [17] и др.) классификации, предлагаем свою, несколько уточненную и расширенную классификацию обнаруженных нами сложных адъективных цветоименований. В зависимости от лексико-грамматических особенностей производящих слов и словосочетаний, для создания цветописи в поэзии первой трети XX века используются две группы сложных прилагательных, состоящих из нескольких корней, один из которых корень *рыж-*:

1) цвето-цветовые (25 случаев): *желто-рыжий* и др.;

2) цвето-нецветовые (126 случаев): *рыжеволосый* и др.

СЛОЖНЫЕ ЦВЕТО-ЦВЕТОВЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Среди сложных цвето-цветовых прилагательных выделяются подгруппы лексем, в семантике которых отражается соединение с рыжим цветом:

- а) какого-либо другого цвета (8 случаев);
- б) цветового оттенка (8);
- в) потенциально цветового признака (9).

Соединение рыжего цвета и какого-либо другого цвета

Для более точного изображения смешанной спектральной палитры, разноцветных объектов в поэтических строках используются сложные прилагательные, состоящие из двух цветооснов, номинирующих равноправные цвета, один из которых 'рыжий' (здесь и далее приводим по году создания произведения, в котором обнаружена выявленная лексема): *желто-рыжий* (С. М. Горюновский, 1907); *рыже-красный* и *красно-рыжий* (3 случая, с обратной последовательностью компонентов: В. А. Комаровский, 1913; Э. Г. Багрицкий, 1915; Д. Бедный, 1919); *рыже-золотой* (И. А. Бунин, 1915), *рыже-бурый* (И. Северянин, 1923) и *рыжебурый* (Г. Н. Петников, 1915–1917); *черно-рыжий* (В. Л. Корвин-Пиотровский, 1920); *рыжесиний* (С. Е. Нельдихен, 1920). Между частями таких прилагательных можно вставить сочинительный союз *и* либо *но*, то есть сохраняются синтаксические отношения однородных членов предложения. В этих прилагательных,

построенных по общеязыковым моделям, с «неопределенным» [19: 169, 171] («переходным» [18: 85], «смешанного типа» [36: 699]) цветообозначением *рыжий* соединяются традиционно выделяемые в качестве основных (абсолютных, базовых) (напр., в: [5], [6], [15], [32], [33] и др.):

а) три хроматических (обозначающих семь цветов радуги) цветообозначения, по цветовой гамме близких рыжему (*красный, желтый*) и далеких (*синий*): *А третий – желто-рыжий* (С. М. Городецкий. Яга, 1907);

б) один (из обычно выделяемых трех: белый, черный, серый) ахроматический цвет (*черный*): *В черно-рыжих соболях* (В. Л. Корвин-Пиотровский. Пан Юрий, 1920).

Равноправное соположение основного (напр., красного) и неосновного (напр., рыжего) цветов, репрезентированных в прилагательных описываемой подгруппы, обуславливает возможности перестановки в порядке следования компонентов сложного цветообозначения. Это отмечается в контекстах, описывающих разноцветность артефактов (*прутья, трамвай*), проявляющуюся в разное время суток (день, ночь). Ср. сложные прилагательные, где компонент, обозначающий рыжий цвет, по отношению к другому компоненту, обозначающему красный цвет, находится и в препозиции, и в постпозиции:

Но в яркий день, когда слепят снега, / На глянце этих прутьев рыже-красных / Стекланный лед (В. А. Комаровский. «Устало солнце, жегшее спокойно...», 1913); *Злой, рыже-красный клёст, взобравшись на елку* (Д. Бедный. Центрошишка, 1918); *И краснорыжие трамваи, погромыхивая мордами* (Э. Г. Багрицкий. Дерибасовская ночью, 1915).

Разноцветность сверхъестественного существа описывается сложным цветоименованием, образованным с помощью двух стилистически и символически противопоставленных компонентов: (1) цветоименования *рыжий*, характеризующегося негативной коннотацией и символизирующего демоническое⁶, и (2) цветоименования *золотой* (производное от имени предмета, послужившего эталоном цвета, и обозначающее неосновной цвет, приближающийся к основному цвету на основании своей «психологической важности» [5]), характеризующегося положительной коннотацией и символизирующего солнечную энергию, огонь и славу, а также (в христианстве) божественное небесное величие, вечность и благодать, высочайшую ценность⁷. Ср. сложный адъектив в поэтическом контексте высокого стиля: *Ты крылья рыже-золотые / В священном трепете протер* (И. А. Бунин. Шестикрылый, 1915).

Для большей экспрессии, акцентирования цветопередачи у узуального и поэтому менее выразительного адъектива поэты прибегают к использованию графических средств. Согласно правилам русской орфографии, сложные имена прилагательные, образованные из двух основ и обозначающие оттенки цветов, должны писаться через дефис, однако в некоторых поэтических контекстах встречаются и слитные написания, согласно написанию сложных имен прилагательных, образованных из сочетаний слов, по своему значению подчиненных одно другому (§§ 80–81)⁸:

И в шубе рыжебурой ствол (Г. Н. Петников. Лесное былье, 1917); *Вспыхнула серая бумага, рыжесиняя кайма поползла по ней* (С. Е. Нельдихен. Праздник, 1920); *И краснорыжие трамваи, погромыхивая мордами* (Э. Г. Багрицкий. Дерибасовская ночью, 1915).

Проверка в НКРЯ⁹ года издания стихотворений, из которых приведены два последних контекста, показала, что источником являлись тексты¹⁰, публикация которых была осуществлена после выхода свода Правил орфографии¹¹. Таким образом, в поэзии появляются индивидуально-авторские новации.

Соединение основного рыжего цвета с его оттенками

Поэты начала XX века используют сложные адъективы, состоящие из двух цветооснов, номинирующих основной цвет – рыжий и различные его оттенки: *ярко-рыжий* (3 случая: А. И. Тиняков, 1910; Б. К. Семенов, 1925; В. М. Саянов, 1927); *темно-рыжий* (3 случая: М. И. Цветаева, 1914; Н. А. Оцуп, 1922–1923; Саша Черный, 1923); *бледно-рыжий* (1 случай: И. А. Бунин, 1916), а также *могуче-рыжий* (В. В. Хлебников, 1912). Среди приведенных адъективов большинство цветоименований являются кодифицированными (общеупотребительными, отмечаемыми и словарями, и в научных работах¹²). В качестве опорного компонента *рыжий* соединяется со словообразовательным формантом (*ярко-, темно- и бледно-*). Такие сложные адъективы употреблены для более точной идентификации (интенсивность, яркость, умеренность) рыжего цвета при описании волос человека, меха животных, части растений, артефакта:

Прячут в кочки и кусты / Ярко-рыжие хвосты (Б. К. Семенов. Купальская ночь, 1925); *И пламя листьев ярко-рыжих* (А. И. Тиняков. Август, 1910); *В ярко-рыжих / Сапогах* (В. М. Саянов. Народная легенда о шахтере Гурии, 1910); *Темно-рыжий комочек глядит на прохожих людей / Это белка...* (Саша Черный. «На берлинском балконе...», 1923); *Темно-рыжая коса* (Н. А. Оцуп. Дон Жуан, 1922–1923); *Бешеных волос металл / Темно-рыжий* (М. И. Цветаева. «Уж часы – кото-

рый час?», 1914). Есть более сложный пример: *Бледно-рыжее золото кос* (И. А. Бунин. Цирцея, 1916).

Включение окказионального компонента создает более яркий, с большей интенсивностью рыжего цвета поэтический образ: *И водопад волос могуче-рыжий* (В. В. Хлебников. Шаман и Венера, 1912).

Окказиональное соединение рыжего цвета с потенциально цветовым признаком

Несмотря на наличие описанных выше сложных лексем – обозначений рыжего, в поэзии описываемого периода наблюдается поиск нетипичных ассоциативных (и потому привлекающих особое внимание) оттеночных характеристик этого цвета: *рыже-огненный* и *огненно-рыжий* (2 случая, с обратной последовательностью компонентов: М. А. Волошин, 1900; Т. Л. Щепкина-Куперник, 1922); *грязно-рыжий* (2 случая: А. А. Блок, 1904; Н. С. Гумилев, 1921); *дымно-рыжий* (П. П. Потемкин, 1906); *солнечно-рыжий* (М. А. Волошин, 1910); *пыльно-рыжий* (Т. Вечорка, 1915); *рыжесуглинковый* (М. П. Герасимов, 1922); *лимонно-рыжий* (С. М. Городецкий, 1925).

Многогранность поэтического ощущения рыжего цвета создается в строках на основе разного рода индивидуально-авторских ассоциаций, раскрывающих скрытые смыслы и выполняющих эстетическую функцию. В качестве одного из компонентов сложного прилагательного поэты используют основу отсубстантивного относительного прилагательного, являющегося синтаксическим дериватом мотивирующего существительного и тождественного ему по значению [23: 97]. Лексико-грамматическая характеристика такого дополнительного компонента с имплицитной отсылкой к предмету / явлению с характерным (традиционно закрепленным в быту, мифах, культуре) цветом обуславливает появление негативной коннотации (*грязь, пыль, дым, суглинок*) либо положительной (*солнце*). Обнаруживаем характеристику одежды, (метафорически) природного явления, растений, земли:

Грязно-рыжее пальто, / *Развевающийся локон* / – *Всё закатою залито* (А. А. Блок. «Город в красные пределы...», 1904); *...прият / В грязно-рыжих твоих и горячих волнах* (Н. С. Гумилев. Красное море, 1921); *Я нарву тебе цветов, / Черных роз и повилки, / Дымно-рыжих огоньков* (П. П. Потемкин. Дьявол, 1906); *И рыжесуглинковые косы* (М. П. Герасимов. Тайнство посева, 1922).

Потенциальный носитель цветовыражения может добавлять и сравнительно-конкретизирующее значение ('рыжий, как солнце', 'рыжий, как огонь'), напр., при поэтической характеристи-

ке пищи и волос: *Дети солнечно-рыжего мёда* (М. А. Волошин. «Дети солнечно-рыжего мёда», 1910); *...с распущенными волосами, огненно-рыжими* (Т. Л. Щепкина-Куперник. Сон зимней ночи, 1922). Однако при неожиданной (уникальной) перестановке элементов потенциальное сравнение (*огненный, как...) устраняется: *Заплелась уступы гор / В рыже-огненный узор...* (М. А. Волошин. Акрополь, 1900).

Для акцентирования внимания читателя на обоих признаках, репрезентированных в сложном слове, используется графический перенос второй части сложного адъектива с одной строки на другую (анжамбеман): *На холмистом теле его сбивалась в паклю пыльно- / рыжая шерсть* (Т. Вечорка. «Верблюд лежал на мостовой...», 1915).

СЛОЖНЫЕ ЦВЕТО-НЕЦВЕТОВЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Среди обнаруженных в поэзии описываемого периода сложных цвето-нецветовых прилагательных выделяются подгруппы лексем, в которых рыжий цвет представлен:

а) в посессивной конструкции (119 случаев): *рыжебородый* и др.

б) в соединении с названием живого существа (1): *рыжеконный*;

в) в соединении с нецветовым, качественным признаком (1): *плоско-рыжий*;

г) в соединении с процессуальным признаком (4): *рыжелипкий* и др.

Также отмечается конструкция, в которой совмещаются признаки прилагательных из перечисленных а) и г) подгрупп (1): *пылающе-рыжеволосый*.

Обозначение рыжего в посессивной конструкции

Среди сложных цветоименований в поэзии первой трети XX века обнаруживаем такие весьма продуктивные лексические средства вербализации цвета, как посессивные сложные прилагательные [26], [30], называющие (в первом компоненте) рыжий цвет и (во втором компоненте) части тела: *рыжебородый* (91 пример; употребляется в произведениях 6 авторов: Г. В. Иванов, 1912; Ю. Н. Верховский, 1917; М. А. Волошин, 1924; А. А. Прокофьев, 1928; О. Э. Мандельштам, 1930, а также 86 случаев в одном и том же произведении: К. Ф. Жаков, 1916); *рыжеволосый* (12 примеров, 10 авторов: С. М. Городецкий, 1906; В. В. Маяковский, 1913; В. Я. Брюсов, 1917; С. А. Есенин, 1916, 1917, дважды; М. И. Цветаева, 1917; К. К. Вагинов, 1919–1922; Г. В. Адамович, 1920; Н. С. Гумилев, 1920; Д. И. Кленовский,

1922, дважды; С. Я. Парнок, 1926); *рыжеголовый* (2 примера; 2 автора: В. Л. Корвин-Пиотровский, 1922; П. Н. Васильев, 1929); *рыжегривый* (2 примера; 2 автора: А. А. Жаров, 1925; Э. Г. Багрицкий, 1928); *рыжекудрый* (7 примеров; 6 авторов: А. К. Лозина-Лозинский, 1912; Г. В. Иванов, 1913–1914; М. И. Цветаева, 1914, 1916, дважды; И. Г. Эренбург, 1920; Э. Г. Багрицкий, 1922; Н. А. Оцуп, 1922–1923); *рыжекосмый* (1 контекст: В. И. Иванов, 1905); *рыжекосый* (1 контекст: А. Б. Мариенгоф, 1925); *рыжеокий* (1 контекст: Л. Н. Мартынов, 1921); *рыжеперый* (1 контекст: М. А. Тарловский, 1929), а также: *космато-рыжий* и *косматорыжий* (2 случая, в разной орфографии: В. Я. Брюсов, 1900; В. В. Хлебников, 1911).

Самыми многочисленными посессивными сложными прилагательными являются лексемы *рыжеволосый* (12 примеров, использованных в 12 поэтических контекстах), *рыжекудрый* (7; 7) и *рыжебородый* (90; 5). Наиболее частотной по употреблению в разных поэтических произведениях (12) и разными авторами (10) среди сложных прилагательных как в описываемой группе, так и среди всех представленных в нашей картотеке сложных адъективных цветоименований с корнем *рыж-* является лексема *рыжеволосый*. Хотя лексема *рыжебородый* в нашей картотеке и представлена 90 примерами, но употреблены они всего 6 авторами, причем в абсолютном большинстве (86 случаев) в одинаковых и однотипных сочетаниях (с номинациями главного действующего персонажа: *князь*, *Оксой*, *Яур*, *князь*) сквозными повторами в одной поэме: *Оксой наш рыжебородый* / <...> / *Яур, князь рыжебородый* / <...> / *Яур, князь рыжебородый*... (К. Ф. Жаков. Биармия, 1916). Цветоименования образованы на базе субстантивно-атрибутивных словосочетаний с помощью интерфикса *-е-*, где исходный субстантив (во втором опорном компоненте) называется как неотчуждаемую принадлежность часть тела живого организма (человека и / или животного). Авторы связывают рыжий цвет преимущественно с волосатым / меховым / перьевым покровом (*борода*, *волосы*, *грива*, *кудри*, *космы*, *коса*, *перья*):

щенят, / Что рыжекосая таскала мне подруга (А. Б. Мариенгоф. «Смотри, смотри, как расфуфырилась заря...», 1925); *В хоровод рыжекосый сопелись Ореады* (В. И. Иванов. «Двух Дев небесных я видел страны...», 1905); *Гриф распластан рыжеперый* (М. А. Тарловский. Гриф, 1929)

или же с верхней частью тела человека / животного (*голова*), покрытой (в норме) волосами / гривой, номинация которой вводится в сложный

адъектив путем метонимического переноса наименования части на целое:

Рыжеголовый, с дудкою старой (П. Н. Васильев. Рассказ о деде, 1929); *рыжеголовый конь* (В. Л. Корвин-Пиотровский. «Песок и соль...», 1922).

Единично соединение описываемого цвета с органом зрения человека, репрезентированного соматизмом (*око*), принадлежность которого высокому стилю придает особенную выразительность неожиданному сложению с цветоименованием *рыжий*: *Рыжеокая девушка* (Л. Н. Мартынов. Алла, 1921).

Данные нашей картотеки свидетельствуют, что разные поэты используют в своем творчестве не только описываемые посессивные конструкции, но и исходные субстантивно-атрибутивные словосочетания, построенные по модели: «предлог *с* + соматическое существительное в форме творительного падежа + прилагательное *рыжий*»¹³. Находим согласование имени прилагательного с именем существительным и в единственном числе (*с рыжей бородой, головой, гривой, косой*), ср, напр., обнаруженные нами соответствия: *мужчина с рыжей бородкой* (А. Белый. Панихида, 1906) ↔ *Рыжебородый крестьянин* (Г. В. Иванов. Из окна, 1912). Другие примеры:

ты, с бороною рыжей (Д. И. Кленовский. Тритон, 1922); *Громдного кентавра лик / Рыжебородый, грубый, старый* (Ю. Н. Верховский. Нимфа, 1917); *Рыжебородый* <...> *Идет Распутин* (М. А. Волошин. Россия, 1924); *У нее отец рыжебородый* (А. А. Прокофьев. Свадьба, 1928); еще соответствия: *...другие* <...> *С гривой рыжей*... (К. Д. Бальмонт. Верховные кони, 1918) ↔ *Львам рыжегривым* (Э. Г. Багрицкий. Песня пьющих солнц, 1928); *Эй, рыжегривый*... (А. А. Жаров. Воскресник, 1925);

и во множественном числе (*с рыжими волосами, кудрями, космами, очами, перьями*), ср. следующие соотносительные контексты: *...с* <...> *волосами, огненно-рыжими* (Т. Л. Щепкина-Куперник. Сон зимней ночи, 1922) ↔ *Рыжеволосый внучонок* (С. А. Есенин. «Снег, словно мед ноздреватый...», 1917).

Еще соответствие: *...тигрицы – с глазами рыжими* (А. А. Баркова. Тигрица, 1923) ↔ *Рыжеокая девушка* (Л. Н. Мартынов. Алла, 1921).

Сложные цветообозначения могут создаваться и с обратным расположением исходных компонентов, один из которых является относительным отсубстантивным прилагательным с суффиксом *-ат-* (*косматый*). Это не только имплицитно отсылку к данной номинации, но и актуализирует семантику подобия [22]. Ср. орфографические варианты (дефисное и слитное написание) сложных

прилагательных, употребленные двумя разными поэтами для метафорической оценочно-цветовой характеристики животных и одежды:

жди моржей космато-рыжих (В. Я. Брюсов. Царю северного полюса, 1900); *в плащах косматорыжих* (В. В. Хлебников. «Как чей-то меч железным звуком...», 1911).

Посессивные сложные прилагательные с корнем *рыж-* используются в поэтических сочетаниях с несколькими тематическими группами имен существительных. Наиболее частотны такие прилагательные в сочетаниях с названиями людей, характеризующихся по родственным, социальным, национальным отношениям (*внучонок, отец, жена, крестьянин, сардары* и др.):

Рыжеволосый внучонок (С. А. Есенин. «Снег, словно мед ноздреватый...», 1917); *...отец рыжебородый* (А. А. Прокофьев. Сватовство, 1928); *Рыжекудряя жена* (Н. А. Оцуп. Дон Жуан, 1922–1923); *...Что рыжекокая таскала мне подруга* (А. Б. Мариенгоф. «Смотри, смотри, как расфуфырилась заря...», 1925); *...друг мой / <...> / с тобой одной, / Рыжеволосой, белоснежной* (Н. С. Гумилев. «Нет, ничего не изменилось...», 1920); *Рыжебородый крестьянин* (Г. В. Иванов. Из окна, 1912); *Цирк <...> / Сонм рыжекудрых королев* (М. И. Цветаева. Чародей, 1914); *Ты рыжебородых сардаров / Терпела* (О. Э. Мандельштам. Армения, 1930),

в том числе с номинациями конкретных личностей, обозначенных именами собственными, среди которых дважды используются названия исторического лица (*Самозванец* и Григорий *Распутин*) и имя *Елена* (в связи с античной мифологией и изображением цирковой картинкой):

...рыжеволосый Самозванец (М. И. Цветаева. Москва, 1917); *Рыжебородый, <...> / Идет Распутин* (М. А. Волошин. Россия, 1924); *Глядела на Приамовы стада / Рыжеволосая Елена* (Г. В. Адамович. «Когда...», 1920); *В нашем цирке / Рыжекудряя Елена* (Г. В. Иванов. Путешествующие гимнасты, 1913–1914);

а также с лирическим «Я»: *...рыжеволосая, / Вся в дыму я...* (С. Я. Парнок. «Папироса за папиросой...», 1916). Добавим сюда сочетания с названиями сверхъестественных существ (*бог, фавн, черт* и др.):

Но, как бог рыжеволосый, / Солнце встало! (В. Я. Брюсов. Косцы в «Сфере огня», 1917); *И пенie няяд рыжеволосых* (Д. И. Кленовский. «Неизреченна радость бытия...», 1922); *Рыжеволосого <...> / Я видел фавна* (Д. И. Кленовский. Ваза, 1922); *Из пещер гиганты-соны / Рыжекудрые встают* (А. К. Лозина-Лозинский. Лапа черта, 1912); *Рыжекудрый <...> / Он предстал* (Э. Г. Багрицкий. Сказание о море, матросах и Летучем Голландце, 1922), в том числе с номинацией их совокупности (*хоровод*): *В хоровод рыжекосмый соплелись Ореады* (В. И. Иванов. «Двух Дев небесных я видел...», 1905).

Реже находим сочетания с названиями природных явлений / объектов (соотнесенных с реальностью «небо»: *луна, солнце, заря* и др.):

...идет луна – / жена моя. / Моя любовница рыжеволосая (В. В. Маяковский. Несколько слов о моей жене, 1913); *Рыжеволосое солнце руки к тебе я подьемлю* (К. К. Вагинов. «Рыжеволосое солнце руки к тебе я подьемлю...», 1919–1922); *Умри певец на груди зари рыжекудрой* (И. Г. Эренбург. «Секите сердца златогрудые!..», 1920); в том числе с очень выразительной лексемой *озорь*: *С рыжекудрым, розовым, / Развеселым озорем* (М. И. Цветаева. «На крыльцо выхожу – слушаю...», 1916).

Единичны сочетания с зоонимом (номинацией домашнего животного, птицы), с соматизмом (номинацией части тела человека или сверхъестественного существа) и названием одежды (человека):

Гриф распластан рыжеперый (М. А. Тарловский. Гриф, 1929); *И треплет ветер под косыночкой / Рыжеволосую косу* (С. А. Есенин. «Опять раскинулся узорно...», 1916); *Пусть топчет гибнущее тело – / Тебя – рыжеголовый конь* (В. Л. Корвин-Пиотровский. «Песок и соль. В густых озерах...», 1922); *Громадного кентавра лик / Рыжебородый...* (Ю. Н. Верховский. «Кентавров бешеных стада...», 1917), ср. также яркий метафорический образ: *А ты, шептавший у порога, / Замкнись в рыжеволосый плащ* (С. М. Городецкий. «Иду к земле в ночное лоно...», 1906).

Обозначение рыжего цвета и названия живого существа

Среди сложных цветоименований обнаруживаем сложное прилагательное *рыжеконный* (В. И. Иванов, 1904), указывающее на рыжий цвет и также образованное на базе субстантивно-атрибутивного словосочетания, но не являющееся посессивным. Такой адъектив содержит (в первом компоненте) основу прилагательного *рыжий*, интерфикс *-е-* и (во втором, опорном, компоненте) основу имени существительного, номинирующего целое животное (*конь*): *Наш отец, на колеснице / Рыжеконной, скрылся* (В. И. Иванов. Гелиады, 1904).

Обозначение рыжего и нецветового качественного признака

В адъективе *плоско-рыжий* (В. Я. Парнах, 1924) дополнительный ассоциативный компонент, образованный от основы качественного прилагательного с нецветовым значением, вводит экспрессивно-оценочную окраску, например при изображении лирического персонажа: *И плоско-рыжая особа* (В. Я. Парнах. «Находит длительный столбняк...», 1924).

Обозначение рыжего и процессуального признака

В описываемых поэтических примерах создаются особенно выразительные адъективные лексемы, в которых компонент с семантикой

цветовой статичности соединяется с совершенно нетипичным для такой связи компонентом с процессуальной семантикой, причем в качестве и основного, и дополнительного компонента: в постпозиции: *колодце-рыжий* (В. Я. Парнах, 1920); *режущее-рыжий* (С. В. Шервинский, 1921) и в препозиции: *рыжелипкий* (З. Н. Гиппиус, 1914). Такие лексемы преимущественно служат для негативной оценки. Ср. своеобразие восприятия рыжего цвета у городского сооружения и (формы) пространства в строках с режущей слух аллитерацией шипящих согласных (в корнях и суффиксах бывших глагольных форм: исконно русском *-уч-* и старославянском *-уц-*) и сонорного *р*:

Против напора неуклюжего / Режь профилем колодце-рыжим! (В. Я. Парнах. Эйфелева башня, 1920); *Режущее-рыжая щель переулка* (С. В. Шервинский. В мастерской Сарьяна, 1921).

Написанный слитно сложный адъектив с дополнительной номинацией цвета при основном процессуальном компоненте подчеркивает неоднородность признаков, например имя прилагательное с компонентом *липкий* (от *липать*, *льнуть*¹⁴): *...дымный порох, / Рыжелипкие струи* (З. Н. Гиппиус. Всё она, 1914)¹⁵.

Сложные цветочные прилагательные переходного типа

Среди выявленных нами сложных цветочных прилагательных обнаружено многосоставное соединение из трех корней-основ (1 случай): *пылающе-рыжеволосый* (М. А. Тарловский, 1928). Основным компонентом этого сложного цветоименования является посессивная субстантивно-атрибутивная конструкция, образованная от адъективного цветообозначения (*рыжий*) и соматизма (*волосы*), а дополнительным компонентом выступает процессуальный признак (*пылающе*): *Но, пылающе-рыжеволосый, / Жаром стички приник серафим* (М. А. Тарловский. Папироса, 1928).

Повтор рыжего цвета

В нашей картотеке не зарегистрированы прилагательные, образованные путем повтора основ (типа *рыжий-рыжий*). Из этого следует, что для поэзии описанного периода свойственно выражать усиление рыжего цвета при помощи других, в частности обозначенных выше, языковых средств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поэты первой трети XX века активно используют сложные имена прилагательные с корнем *рыж-*. Анализ сложных прилагательных, извлеченных из Национального корпуса русского языка, позволил выделить две группы: 1) цвето-цветовые и 2) цвето-нецветовые адъективы. Среди сложных цвето-цветовых прилагательных в разной степени способствуют эстетической актуализации авторских интенций три подгруппы прилагательных, обозначающих соединение с рыжим цветом: а) какого-либо другого цвета; б) цветового оттенка и в) потенциально цветового признака. Цвето-нецветовые прилагательные обозначают один рыжий цвет: г) в посессивной конструкции; д) в соединении с названием живого существа; е) в соединении с нецветовым, качественным признаком; ж) в соединении с процессуальным признаком и з) переходная группа. Несмотря на наличие зафиксированных узусом сложных лексем – обозначений рыжего, в поэзии описанного периода наблюдается поиск нетипичных, привлекающих к себе особое внимание, оттеночных характеристик с помощью окказионального соединения рыжего цвета с потенциально цветовым признаком. У сложных прилагательных с корнем *рыж-* отмечается графическое варьирование написаний. Своеобразием поэтических контекстов, включающих описанные сложные адъективы, является наличие аллитерации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. Т. 1. М.: Индрик, 1994. 800 с.; Т. 2. М.: Индрик, 1994. 784 с.; Т. 3. М.: Индрик, 1994. 817 с.; Гмызина Э. В. Цвет в культуре Древней Руси: слово и образ: Дис. ... канд. культурол. наук. Киров, 2000. 164 с.; Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. С. 198–203; Мифы народов мира: Энциклопедия / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1987. Т. 1. А–К. 671 с.; Т. 2. К–Я. 1988. 719 с.; Шерцль В. И. Названия цветов и символическое значение их. Воронеж: Тип. В. И. Исаева, 1884. 70 с.

² Перфилова М. Н. Динамика лексики цвета в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2022. С. 144–145; Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. С. 277, 278.

³ Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2000. С. 1136; Даль В. И. Толковый словарь живаго великорусскаго языка: В 4 т. Т. 4. СПб.: Типография М. О. Вольфа, 1882. С. 118–119; Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981–1984 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vmas&wi=68111> (дата

- обращения 06.02.2024); Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 12. Р / Гл. ред. В. М. Чернышев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 1620.
- ⁴ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения 07.12.2023).
- ⁵ Бережных Е. Ю. Цветообозначения и их символика в русском и испанском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 25 с.; Кезина С. В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2010. 51 с.; Коптева Н. В. Функционирование колоризмов в художественном тексте как результат взаимодействия лингвокультурного и креативного факторов: На материале творчества русских писателей XIX–XX вв.: Дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2005. 247 с.; Перфилова М. Н. Динамика лексики цвета в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2022. С. 231–259; Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2000. С. 1136; Горбачевич К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб.: Норинт, 2001. 224 с.; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. СПб.: Типография М. О. Вольфа, 1882. С. 118–119; Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 3: «Растения» / Отв. ред. Л. Л. Шестакова. М.: Языки славянской культуры, 2015. 448 с.; Козинец С. Б. Словарь словообразовательных метафор русского языка. Саратов: Саратовский источник, 2011. 284 с.; Обратный словарь русского языка. М.: Сов. энциклопедия, 1974. 944 с.; Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://orfo.ruslang.ru/abc/part/er?start=137118&end=137418> (дата обращения 06.02.2024); Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: На материале рус. худож. лит. XVIII–XX вв.: В 2 т. Т. 1. М.: Эдиториал УРСС, 2007. 848 с. Т. 2. М.: Эдиториал УРСС, 2007. 896 с.; Словарь языка русской поэзии XX века. Т. 7. Радуга – Смоковница. М.: Изд. Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. С. 351–353; Стефанов С. И. Названия цвета и его оттенков: Толковый словарь-справочник. Более 2000 терминов с английскими эквивалентами. М.: ЛЕНАНД, 2015. 248 с.; Шерцль В. И. Названия цветов и символическое значение ихъ. Воронеж: Тип. В. И. Исаева, 1884. 70 с., а также серия электронных «Словарей русской поэзии Серебряного века» (по материалам «Словаря языка русской поэзии XX века»), куда входят «Словарь новых слов», «Словарь редких слов», «Словарь имен собственных» и «Словарь поэтических цитат» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexrus.ru/default.aspx?p=2674> (дата обращения 06.01.2024).
- ⁶ Багдасарян В. Э., Орлов И. Б., Телицын В. Л. Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / Ред. В. Л. Телицын. М.: Локид-Пресс: Рипол Классик, 2005. 90 с.; Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: Изд.-торг. дом «Гранд»: Фаир-пресс, 2001. 444 с.
- ⁷ Багдасарян В. Э., Орлов И. Б., Телицын В. Л. Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия. М.: Локид-Пресс: Рипол Классик, 2005. 90 с.; Жуковская Д. Символика света и цвета в русской иконописи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.historicus.ru/800/> (дата обращения 27.12.2023); Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: В 2 т. Т. I. А–О. М.: Типография Г. Лиснера и Д. Совко, 1910. С. 256; Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: Изд.-торг. дом «Гранд»: Фаир-пресс, 2001. 444 с.
- ⁸ Правила русской орфографии и пунктуации. Утверждены в 1956 году Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://astro.insma.ufru.ru/sites/default/files/chair/study/docs/russian_lang.pdf (дата обращения 27.12.2023).
- ⁹ См. примечание 4.
- ¹⁰ Ср.: С. Нельдихен. Органное многоголосье. М.: ОГИ, 2012; Э. Багрицкий. Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта. М.: Сов. писатель, 1964.
- ¹¹ См. примечание 8.
- ¹² Перфилова М. Н. Динамика лексики цвета в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2022. С. 68, 141. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2000. С. 1136; Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П. Слитно или раздельно?: Орфографический словарь-справочник. М.: Рус. яз., 1982. 879 с.; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. СПб.: Типография М. О. Вольфа, 1882. С. 118–119; Обратный словарь русского языка. М.: Сов. энциклопедия, 1974. 944 с.; Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://orfo.ruslang.ru/abc/part/er?start=137118&end=137418> (дата обращения 06.01.2024); Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981–1984 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vmas&wi=68111> (дата обращения 06.01.2024); Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 12. Р / Гл. ред. В. М. Чернышев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 1620.
- ¹³ При акцентировании не possessивной, а локативной семантики используется форма «в + предложный»: *Потянулись через кочки / Губы в рыжей бороде* (А. Н. Толстой. Приворот, 1909); *В широкой рыжей бороде / Шнурками пряди перевиты* (Н. С. Гумилев. Два сна, 1918); ... *играет зайчик солнца / В рыжеватой бороде* (С. А. Есенин. Дед, 1915); *И в рыжих косах гребень / Придерживал цветок* (Е. И. Дмитриева (Черубина де Габриак). «Был синий вечер в небе...», 1925); *И белка пляшет наутек / В смазливой рыжей душегрейке* (Н. А. Клюев. О чем шумят седые кедры, 1930); *И лик его курился в рыжих дымах Бараньего руновица кудрей* (И. Л. Сельвинский. Бар-Кохба, 1920).
- ¹⁴ Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. С. 168.
- ¹⁵ Отметим раздельное написание аналогичных компонентов, где предикативный простой адъектив (в краткой форме) дается с обстоятельственным признаком (наречие степени с суффиксом -е; сложное по структуре, с предметно-процессуальной семантикой), ср. образную характеристику природного явления: *Зловеще рыжи срывы стен отвесных* (В. Я. Брюсов. Уныние, 1912).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнаутова Н. В. Колоризм: понятие и основы типологии // Концепт. 2014. Спецвыпуск № 30 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://e-koncept.ru/2014/14851.htm?ysclid=m4v9x1ezj692142144> (дата обращения 12.12.2023).
2. Багирова Е. П., Гаврикова Э. О. Колорема «золотой» в контексте русской символистской поэзии // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. № 4 (2). С. 55–66.
3. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 288 с.
4. Бахилина Н. Б. Ослепительно рыжий, безнадежно рыжий... // Русская речь. 1975. № 5. С. 104–110.
5. Брагина А. А. «Цветовые» определения и формирование новых значений слов и словосочетаний // Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1972. С. 73–104.
6. Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке. М.: КомКнига, 2005. 216 с.
7. Зубова Л. В. Этимологически родственные цветообозначения «рдяный»–«ржавый»–«румяный»–«рыжий» в поэзии М. Цветаевой (к вопросу об отражении языковых потенций в поэтическом тексте) // Семантика слова в диахронии. Калининград, 1987. С. 99–105.
8. Иванова Д. А., Насипова А. И. Как живет рыжим: образ и статус рыжеволосого человека в средневековье и в современности // Вестник педагогического опыта. 2022. № 52. С. 91–98.
9. Кезина С. В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект). Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2008. 304 с.
10. Кезина С. В., Луннова М. Г. Семантическая асимметрия в лексике цвета (на материале славянских языков и их говоров) // Российский гуманитарный журнал. 2022. Т. 11, № 5. С. 373–381.
11. Кожевникова Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М.: Наука, 1986. 253 с.
12. Колесов В. В. Свет и цвет в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». 800 лет. М.: Сов. писатель, 1986. С. 215–229.
13. Косых Е. А. Система цветообозначений в русском языке: к созданию и публикации «Русской энциклопедии цвета» // Вестник Барнаульского госпедуниверситета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2002. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.uni-altai.ru/Journal/vestbspu/2002/gumanit/PDF/kosihea.pdf> (дата обращения 04.01.2024).
14. Косых Е. А. Структурно-семантические особенности современных цветообозначений // Ученые записки Российского общества цвета. Т. 3. Смоленск: Смоленский госуниверситет, 2022. С. 24–30.
15. Кульпина В. Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер: Монография. М.: МАКС Пресс, 2019. 288 с.
16. Масевич А. Ц., Захаров В. П. Диахронические изменения частотности цветообозначений в русских поэтических текстах // Вестник Новосибирского госуниверситета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 5–35.
17. Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А. П. Василевич. М.: Ком Книга, 2007. 320 с.
18. Начинова А. В. Мифосимволика колоративов в русских народных заговорах // Linguistica Juvenis. 2021. № 23. С. 76–88.
19. Начинова А. В. Неопределенные колоративы и символика сакральной негарантированности в русских заговорах // Linguistica Juvenis. 2022. № 24. С. 165–175.
20. Панченко А. М. О цвете в древней литературе восточных и южных славян // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 23. Л.: Наука, 1968. С. 3–15.
21. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья / Пер. с фр. Е. Решетниковой. СПб.: Александрия, 2012. 448 с.
22. Рожнецова Л. Н. Компоненты композитов как актуализаторы элементов семантики синонимических единиц // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 7 (61): В 3 ч. Ч. 2. С. 158–162.
23. Сандакова М. В. Прилагательное в позиции атрибута и предиката // Вестник Вятского государственного университета. 2007. № 16. С. 94–100.
24. Серов Н. В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология. СПб.: Речь, 2003. 672 с.
25. Сивова Т. В. Цвет хурмы в цветовой концептосфере русского языка: от оранжево-красного к вкусному цвету перезрелой хурмы // Язык. Культура. Перевод. М.: КДУ, 2023. С. 99–102.
26. Соснина Л. В. Бахуврихи в разноструктурных языках // Вестник Донецкого национального университета. Серия: Филология и психология. 2023. № 2. С. 18–27.
27. Суздальцева В. Н. Символика цвета и функционирование цветообозначений в массмедийном политическом дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2014. № 1. С. 80–95.
28. Супрун В. И. Рдяный, русый и рыжий: этимологическое родство колоронимов // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2022. С. 133–238 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/116981> (дата обращения 16.01.2024).
29. Тарумова Н. Т. Колоративная лексика поэтического языка Андрея Белого: от словника цветообозначений к словарю цвета // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 3 (114). С. 184–189.
30. Теркулов В. И. Бахуврихи в русском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2008. № 2. С. 185–190.
31. Трубачев О. Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода // Этимология. 1991–1993. М.: Наука, 1994. С. 3–23.

32. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 176 с.
33. Хамидова А. Р. Семантический аспект изучения цветообозначений в русском языке // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 11. С. 320–327.
34. Харченко В. К. Словарь цвета: полная версия: около 6,5 тысячи слов в 12,5 тысячах контекстов. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021. 656 с.
35. Цыганова Н. Д., Аникин Д. С. Литературный типаж «рыжий» в русской и зарубежной литературе // Современное педагогическое образование: теоретический и прикладной аспекты: Сб. науч. ст. Всерос. молодеж. науч. форума. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. С. 117–121.
36. Шейдаева С. Г. Ивашка из XVII века: отражение внешности человека в русской деловой письменности и в системе антропонимов // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2022. Т. 32, № 4. С. 697–715.
37. Шелестюк Е. В. О лингвистическом исследовании символа (обзор литературы) // Вопросы языкознания. 1997. № 4. 125–145.
38. Gađanuĭ K. Сравнительное описание прилагательных цвета в славянских языках (на материале русского, сербского, словенского, хорватского языков). Melbourne: Academia Press, 2007. 218 с.

Поступила в редакцию 09.01.2024; принята к публикации 23.12.2024

Original article

Olga G. Tverdokhleĭ, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-8309-0245; ogtwrđ@gmail.com

COMPOUND ADJECTIVES WITH THE ROOT *RYZH-* IN THE POETRY OF THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY

Abstract. The study aims to explore the representation of color designations through derivative adjectives with the root *ryzh-* (the Russian root word for *red* or *ginger*) in the Russian poetry of the first third of the XX century, as well as to examine their frequency of use. The primary method employed in the analysis is descriptive, incorporating word-formation and semantic analysis, along with classification, dictionary definition analysis, etymological examination, and statistical analysis. The author proposes to categorize the compound adjectives containing the root *ryzh-* into two main groups: 1) color-color adjectives and 2) color-non-color adjectives. The illustrative material drawn from the poetic works of this period reveals that poets with varying frequency employed three subgroups of compound color-color adjectives (less frequently) and five subgroups of compound color-non-color adjectives (more frequently) to vividly convey the depicted reality and to aesthetically realize their intentions. The former three subgroups denote the connections with the color red of: a) another color, b) a color shade, and c) a potential color characteristic, while the latter five subgroups denote only one red (ginger) color: d) in possessive constructions, e) in combination with the names of living beings, f) in combination with non-color qualitative attributes, g) in combination with procedural attributes, and h) as part of a transitive group. The findings of this study may prove valuable for linguists interested in the linguistic characteristics of Russian Silver Age poetry and could also be beneficial in the development of dictionary compilation practices.

Key words: compound adjectives, adjective, color designation *ginger*, language of poetry, Silver Age

For citation: Tverdokhleĭ, O. G. Compound adjectives with the root *ryzh-* in the poetry of the first third of the XX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(1):29–39. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1125

REFERENCES

1. Arnautova, N. V. Colorism: definition and classification. *Koncept*. 2014;30. Available at: <https://e-koncept.ru/2014/14851.htm?ysclid=m4v9x1ezjf692142144> (accessed 12.12.2023). (In Russ.)
2. Bagirova, E. P., Gavrikova, E. O. The colorem of “golden” in the Russian symbolism poetry. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*. 2016;4(2):55–66. (In Russ.)
3. Bakhilina, N. B. History of color designations in the Russian language. Moscow, 1975. 288 p. (In Russ.)
4. Bakhilina, N. B. Dazzling red, hopelessly red... *Russian Speech*. 1975;5:104–110. (In Russ.)
5. Bragina, A. A. “Color” definitions and the formation of new meanings of words and phrases. *Lexicology and lexicography*. Moscow, 1972. P. 73–104. (In Russ.)
6. Vasilevich, A. P., Kuznetsova, S. N., Mishchenko, S. S. Color and color names in the Russian language. Moscow, 2005. 216 p. (In Russ.)
7. Zubova, L. V. Etymologically related color terms “red” – “rusty” – “ruddy” – “red” in the poetry of Marina Tsvetaeva (revisiting the issue of reflecting linguistic potentials in a poetic text). *Semantics of words in diachrony*. Kaliningrad, 1987. P. 99–105. (In Russ.)
8. Ivanova, D. A., Nasipova, A. I. How does a red-haired person live: the image and status of a red-haired person in the Middle Ages and in modern times. *Bulletin of Pedagogical Experience*. 2022;52:91–98. (In Russ.)

9. Kezina, S. V. Semantic field of color terms in the Russian language (diachronic aspect). Penza, 2008. 304 p. (In Russ.)
10. Kezina, S. V., Lunnova, M. G. Semantic asymmetry in the vocabulary of color (on the material of Slavic languages and their dialects). *The Liberal Arts in Russia*. 2022;11(5):373–381. (In Russ.)
11. Kozhevnikova, N. A. Word usage in the Russian poetry of the early XX century. Moscow, 1986. 253 p. (In Russ.)
12. Kolesov, V. V. Light and color in “The Tale of Igor’s Campaign”. *“The Tale of Igor’s Campaign”. 800 years*. Moscow, 1986. P. 215–229. (In Russ.)
13. Kosykh, E. A. System of color terms in the Russian language: towards the creation and publication of the *Russian Encyclopedia of Color*. *Vestnik of Barnaul State Pedagogical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences*. 2002;2. Available at: <http://www.uni-altai.ru/Journal/vestbspu/2002/gumanit/PDF/kosihea.pdf> (accessed 04.01.2024). (In Russ.)
14. Kosykh, E. A. Structural and semantic features of modern color names. *Scientific notes of the Color Society of Russia*. Vol. 3. Smolensk, 2022. P. 24–30. (In Russ.)
15. Kulpina, V. G. Linguistic colorology: from history to modernity of color concept spheres: Monograph. Moscow, 2019. 288 p. (In Russ.)
16. Masevich, A. Ts., Zakharov, V. P. Diachronic changes in the frequency of color designations in Russian poetic texts. *Vestnik NST. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2021;19(4):5–35. (In Russ.)
17. Color names in Indo-European languages: Systemic and historical analysis. (A. P. Vasilevich, Ed.). Moscow, 2007. 320 p. (In Russ.)
18. Nachinova, A. V. Mythosymbolics of coloratives in Russian folk conspiracies. *Linguistica Juvenis*. 2021;23:76–88. (In Russ.)
19. Nachinova, A. V. Undefined coloratives and symbolism of sacred insecurity in Russian conspiracies. *Linguistica Juvenis*. 2022;24:165–175. (In Russ.)
20. Panchenko, A. M. Color in the ancient literature of the Eastern and Southern Slavs. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Vol. 23. Leningrad, 1968. P. 3–15. (In Russ.)
21. Pastoureau, M. Symbolic history of the European Middle Ages. St. Petersburg, 2012. 448 p. (In Russ.)
22. Rozhentsova, L. N. Components of composites as actualisators of elements of synonymous units semantics. *Philology. Theory and Practice*. 2016;7(61/2):158–162. (In Russ.)
23. Sandakova, M. V. Attributive and predicative adjectives. *Herald of Vyatka State University*. 2007;16:94–100. (In Russ.)
24. Serov, N. V. The color of culture: psychology, cultural studies, physiology. St. Petersburg, 2003. 672 p. (In Russ.)
25. Sivova, T. V. The color of persimmon in the color concept sphere of the Russian language: from orange-red to the delicious color of overripe persimmon. *Language. Culture. Translation*. Moscow, 2023. P. 99–102. (In Russ.)
26. Sosnina, L. V. Bahuvrihi in languages with different structures. *Bulletin of Donetsk National University. Series: Philology and Psychology*. 2023;2:18–27. (In Russ.)
27. Suzdaltseva, V. N. Symbolics of colors and the functioning of color designation in mass media political discourse. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 2014;1:80–95. (In Russ.)
28. Suprun, V. I. Red, fair-haired and red-haired: etymological relationship of coloronyms. *Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology*. Yekaterinburg, 2022. P. 133–238. Available at: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/116981> (accessed 16.01.2024). (In Russ.)
29. Tarumova, N. T. Colorative lexicon of the poetic language of Andrey Belyj: from the color designation list of words to the dictionary of colors. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2020;3(114):184–189. (In Russ.)
30. Terkulov, V. I. Bahuvrihi in the Russian language. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2008;2:185–190. (In Russ.)
31. Trubachev, O. N. Proto-Slavic lexical heritage and Old Russian vocabulary of the pre-literate period. *Etymology. 1991–1993*. Moscow, 1994. P. 3–23. (In Russ.)
32. Frumkina, R. M. Color, meaning, similarity. Aspects of psycholinguistic analysis. Moscow, 1984. 176 p. (In Russ.)
33. Khamidova, A. R. The semantic aspect of research of color terms in Russian language. *Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2012;11:320–327. (In Russ.)
34. Kharchenko, V. K. Color dictionary: full version: approx. 6.5 thousand words in 12.5 thousand contexts. Belgorod, 2021. 656 p. (In Russ.)
35. Tsyganova, N. D., Anikin, D. S. Literary type of a “red-haired” person in Russian and foreign literature. *Modern pedagogical education: theoretical and applied aspects*. Krasnoyarsk, 2022. P. 117–121. (In Russ.)
36. Sheidaeva, S. G. Ivashka from the 17th century: reflection of a person’s appearance in Russian business written records and in the system of anthroponyms. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*. 2022(32);(4):697–715. (In Russ.)
37. Shelestyuk, E. V. On the linguistic study of symbol (literature review). *Topics in the Study of Language*. 1997;4:125–145. (In Russ.)
38. Gadanji, K. Comparative description of color adjectives in Slavic languages (based on the Russian, Serbian, Slovenian, and Croatian languages). Melbourne, 2007. 218 p. (In Russ.)

ОЛЬГА ОЛЕГОВНА СЕКИРО

аспирант словарного сектора
Институт лингвистических исследований Российской
академии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-5526-3356; olgasekiro@yandex.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ И. С. АКСАКОВА В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ (на примере слов *легальный*, *легальность*)

А н н о т а ц и я . Юридическая терминология занимает одно из ключевых мест в развитии словарного состава XIX века. Она активно используется в том числе представителем славянофильского направления И. С. Аксаковым, который сформировался в среде правоведов и непосредственно усвоил идеи, определяющие отечественную традицию юриспруденции. Тексты славянофилов, принадлежащих к одному из основных направлений, формирующих общественно-политический климат в России 40–60-х годов, остаются практически не описанными лингвистами. Место И. С. Аксакова в медиапространстве XIX века как автора, который вывел славянофильские идеи в широкий круг публичной полемики, а также активность семантического развития лексики в публицистике обусловливают актуальность исследования. Особенности осмысления данным автором юридической лексики исследуются на примере языковой рефлексии (которая в публицистике маркирует «чужое» и «свое» слово в полемике с оппонентами). С целью определения роли языковой рефлексии в выражении авторского осмысления юридической лексики анализируется смысловое взаимодействие в контекстах объектов языковой рефлексии (слов *легальный*, *легальность*, обозначающих основы права), иных лексико-фразеологических средств и так называемых рефлексивов. Делаются выводы о формировании новых идеологических коннотаций рассматриваемых слов, связанном с их религиозно-нравственным осмыслением.

К л ю ч е в ы е с л о в а : русский язык XIX века, публицистика XIX века, юридическая терминология, историческая лексикология, историческая стилистика, языковая рефлексия, славянофилы, И. С. Аксаков

Д л я ц и т и р о в а н и я : Секиро О. О. Юридическая терминология в публицистике И. С. Аксакова в аспекте языковой рефлексии (на примере слов *легальный*, *легальность*) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 1. С. 40–46. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1126

ВВЕДЕНИЕ

В исторической лексикологии русского языка XIX века одно из центральных мест занимает исследование лексики, связанной со сферой юриспруденции; это связано с активным развитием в различных странах, включая Россию, юридических научных школ вследствие стимулирующего влияния спора А. Тибо и Ф. К. Савиньи, который привел к возникновению исторической школы права¹. В России получает развитие сфера юриспруденции, формируется отечественная школа правоведения. Этому способствуют: издание единого Свода законов Российской Империи под руководством М. М. Сперанского; формирование системы юридического образования в 1824–1835 годах (организация стажировок в Германии, развитие собственных программ обучения юриспруденции в открывающихся в России университетах также благодаря дея-

тельности М. М. Сперанского, сотрудничеству с Ф. К. Савиньи (см. [1], [4]); реформа административной и судебной систем в 60-е годы XIX века, издание ряда учебников (например, Е. В. Васильевского)². В результате развития юридической сферы, формирования отечественной школы правоведения, ряда реформ правовой системы в России в XIX веке формируется терминология юридической науки. Отдельные ее аспекты были описаны лингвистами XX века в контексте исторической лексикологии русского языка³.

Во-первых, исследователи подчеркивают, что русский литературный язык с послепушкинской эпохи складывается из текстов различных идейно-эстетических направлений⁴ в связи с большим удельным весом произведений публицистического стиля⁵. Во-вторых, вопросы юриспруденции становятся частью общественно-политической полемики, активно обсужда-

ются на страницах прессы. Поэтому для истории русского литературного языка XIX века, развития словарного состава необходим анализ употребления юридической терминологии в текстах представителей различных идеологических ориентаций.

Частью мировоззрения представителей двух основных направлений, формирующих идеологический климат эпохи, славянофилов и западников, являлись разные концепции права, которые определяли особенности словоупотребления, семантики (ср. идею Л. Г. Чапаевой о том, что идеологические различия обуславливают семантические [17]). Если для западников было характерно представление об универсальном характере права, сложившееся под влиянием гегелевской философии, то славянофильское понимание испытало влияние идей немецкого юриста Ф. К. Савиньи, оппонента Г. Гегеля [4: 163]. Близость славянофилов к Савиньи, повлиявшему на становление отечественной традиции юриспруденции [4: 163], обуславливает актуальность исследования юридической лексики в текстах представителей славянофильства. Среди них особый интерес представляет И. С. Аксаков – выпускник училища правоведения. Он сформировался в данной среде и непосредственно усвоил идеи, которые повлияли на формирование отечественной школы [15: 21]. Аксаков вывел славянофильские идеи, включая взгляды на право, в широкий круг публичной полемики, способствуя их применению к решению актуальных общественно-политических вопросов [5], [15].

Историко-филологическая разработка базовых понятий в рамках немецкой исторической школы была средством исследования феномена права как создаваемого «народным духом» [16: 221–222]. Под влиянием описанных идей для отечественной школы, которая формировалась в XIX веке, была характерна рефлексия над понятиями, обозначающими основы права, и терминами [4: 170]. Поэтому в качестве объекта исследования нами были выбраны слова *легальный*, *легальность*, обозначающие основы права с точки зрения идеологических оппонентов автора. Их осмысление автором, имеющее полемический характер, отразилось в явлении языковой рефлексии, которая представляет собой

«осознание, осмысление собственного языкового поведения и языковой жизни общества... особый тип отношения к языку, предполагающий осмысленное пользование им, языковые наблюдения, соотношение своих оценок с другими, нормой, узусом» [20: 810].

«Направленность языкового сознания на познание самого себя» [7: 77] делает языковую

рефлексию ценным источником информации о ключевых словах эпохи [19: 37], их осмыслении носителями языка, процессах вхождения слов в литературный язык. В публицистическом тексте языковая рефлексия маркирует «чужое» и «свое» слово в полемике с идеологическими оппонентами. Поскольку существование текста в широком пространстве публичной полемики способствует интенсивному проявлению языковых особенностей [8], языковая рефлексия над юридической лексикой является источником информации о ее идеологическом осмыслении и связанных с ним особенностях семантики.

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Слова *легальный*, *легальность* активно употребляются И. С. Аксаковым в освещении различных аспектов национального вопроса: так называемых «польского» и «славянского», поскольку они имели юридические аспекты (например, управление в западных губерниях и судебные процессы над участниками Польского восстания 1863 года). Также юридическая лексика, в том числе рассматриваемые слова, выражает метафору «суда истории» (по выражению И. С. Аксакова) – борьбы двух разных культурно-просветительских начал, католического и православного, на территориях западных губерний Российской империи. Значимость данной метафоры для словоупотребления Аксакова была отмечена нами ранее на примере анализа старинного юридического термина *тяжба* [13]. Поэтому очерки о «славянском» и «польском» вопросах, входящие в первый и третий тома *Дореволюционного собрания сочинений*⁶, являются материалом данного исследования.

МЕТОДЫ

В целях определения роли языковой рефлексии в выражении авторского осмысления юридической лексики было проанализировано смысловое взаимодействие в контекстах слов *легальный*, *легальность* (как объектов языковой рефлексии), иных лексико-фразеологических средств и рефлексивов. Данный термин, употребляемый многими исследователями языковой рефлексии для обозначения ее языкового выражения (см. подробнее: [3], [7], [11], [13]), представляет собой «любой акт метаязыкового комментирования фактов речи как говорящего, так и собеседника» [18: 278], целью которого является «снятие информационной энтропии», «преодоление смысловой неопределенности» [3: 143], [18: 278]. При анализе текстов Аксакова мы вслед за исследователями (А. В. Белодовой, И. Т. Вепре-

вой, М. А. Кормилициной, Е. А. Сальман и др.) различали имплицитные (выражаемые графически) и эксплицитные (вербально выраженные) рефлексивы.

ЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ НАД СЛОВАМИ ЛЕГАЛЬНЫЙ, ЛЕГАЛЬНОСТЬ, ОБОЗНАЧАЮЩИМИ ОСНОВЫ ПРАВА

Языковая рефлексия маркирует слова *легальный, легальность*, обозначающие основы права как «чужое слово», «цитату из чужого стиля»⁷ [9]. Они употребляются представителями бюрократии, либерального направления, западниками. На статус этих слов как основ права указывают характер сочетания и его толкование, приводимые В. И. Далем: он определяет *легальные принципы* как ‘законные основания’⁸. В текстах И. С. Аксакова данные слова приобретают семантику ‘формально законных действий’, по мнению автора, противоречащих социально-политическим и религиозно-нравственным потребностям русского народа. По замечанию В. М. Будилова,

«правда в русской философии права традиционно противопоставляется, по крайней мере, “неправому праву”: нормативным актам и актам применения права, юридическая сила которых основывается исключительно на формально правильной процедуре» [4: 172].

Известный русский философ Н. А. Бердяев отмечает, что «борьба против западного рационализма была уже свойственна немецким романтикам»⁹; в правоведческой литературе подчеркивается близость правовых концепций славянофилов идеям немецкой исторической школы права, сформировавшейся под влиянием романтической философской традиции [6: 199–202], косвенное влияние которой можно обнаружить и во взглядах Аксакова.

Взгляды Аксакова, обусловленные усвоением идей немецкой исторической школы права, определяют особенности выражения языковой рефлексии в следующих фрагментах:

1. «...еслибъ въ нихъ <русскихъ западникахъ> было бы живѣе Русское народное чувство, то безъ сомнѣнія не такъ бы легко было обольстить ихъ фразами о гуманности, *легальности* и т. п.; они бы назвали фальшивою ту *легальность*, во имя которой приходится попирать на Русской землѣ права Русской народности, – фальшивою ту гуманность, ради которой, въ какой бы то ни было формѣ, продолжаетъ Польское иго гнести бѣдное и сирое Русское крестьянство!»¹⁰

2. «...допущенное Русскимъ начальствомъ наполненіе присутственныхъ мѣстъ чиновниками-Поляками, въ сущности, есть такое же покровительство стремленіямъ Польскаго элемента къ преобладанію надъ Русскимъ, потому что ставитъ Русскихъ въ полную «*легальную*» отъ Поляковъ зависимость»¹¹.

3. «Правительство, продолжая видѣть въ мятежѣ дѣйствіе одной революціонной партіи, продолжаетъ упорствовать въ своей системѣ, не позволяя себѣ уклоняться ни на волосъ отъ пути строгой законности и противопоставляетъ всеобщему заговору, всеобщему беззаконію (съ формальной точки зрѣнія) мѣры – до педантизма “*легальныя*»»¹².

4. «Поляки ничего другаго и не требуютъ, какъ формальной *легальности*, т. е. возможности безнаказанно, съ соблюденіемъ легальныхъ формъ, производить пропаганду, тѣснить Русскую народность»¹³.

5. «...вмѣсто Поляковъ и ксендзовъ приходится бороться съ Русскими, и не то что бороться, а противустоятъ многообразнымъ, льстивымъ и заманчивымъ внушеніямъ разныхъ сладкопоющихъ петербургскихъ сирень “здраваго патріотизма”, “здравой политики”, “истиннаго либерализма”, “*легальности*” и всякихъ высокихъ началъ»¹⁴.

6. «Она (русская администрація. – О. С.) не можетъ не понимать, что выше всякой польской владѣльческой и даже крупноземлевладѣльческой “*легальности*” выступаетъ право русской народности»¹⁵.

7. «Много простоватыхъ душь уволели эти “хорошія слова”, которыя на практикѣ, въ переводѣ на языкъ жизни, означали не только возвращеніе къ старому порядку вещей, но еще горшее, т. е. овященіе вновь – вопіющей (вполнѣ “*легальной*”) неправды Польско-католическаго преобладанія надъ православно-Русскимъ народомъ, – Польско-шляхетскихъ притязаній на Русскую землю!»¹⁶

Слова *легальный, легальность* в данных контекстах маркированы имплицитными (графическими средствами) и эксплицитными рефлексивами: словами и сочетаниями *фраза, хорошие слова*, развернутыми метатекстовыми высказываниями. Лексическое окружение рефлексивов включает славянизмы высокой стилистической окраски, имеющие общественно-политическое осмысление, выражающие негативную оценку культурно-политического влияния польского католического населения: *обольстить, беззаконие, попирать* (права), *противустоятъ, иго, гнести* и др., а также русскую по происхождению лексику *сирый, теснить*, архаическую форму *горший*, имеющие те же стилистические функции¹⁷. Наличие у описываемых типов слов компонентив значения, связанных с духовно-нравственной сферой, выражает мысль автора о том, что противостояние имеет не только социально-политический, но и религиозно-нравственный характер, что повышает идеологический статус противостояния. Во фрагменте 5 описанная роль употребляемых Аксаковым лексических средств актуализируется в гиперболе: *не то что бороться, а противустоятъ льстивым и заманчивым внушеніям*. Негативному восприятию польской католической экспансии, а также действий представителей административной сферы, которые не руководствуются интересами православного

населения западных губерний, способствуют средства художественной выразительности: ирония (контекст 5: *высокие начала*), а также развернутые метафоры (контекст 5: *заманчивые внушения сладкопоющих петербургских сирен*), способствующие воздействию на читателя. Маркирование слов *легальный*, *легальность* имплицитными рефлексивами выражает их ироническое осмысление автором, указание на условный, формальный характер номинации. Неприятие славянофилами принципа номинации, используемого оппонентами, связано с той ролью, которую представители этого направления отводили языку. Они видели в слове «не выражение сущности, а саму сущность» [2: 45], оказывающую влияние на формирование общественно-политического и культурно-духовного опыта народа.

В описанном контекстуальном окружении слова *легальный*, *легальность* объединяются с другими элементами чужого слова языка идеологических оппонентов – *здравый патриотизм*, *здоровая политика*, *истинный либерализм*, *гуманность*. Заимствованные латинские термины, к которым относятся рассматриваемые слова, приобретают экспрессивную окраску в публицистике, идеологизируются в социально-политической полемике. Смысловое взаимодействие слов в контексте обуславливает их религиозно-нравственное осмысление. Оно свойственно для словоупотребления Аксакова в целом: можно обнаружить контексты, в которых слово *легальный* используется для характеристики католического вероисповедания. Таким образом, автор выражает мысль о религиозно-нравственных основах *легальности* как общественно-политического принципа:

8. «...католицизмъ, представляя такую рациональную (для многихъ – увы! соблазнительную) стройность, являетъ въ то же время въ себѣ положительное оскудѣніе вѣрующаго духа; поэтому-то онъ и опознаетъ истину или думаетъ опознать ее лишь по *легальнымъ*, юридическимъ признакамъ, паспортамъ, примѣтамъ, подчиняетъ ее внѣшнему авторитету»¹⁸.

Для рассматриваемых слов в текстах И. С. Аксакова характерна следующая сочетаемость: *легальная зависимость* (контекст 2), *фальшивая легальность* (контекст 1), *формальная легальность* (контекст 4), *легальная неправда* (контекст 7). Употребление слов в данных сочетаниях способствует представлению описываемых с их помощью явлений как ложных; вследствие этого происходит уничтожение идеологического смысла, сложившегося в словоупотреблении оппонентов.

Понимание *легальности* как правового и духовно-религиозного принципа, являющегося про-

изведением народного духа католического духовно-просветительного начала и выраженного заимствованным термином, обуславливает критику действий властей в западных губерниях, которые ему следуют:

9. «Не въ этотъ ли періодъ времени (до 1863 года. – О. С.) край, путемъ совершенно *легальнымъ* ополячился такъ, какъ не ополячился онъ въ теченіе всего существованія Рѣчи Посполитой?»¹⁹

Рассматриваемым словам в текстах Аксакова в контекстах 1, 4 противопоставляются *права русской народности*, *русская народность*, обозначающие, по мысли автора, «органический характер» владения той или иной территорией. Мысль об «органической» связи территории и населяющего ее народа сформировалась в славянофильстве под влиянием немецкой философской традиции²⁰ [14]. Анализируя указ о секвестре имений польских помещиков в западных губерниях, И. С. Аксаков выражает мысль о связи народности с той или иной территорией, которая лежит в основе понятия о собственности. *Народность* приобретает терминологические черты:

10. «...мы... хотели только указать на несообразность, непримѣнимость къ землѣ юридическаго принципа безусловной собственности, и на элементъ *народности*, нераздѣльный съ землею»²¹.

11. «Мы... спѣшимъ перейти къ изложенію тѣхъ особыхъ основаній, которыми, по нашему мнѣнію, обуславливается всякое право поземельной собственности и владѣнія. Это основаніе – есть *принципъ народности*, неразрывно связанный съ понятіемъ о землѣ»²².

В связи со взглядом на общество как на народ, представляющий собой сознающую себя силу [15: 299], в качестве условий «вышей справедливости» Аксаков рассматривает выражение народности, полемизируя со сторонниками общечеловеческого, универсального права (так как субъектом права, по мысли Аксакова и его немецких предшественников, является народ):

12. «...есть многое, не вмѣщающееся въ рамки закона, которое въ живомъ дѣлѣ зависитъ отъ образа мыслей исполнителей, – и этотъ-то образъ мыслей и долженъ быть русскій. Мы вовсе не отвергаемъ идеи *легальности* или юридической справедливости, но она не можетъ не уступать мѣсто идеѣ высшей справедливости, когда становится съ нею въ разрѣзъ»²³.

ВЫВОДЫ

Описанные особенности языковой рефлексии, маркирующей слова *легальный*, *легальность* как основы права, являются лингвистическим доказательством влияния идей немецких писателей, мыслителей на генезис славянофильского понимания права. К подобным особенно-

стям можно отнести выражение взгляда на народ как субъект права, а также критику заимствованных основ права как не соответствующих социально-политическим и духовно-культурным потребностям народа. Сформулированный вывод позволяет подтвердить предположения филологов, правоведов, в частности Н. А. Бердяева, В. М. Будилова, о влиянии немецкой философской традиции на славянофильское мировоззрение (см. о предположительном характере их заключений: [2]).

Языковая рефлексия в публицистических текстах Аксакова выполняет функцию указания на ложный характер, ошибочность номинации

с помощью слов *легальный, легальность*. Их идеологическое осмысление в публицистике Аксакова, выраженное с помощью языковой рефлексии в полемике, обусловило формирование новых идеологических коннотаций, связанных с религиозно-нравственным осмыслением слов. Они сформировались в условиях взаимодействия рефлексивов, объектов языковой рефлексии, а также иной лексики в проанализированных контекстах. В результате идеологический смысл, сложившийся в словоупотреблении оппонентов, уничтожался. Это свидетельствует о семантических изменениях вследствие языковой рефлексии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Новгородцев П. И. Историческая школа юристов. Ее происхождение и судьба: Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии (1896) // Немецкая историческая школа права. Челябинск: Социум, 2010. С. 1–225.
- ² См. например: Васильковский Е. В. Учебник гражданского процесса. Вып. 1. СПб.: Изд. Н. К. Мартынова, 1894.
- ³ См.: Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка XIX века. М.; Л.: Наука, 1965. С. 477–478.
- ⁴ Бельчиков Ю. А. Русский литературный язык во второй половине XIX века. М.: Высшая школа, 1974. С. 15.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Источник: Аксаков И. С. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. Славянский вопрос. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Речи в Славянском комитете в 1876, 1877 и 1878 гг. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1886; Т. 3. Польский вопрос и Западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1886.
- ⁷ Шварцкопф Б. С. Внимание: кавычки! // Русская речь. 1967. № 4. С. 60–64.
- ⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. 2-е изд. Т. 2. СПб.; М., 1881. С. 247.
- ⁹ Бердяев Н. А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 71.
- ¹⁰ Аксаков И. С. Собр. соч.: В 7 т. Т. 3. ... С. 408.
- ¹¹ Там же. С. 255.
- ¹² Там же. С. 191.
- ¹³ Там же. С. 180.
- ¹⁴ Там же. С. 480.
- ¹⁵ Там же. С. 482.
- ¹⁶ Там же. С. 407.
- ¹⁷ О функциональной близости книжнославянских слов и русской по происхождению лексики в послепушкинскую эпоху см. [10: 10].
- ¹⁸ Аксаков И. С. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. ... С. 561.
- ¹⁹ Там же. С. 519.
- ²⁰ См. концепцию органических форм А. Шлегеля, повлиявшую на славянофильские взгляды [5: 295]: «...form is mechanical when, through external force, it is imparted to any material merely as an accidental addition without reference to its quality <...>. Organical form, again, is innate; it unfolds itself from within, and acquires its determination contemporaneously with the perfect development of the germ» (Schlegel A.W. Lectures on Dramatic Art and Literature / Trans. by John Black. 2nd ed. London: G. Bell & Sons, Ltd., 1892.)
- ²¹ Аксаков И. С. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. ... С. 90.
- ²² Там же. С. 88.
- ²³ Там же. С. 511.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авенариус М. Савиньи и его русские ученики. Передача научного юридического знания в первой половине XIX в. // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2005. № 1 (15). С. 108–118.
2. Безлепкина Н. И. Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии. СПб.: Искусство – СПб, 2002. 272 с.
3. Белоедова А. В. Журналистский текст на шкале безусловной и проблемной достоверности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2014. Т. 21, № 6 (177). С. 141–146.
4. Будилова В. М. Савиньи и становление русского национального правоведения в первой половине XIX в. // Правоведение. 2014. № 3. С. 156–187.

5. В а л и ц к и й А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / Пер. с польск. К. Душенко. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 704 с.
6. В а с и л ь е в А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 224 с.
7. В е п р е в а И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.
8. В о л к о в А. А. Теория риторической аргументации. М.: Изд-во МГУ, 2009. 398 с.
9. З а л и з н я к А. А. Семантика кавычек // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды междунар. конф. «Диалог 2007» / Ред. Л. Л. Иомдина, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М.: Изд-во Рос. гос. гуманит. ун-та, 2007. С. 188–193 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm (дата обращения 19.06.2024).
10. К о п о р с к а я Е. С. Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени / Отв. ред. Н. Ю. Шведова; АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1988. 231 с.
11. К о р м и л и ц ы н а М. А. Рефлексивы в речевой коммуникации // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. трудов. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2000. С. 20–25.
12. С а л ь м а н Е. А. Авторская рефлексия как знак освоения новых явлений в лексике (на материале публицистики М. А. Булгакова 1920-х годов) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2009. Сер. 9, вып. 4. С. 133–139.
13. С е к и р о О. О. Лексическая сочетаемость с прилагательным *органический* в публицистике И. С. Аксакова: *органический порок и органическая фальшь* // Славянская историческая лексикология и лексикография. Вып. 3. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 293–303.
14. С е к и р о О. О. «Метафора, обращенная в прошлое»: особенности словоупотребления в публицистике И. С. Аксакова в контексте реализации славянофильской концепции «идеального народного языка» // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография / Отв. ред. О. Н. Крылова. СПб.: ИЛИ РАН, 2023. С. 170–181.
15. Т е с л я А. А. Последний из «отцов»: Биография И. С. Аксакова. М.: Владимир Даль, 2015. 799 с.
16. Т и м о ш и н а Е. В. Рукописное наследие М. М. Сперанского как источник исследования его правового мировоззрения // Правоведение. 2002. № 3. С. 220–224.
17. Ч а п а е в а Л. Г. Стилистическая терминология в эпоху 1830–1840-х годов: проблемы дефиниции и дифференциации // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2009. № 2. С. 65–75.
18. Ш е й г а л Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 324 с.
19. Ш м е л е в а Т. В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. Киев, 1993. № 1. С. 33–41.
20. Ш м е л е в а Т. В. Языковая рефлексия // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003. С. 810–811.

Поступила в редакцию 19.07.2024; принята к публикации 02.12.2024

Original article

Olga O. Sekiro, Postgraduate Student, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5526-3356; olgasekiro@yandex.ru

LEGAL TERMINOLOGY IN IVAN AKSAKOV'S JOURNALISM FROM THE PERSPECTIVE OF LANGUAGE REFLECTION (exemplified by the words *legal* and *legality*)

Abstract. Legal terminology plays a significant role in the development of the nineteenth-century Russian vocabulary. It was regularly used by a prominent Russian Slavophile, Ivan Aksakov, whose views were shaped within the professional community of legal experts and directly assimilated the ideas that contributed to the development of the Russian legal tradition. So far, texts written by the Slavophiles belonging to the one of the main directions that affected the social and political environment in Russia from the 1840s through the 1860s have not been described by linguists. The significance of Ivan Aksakov in the media landscape of the XIX century lies in his role as an author who introduced Slavophile ideas into public discourse, which, along with the active development of journalism vocabulary, determines the relevance of this study. This research examines the author's interpretation of legal terminology through language reflection, which in Aksakov's publicistic texts marks the distinction between "foreign" and "native" words in his debates with opponents. To understand the role of language reflection in articulating the author's perspective on legal lexicon, the paper analyzes the semantic interactions involving the objects of language reflection, namely, the words *legal* and *legality* that denote the fundamental legal concepts, as well as other lexical and phraseological units and so-called "reflexives". The findings indicate that Aksakov's use of these terms led to the emergence of new ideological connotations, closely tied to their religious and moral interpretations.

Key words: nineteenth-century Russian language, nineteenth-century journalism, legal terminology, historical lexicology, historical stylistic, language reflection, Slavophiles, Ivan Aksakov

For citation: Sekiro, O. O. Legal terminology in Ivan Aksakov's journalism from the perspective of language reflection (exemplified by the words *legal* and *legality*). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(1):40–46. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1126

REFERENCES

1. Avenarius, M. Savigny and his Russian students. Transmission of academic legal knowledge in the first half of the XIX century. *IVS ANTIQVVM*. 2005;1(15):110–111. (In Russ.)
2. Bezlepkin, N. I. Philosophy of language in Russia: The history of Russian linguistic philosophy. St. Petersburg, 2002. 272 p. (In Russ.)
3. Beloedova, A. V. Journalistic text on the scale of unconditional and problematic reliability. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philology, Journalism, Pedagogy, Psychology*. 2014;6(177-21):141–146. (In Russ.)
4. Budilov, V. M. Savigny and the formation of the Russian national legal science in the first half of the XIX century. *Pravovedenie*. 2014;3:156–187. (In Russ.)
5. Walicki, A. Within conservative utopia. Structure and metamorphoses of the Russian Slavophile movement. Moscow, 2019. 704 p. (In Russ.)
6. Vasilyev, A. A. The state and law ideal of the Slavophiles. Moscow, 2010. 224 p. (In Russ.)
7. Vepreva, I. T. Language reflection in the post-Soviet epoch. Moscow, 2005. 384 p. (In Russ.)
8. Volkov, A. A. Theory of rhetoric argumentation. Moscow, 2009. 398 p. (In Russ.)
9. Zaliznyak, A. A. Semantics of quotation marks. *Computer linguistic and intellectual technologies: Proceedings of the international conference "Dialogue 2007"*. Moscow, 2007. P. 188–193. Available at: http://www.philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm (accessed 19.06.2024). (In Russ.)
10. Koporskaya, E. S. Semantic history of Slavonic vocabulary in the Russian standard language of the modern period. Moscow, 1988. 231 p. (In Russ.)
11. Kormilitsyna, M. A. Reflexives in speech communication. *Issues of speech communication: Interuniversity collection of academic papers*. Saratov, 2000. P. 20–25. (In Russ.)
12. Sal'man, E. A. Writers' attitude towards new lexical phenomena as a sign of their adaptation into the vocabulary (based on Bulgakov's non-fiction publications during 1920-ies). *Vestnik of Saint Petersburg University*. 2009;4:133–139. (In Russ.)
13. Sekiro, O. O. Lexic combination with adjective *organicheskij* in I. S. Aksakov's publicism: *organicheskii porok and organicheskaya fal'sh*. *Slavic Historical Lexicology and Lexicography*. 2020;3:293–303. (In Russ.)
14. Sekiro, O. O. "A metaphor converted to the past": specific features of the author's word usage in Ivan Aksakov's journalism in the context of the Slavophiles' conception of the "ideal folk language" expression. *Modern Russian lexicology, lexicography, and linguogeography*. (O. N. Krylova, Ed.). St. Petersburg, 2023. P. 170–181. (In Russ.)
15. Teslya, A. A. The last of the "fathers": Ivan Aksakov's biography. Moscow, 2015. 799 p. (In Russ.)
16. Timoshina, E. V. Manuscript heritage of M. M. Speransky as a source for the study of his legal outlook. *Pravovedenie*. 2001;3:220–224. (In Russ.)
17. Chapaeva, L. G. Stylistic terminology in the 1830s and the 1840s: problems of definition and differentiation. *Bulletin of Sholokhov Moscow State University for the Humanities. Philological Sciences*. 2009;2:65–75. (In Russ.)
18. Sheigal, E. I. Semiotic of the political discourse. Moscow, 2004. 324 p. (In Russ.)
19. Shmeleva, T. V. Keywords of the current moment. *Collegium*. 1993;1:33–41. (In Russ.)
20. Shmeleva, T. V. Language reflection. *Culture of Russian speech: Encyclopedic reference dictionary*. Moscow, 2003. P. 810–811. (In Russ.)

Received: 19 July 2024; accepted: 2 December 2024

МАКСИМ ДМИТРИЕВИЧ ЩЕПАЛИН

аспирант кафедры русского языка и теории словесности переводческого факультета
Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Российская Федерация)
Maksim.Dmitrievich.Sch@yandex.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ (на материале текстов Е. Д. Поливанова и М. В. Панова)

А н н о т а ц и я . Актуальность исследования обусловлена растущим интересом отечественных и зарубежных ученых к особенностям когнитивных процессов, в том числе к их аффективной составляющей. Языковые данные признаются в некоторых случаях единственным ключом к такого рода знанию. Материалом послужили научные труды и письма двух лингвистов – востоковеда Е. Д. Поливанова и русиста М. В. Панова. Целью проведенного исследования было выявление стимулов для эмоциональных реакций, свидетельствующих о достижении результата научного познания, разграничение универсального и индивидуального в таких реакциях, а также описание языковых маркеров аффективной составляющей научного поиска. Достижение намеченной цели осуществлялось с помощью методов контент-анализа, сопоставительного и стилистического анализа с учетом новейших данных нейроэстетики и когнитивной психологии. Были сделаны выводы о необходимости добавить к когнитивным стилям оппозицию эмоциональная реактивность / устойчивость по отношению к новому знанию, а также о том, что ученые в разной мере поддаются социальному сдерживанию в выражении когнитивных эмоций, на выбор тональности и средств выражения интеллектуальной экспрессии влияет фактор адресата и что крупные ученые испытывают яркие и многообразные эмоции при достижении результата научного поиска. Помимо этого описаны языковые средства выражения когнитивной эмоции во взаимодействии со средствами выражения интеллектуальной экспрессии.
Ключевые слова: когниция, научное познание, когнитивная эмоция, интеллектуальная экспрессия, нейроэстетика, языковые маркеры аффективной составляющей научного поиска

Для цитирования: Щепалин М. Д. Эмоциональный компонент в научном познании (на материале текстов Е. Д. Поливанова и М. В. Панова) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 1. С. 47–52. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1127

ВВЕДЕНИЕ

Процесс научного познания неразрывно связан с когнитивными эмоциями, однако, как отмечают Э. Линненбринк и П. Пинтрих, «моделей взаимодействия аффекта и познания пока предложено мало (перевод наш. – М. Ш.)», и еще меньше изучены эмоции, сопровождающие академическое познание [17: 57]. На сегодняшний день выделены такие когнитивные эмоции, как уверенность, удивление, любопытство и любознательность, интерес, сомнение, замешательство, недоумение, растерянность и прочие [16: 156]. Установлено, что зарождение аффекта связано с бессознательным ощущением близости к результату, а интенсивность эмоции определяется «масштабом» и качеством результата, силой стремления субъекта к нему (вовлеченностью), интересом к исследуемому предмету.

Часть из этих переживаний могут *post factum* эксплицироваться ученым в статьях, письмах, интервью. Так, например, Г. Гельмгольц описывает инсайт как «счастливые наития» в момент «телесной свежести и чувства спокойного благосостояния» [3: 627–628]. Изучение прошедшей через фильтр вербализации аффективной составляющей процесса познания позволит, как нам представляется, приблизиться к ответу на вопросы, какие сигналы вызывают у ученого ощущение, что он стоит на пороге открытия, как переживается инсайт разными субъектами, меняется ли аффективная составляющая кульминационного события когниции в зависимости от когнитивного стиля ученого.

Мы выдвинули предположение, что если связывать инсайт с обнаружением такого способа моделирования исходных данных, который

заставляет оценить результат как «хорошо упорядоченное целое» [2: 54], то должны быть эталоны, на которые мозг выдает соответствующую реакцию. Ответ на свой запрос на сегодняшнем этапе развития науки мы смогли получить только от нейроэстетики. Нейробиолог В. Рамачандран сформулировал девять законов, согласно которым мозг будет реагировать на перцептивные стимулы как на нечто эстетичное: 1. Группировка; 2. Максимальное смещение; 3. Контраст; 4. Изоляция; 5. Пикабу; 6. Отвращение к совпадениям; 7. Порядок; 8. Симметрия; 9. Метафора [14: 247]. Лингвисты могли бы возразить, что перцептивная информация преобразуется в языке путем просеивания и обобщения, однако изучение художественных текстов в аспекте нейроэстетики [6] показало, что преломление законов В. Рамачандрана можно обнаружить и в языковом материале.

Опираясь на высказанные соображения, мы решили проанализировать фрагменты из текстов двух схожих по сфере интересов и соизмеримых по творческому потенциалу ученых с целью выявления вербализованных аффективных реакций, сопровождавших их научный поиск, а также установления возможной связи этих реакций с законами нейроэстетики. Далее перед нами стояла задача установить, как аффективная составляющая познания связана с когнитивным стилем познающего. И наконец, важно было выявить и описать языковые маркеры аффективной реакции. Материалом исследования послужили научные труды и письма двух лингвистов – востоковеда Е. Д. Поливанова и русиста М. В. Панова. Основанием для выбора фрагментов было воплощение в них аффективной составляющей, а также эксплицитных или имплицитных указаний на новизну мысли. Выводы делались на основании обобщения наблюдавшихся в этих фрагментах повторов структурного или смыслового характера.

КОГНИТИВНЫЕ ЭМОЦИИ В СВЕТЕ ЗАКОНОВ НЕЙРОЭСТЕТИКИ

Первый закон нейроэстетики – *группировка*. Он гласит, что мысленное дорисовывание части до целого или объединение множества фрагментов вызывает эстетическое удовлетворение. Подобный когнитивный процесс отражен в следующей цитате из работы М. В. Панова: «Фонологи злобно рычат, встречаясь с этими фантомами. Напрасно! *Фантомы эти объединяются... в особую фонемную единицу!*» [7: 411] – эмоция возбуждения передается метафорами и восклицательными знаками,

желание поделиться радостью познания – эффектом умолчания (многозначие). Действие этого закона отражено также в письме Е. Д. Поливанова из Пражского архива: «На этом основную часть *quasi-рецензии* можно считать законченной. Что я пришлю сверх этого, это будут уже моя болтовня (на вопросы *задетые* в книге)...» («Pr. 1», л. [5 об.] – весна 1933) (цит. по [1: 9]). Далее из статьи А. В. Андропова и Д. Д. Филатовой выясняется, что анализ работы Р. О. Якобсона, на которую писалась рецензия, привел Е. Д. Поливанова к обнаружению нового способа группировки занимавших его языковых фактов. Что же касается когнитивных эмоций, то слово *задетые* указывает на разбуженный интерес, который Е. Д. Поливанов смущенно прикрывает снижением статуса своего отзыва (то есть приемом мейозиса) – *quasi-рецензия, болтовня*.

Закон максимального смещения говорит о притягательности сопоставления максимально далеких объектов и явлений. Так, Е. Д. Поливанов противопоставляет не один раздел науки другому, а науку – искусству: «...“индоевропеистика виновата в том, что она не изучала не-индоевропейских языков” (как ихтиология в том, что она занималась *рыбами*, а не *хоровым пением!*)...» [9: 326] – аффективная составляющая представлена сарказмом и подтверждена восклицательным знаком. Проявление того же закона в оценке М. В. Пановым идей Е. Д. Поливанова: «Статья эта необыкновенно *смелая* <...> Почему смело? А потому что это *грубо*. Мы ожидаем... и вдруг...» [8: 12]. Далее М. В. Панов развивает оцениваемые в этом фрагменте идеи Е. Д. Поливанова, и этот пример, как и предыдущий из «квазирецензии», позволяет нам сделать вывод, что момент обретения нового знания, наступающий в процессе осмысления чужих идей, окрашен не меньшей когнитивной эмоцией, чем открытие на основе собственных эмпирических наблюдений. У М. В. Панова, судя по парадоксу, это удивление от неожиданно открывшегося решения.

Закон эмоционального отклика на контраст находит свое отражение в следующих фрагментах из текста Е. Д. Поливанова: «...в связи с неразрешенным *противоречием* между ее буквенным составом и официальным выбором литературного диалекта может казаться...» [9: 107] – на контраст указывает лексема *противоречие*, на удовлетворение от его разъяснения – последующий контекст; из работы М. В. Панова: «Но ведь повтор лежит в основе всякого текста! <...> Значит, *слишком*

широкое определение, его надо сузить» [8: 12] – мысленный диалог с читателем, переданный с восклицательной интонацией и окрашенный эмоцией уверенности.

Изоляция – это сведение числа источников информации к одному, например, карандашный набросок дает информацию только о форме и исключает цвет и фактуру. Изоляцию мы обнаруживаем в следующем фрагменте текста Е. Д. Поливанова:

«...звуки, повтор которых имеет поэтическую установку, размещены на ярких местах: акустически ярко освещены – на них надо тем самым обратить внимание – как раз то внимание, которое направлено *не на смысл, а на звуки сами по себе*» [12: 154] –

лексический повтор и метафоры *яркий, осветить* указывают на эмоциональную вовлеченность автора. При этом акустическая составляющая (формальный повтор звука) изолируется от смысла слова и микротекста.

Закон пикабу утверждает, что можно «сделать нечто более привлекательным, делая его менее видимым» [14: 267]. Его воплощение можно обнаружить в следующей цитате из работы М. В. Панова:

«Было бы ясно, где появилось новое качество согласного, если бы оно возникло в форме внезапного скачка <...> Но “скачок” здесь протекает в непрерывном ряду форм, и поэтому его нельзя указать пальцем: *вот он!* Такие “замедленные скачки”, как известно, не редкость в языке» [7: 403]

– оксюморон *замедленные скачки* демонстрирует активизацию лингвокреативности, а значит, пробуждение интереса к явлению; аффективная составляющая передается также восклицанием.

Закон отвержения к совпадениям гласит, что мозг стремится фиксировать типичное и избегает случайных совпадений. На этом принципе основано построение всех научных выводов, поэтому «красота» научной концепции напрямую зависит от ее соответствия этому закону. Его проявление отражено в следующем фрагменте статьи Е. Д. Поливанова:

«Имеющиеся у меня кривые слов *ke “волос”, i “желудок”,* как и приведенные выше *подсчеты* слов *je, ha,* заставляют считать силовую двухвершинность *несомненной* для некоторых случаев произношения...» [11: 91]

– лексема *несомненный* воплощает эмоцию уверенности.

Порядок – это неприязнь к отклонению от ожиданий. Эмоциональная реакция М. В. Панова на установление порядка отражается в следу-

ющих фрагментах: «Это чередование *не знает исключений*» [7: 36]; «*Все* многочисленные значения творительного падежа (и других падежей) обусловлены *позиционно*» [7: 37] – выбор лексических и фразеологических единиц, а также парантеза демонстрируют уверенность.

Закону симметрии язык не стремится следовать – достаточно вспомнить про асимметрию языкового знака, и тем притягательнее для лингвиста обнаружение симметрии в его структуре. Так, М. В. Панов обнаруживает помимо фонемного принципа еще и нофемный и отражает симметрию в остроумно построенном термине *нофема* [7: 387].

Наконец, важную роль в познавательном процессе играет **метафора**. У рассматриваемых авторов метафоры построены еще и по принципу максимального смещения:

«...был *выкован* метод» [9: 27]; «Мир Маяковского – *раздельно-монтажный*; эпохи *слома*ны и *сдвинуты* *впритык*; *энергия*, которую излучают эти *сломы-сдвиги*, колоссальна. Потому-то Маяковскому и стали близки темы *борьбы миров...*» [8: 527].

Выбор вспомогательного компонента Е. Д. Поливановым демонстрирует энергичную вовлеченность, поскольку в ход идет революционная метафорика. У М. В. Панова концептуальная метафора служит не только осмыслению явления, но и драматизации и отражает возбуждение.

Можно заключить, что законы нейроэстетики имеют объяснительную силу в отношении того, почему известные мыслительные процессы, лежащие в основе научного познания, такие как систематизация, построение оппозиций, вычленение деталей на основании отдельного признака, выявление закономерностей, вызывают у познающего субъекта положительные эмоции и побуждают к дальнейшему научному поиску. Стало понятно, что разнообразие возникающих эмоций – а в нашем материале отражены удивление, возбуждение, интерес, удовлетворение, радость, уверенность – объясняется различиями в ситуативном контексте реализации законов нейроэстетики.

Нельзя не заметить, что талантливый педагог и популяризатор науки М. В. Панов выражает эмоции открыто и даже несколько утрированно, стараясь увлечь ими адресата, тогда как Е. Д. Поливанов более сдержан в выражении эмоций, когда речь не идет о борьбе с оппонентами. На основании изложенных фактов и сделанных нами прежде наблюдений мы приходим к выводу, что характер и сила когнитивной эмоции определяются в том числе и когнитивным стилем ученого.

Вместе с тем когнитивная эмоция, переживаемая *post factum* при изложении новых результатов научного поиска, соединена с интеллектуальной экспрессией, о которой необходимо сказать несколько слов.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭКСПРЕССИЯ

Для упрочения уверенности в объективности результатов научного поиска ученому необходимо «проговорить» с собой и с другими коллегами те соображения, которые привели его к новым решениям (вспомним тезис А. А. Потебни о том, что «взаимная связь речи и понимания усиливает противоположность объективности и субъективности» [13: 30]). В процессе такого проговаривания, или, как его называет Н. В. Данилевская, «дискурсивного формирования интеллектуального продукта» [4: 30], когнитивные эмоции переживаются повторно или пополняются новыми: например, по закону группировки аффект возникнет в ответ на создание стройной композиции научной статьи или удачного выбора ее названия. Для большей убедительности ученый использует языковые средства воздействия. Это называют интеллектуальной экспрессией. Приведем красноречивую цитату:

«Поскольку язык моей статьи был *острее, чем могла бы оправдать потребность аргументации*, спешу заверить, что одной из моих целей было убедить вас в том, что аффект нельзя интерпретировать как неизменную точку в процессе познания» (перевод наш. – М. Щ.) [19: 172].

Так американский психолог Р. Зайонц вербализует в заключении статьи аффект *возбуждение*, который он переживает во время апробации своего интеллектуального продукта. Используя интеллектуальную экспрессию, ученый не только вызывает ответную эмоцию у адресата, но и усиливает собственную аффектацию. Особенно заметно, как это происходит при анализе градаций, зачастую пронизывающих текст Е. Д. Поливанова:

«...для чего требуется изучение языковой современной действительности, *самодовлеющий интерес* к ней и – скажу более – *любовь* к ней...» [10: 329], «...мы не только *можем*, но раз с *уверенностью можем*, то и *должны считаться*» [10: 330].

Н. В. Данилевская связывает интеллектуальную экспрессию со следующими познавательно-оценочными действиями:

– выражение предмета мысли в стилистически яркой, необычной форме, создающей у адресата эффект неожиданности,

– передача своего отношения к предмету мысли в образной форме, привлекающей внимание читателя,

– выделение конкретного высказывания из окружающего контекста, заострение на нем внимания читателя [5: 189].

Стилистически яркой формой, а значит, и маркером интеллектуальной экспрессии является концептуальная метафора, если она вступает в конфликт с общей строгостью научной речи [5: 188]. Примеры таких метафор были приведены выше. Не менее ярким проявлением интеллектуальной экспрессии служат концептуальные метонимии, например, со значением эталона:

«...повтор – в основе поэтического текста. Если так, то, наверное, *забор* есть наиболее совершенное произведение искусства, потому что повтор в заборе осуществлен с наибольшей полнотой» [8: 15].

Другим маркером являются разговорные или имеющие оттенок разговорности языковые единицы. Они позволяют придать конкретным фрагментам научного продукта большую интимность и обеспечить более тесную связь с адресатом [5: 188], например: «Отношение к марризму у всякого *мало-мальски* сведущего лингвиста...» [9: 6].

Интеллектуальную экспрессию формируют также графические выделения [5: 188]. Например:

«Есть ли в других областях языка позиционные чередования единиц? С условием: в данной позиции одна языковая данность заменяется другой – во всех единицах данного типа *б е з и с к л ю ч е н и й*? Есть в словоизменении» [7: 36].

Приведенная цитата демонстрирует еще один маркер интеллектуальной экспрессии – вопросо-ответные комплексы [4: 34]. Они часто используются и Е. Д. Поливановым, и М. В. Пановым.

К проявлениям интеллектуальной экспрессии разной интенсивности можно закономерно отнести восклицательные и вопросительные предложения [15: 345–346], например: «*Как это так*, в японском нет следов префиксов?!» [11: 544]; «*Напрасно!* Фантомы эти объединяются... в особую фонемную единицу!» [7: 411]. К сожалению, формат статьи не позволяет нам привести полный перечень маркеров интеллектуальной экспрессии, который весьма обширен. Наш материал показывает, что оба рассматриваемых ученых прибегали к интеллектуальной экспрессии гораздо смелее, чем допускает современное академическое письмо. Сила и тональность экспрессии зависели в том числе от адреса-

та – единомышленника или оппонента. В первом случае помимо возбуждения и стремления заразить эмоцией (*запомним, согласитесь*) в ход шла шутка, во втором – сарказм. Разнообразие использовавшихся при этом риторических фигур, тропов, эмоционально окрашенных слов и выражений, авторских новообразований позволяет сделать вывод, что апробация результатов научного творчества сама была творчеством и вызывала у авторов сильные эмоции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение когнитивных стилей ученых по данным их языка привело нас к выводу, что аффективная составляющая связана не только с метапознавательным уровнем (интеллектуальная экспрессия), но и с мыслительным (когнитивная

эмоция). При этом нельзя отделять способность к теоретическим построениям (рациональный стиль, по Д. Уорделлу и Дж. Ройсу [18]) от эмоциональности (эмпирический и метафорический стили). Вместе с тем индивидуальные различия в эмоциональной реакции на достижение результата познавательной деятельности существуют. Они проявляются в большей или меньшей подверженности социальному сдерживанию аффекта. Если говорить о сходствах в когнитивных стилях двух больших ученых – Е. Д. Поливанова и М. В. Панова, то они выражаются в разнообразии эмоций, окрашивающих научное познание. На этом основании мы считаем возможным добавить к когнитивным стилям такую бинарную оппозицию, как эмоциональная реактивность / устойчивость по отношению к новому знанию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андронов А. В., Филатова Д. Д. О некоторых рукописях Е. Д. Поливанова в Праге // Поливановские чтения. 2020. № 14. С. 7–12.
2. Богоявленская Д. Б. О природе инсайта // Творчество: наука, искусство, жизнь: Материалы Всерос. науч. конф., посвященной 95-летию со дня рождения Я. А. Пономарева, ИП РАН, 24–25 сентября 2015 г. М.: Ин-т психологии РАН, 2015. С. 53–56.
3. Гельмгольц Г. Как приходят новые идеи // Психология мышления: Хрестоматия. М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 627–628.
4. Данилевская Н. В. К вопросу об экспрессии в научном тексте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 6 (12). С. 30–36.
5. Данилевская Н. В. Выразительность как средство концептуализации нового знания в научном тексте // Русская речевая культура и текст. Томск: Томский центр научно-технической информации, 2018. С. 184–190.
6. Еливанова М. А., Семушина В. А. Действие законов нейроэстетики В. С. Рамачандрана в художественном творчестве на двух примерах прозы // Уральский филологический вестник. Сер. Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2021. № 2 (30). С. 25–34.
7. Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. 568 с.
8. Панов М. В. Язык русской поэзии XVIII–XX веков: Курс лекций. М.: ИД ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. 584 с.
9. Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание: Сборник популярных лингвистических статей. М.: Федерация, 1931. 181 с.
10. Поливанов Е. Д. Историческое языкознание и языковая политика // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965. С. 320–337.
11. Поливанов Е. Д. Избранные труды по восточному и общему языкознанию. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 623 с.
12. Поливанов Е. Д. Рифмология Маяковского // Вопросы психолингвистики. 2008. № 8. С. 147–160.
13. Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
14. Рамачандран В. Мозг рассказывает: Что делает нас людьми. М.: Карьера Пресс, 2017. 422 с.
15. Рудаева Ю. П. Средства выражения экспрессивности научного дискурса // Язык. Текст. Дискурс. 2009. № 7. С. 342–347.
16. Рябцева Н. К. «Когнитивные эмоции», полимодальность научного дискурса и прагмаэстетические эффекты // Когнитивные исследования языка. 2019. № 38. С. 155–162.
17. Linnenbrink E., Pintrich P. Role of affect in cognitive processing in academic contexts // Motivation, emotion, and cognition: integrative perspectives on intellectual development and functioning. London: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Publishers, 2004. P. 57–88.
18. Wardell D. M., Royce J. R. Toward a multi-factor theory of styles and their relationship to cognition and effect // Journal of Personality. 1978. Vol. 46, issue 3. P. 474–505.
19. Zajonc R. B. Feeling and thinking: Preferences need no inferences // American Psychologist. 1980. Vol. 35, No 2. P. 151–175.

Maksim D. Schepalin, Postgraduate Student, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)
Maksim.Dmitrievich.Sch@yandex.ru

**EMOTION AS A COMPONENT OF SCIENTIFIC COGNITION
(a case study of texts produced by E. D. Polivanov and M. V. Panov)**

Abstract. The relevance of the study is conditioned by the growing interest of domestic and foreign scientists in the features of cognitive processes, including their affective component. Language data are recognized in some cases as the only key to this kind of knowledge. This study draws on the research papers and letters of two linguists, an orientalist E. D. Polivanov and a Russianist M. V. Panov. The purpose of the study was to identify motives for emotional reactions indicating the achievement of the result of scientific knowledge, to distinguish between the universal and the individual in such reactions, and to describe the language markers of the affective component of scientific research. The intended goal was achieved using the methods of content analysis, comparative analysis, and stylistic analysis, taking into account the latest data from neuroaesthetics and cognitive psychology. Conclusions were made about the need to add the “emotional reactivity/resistance to new knowledge” opposition to cognitive styles, and also about the fact that in expressing their cognitive emotions scientists are subject to social restraint to varying degrees, that the choice of tone and means of intellectual expression is influenced by the addressee factor, and that major scientists experience vivid and diverse emotions when achieving the result of scientific research. In addition, linguistic means of expressing cognitive emotion are described in interaction with means of intellectual expression.

Keywords: cognition, scientific cognition, cognitive emotion, intellectual expression, neuroaesthetics, linguistic markers of the affective component of scientific research

For citation: Schepalin, M. D. Emotion as a component of scientific cognition (a case study of texts produced by E. D. Polivanov and M. V. Panov). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(1):47–52. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1127

REFERENCES

1. Andronov, A. V., Filatova, D. D. On some of Evgenij Polivanov's manuscripts in Prague. *Polivanov Readings*. 2020;14:7–12. (In Russ.)
2. Bogoyavlenskaya, D. B. The nature of insight. *Creativity: science, art, life: Proceedings of all-Russian scientific conference commemorating the 95th anniversary of Y. A. Ponomarev's birth*. Moscow, 2015. P. 53–56. (In Russ.)
3. Helmholtz, H. How new ideas come. *The psychology of thinking: Anthology*. Moscow, 2008. P. 627–628. (In Russ.)
4. Danilevskaya, N. V. On the problem of expression in scientific text. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2010;6(12):30–36. (In Russ.)
5. Danilevskaya, N. V. Expressiveness as a means of conceptualizing new knowledge in a scientific text. *Russian speech culture and text*. Tomsk, 2018. P. 184–190. (In Russ.)
6. Elivanova, M. A., Semushina, V. A. V. S. Ramachandran's neuroaesthetics law effect in artistic creativity on two prose examples. *Ural Journal of Philology. Series "Language. System. Personality: Linguistics of Creativity"*. 2021;2(30):25–34. (In Russ.)
7. Panov, M. V. Works on general linguistics and Russian language. Vol. 1. Moscow, 2004. 568 p. (In Russ.)
8. Panov, M. V. Language of Russian poetry of XVIII–XX centuries: Course of lectures. Moscow, 2017. 584 p. (In Russ.)
9. Polivanov, E. D. For Marxist linguistics: Collection of popular linguistic articles. Moscow, 1931. 181 p. (In Russ.)
10. Polivanov, E. D. Historical linguistics and language policy. *Zvegintsev, V. A. History of linguistics of the XIX and the XX centuries in essays and extracts*. Part 2. Moscow, 1965. P. 320–337. (In Russ.)
11. Polivanov, E. D. Selected works on oriental and general linguistics. Moscow, 1991. 623 p. (In Russ.)
12. Polivanov, E. D. Mayakovsky's rhyme scheme. *Journal of Psycholinguistics*. 2008;8:147–160. (In Russ.)
13. Potebnya, A. A. Complete works: thought and language. Moscow, 1999. 300 p. (In Russ.)
14. Ramachandran, V. The tell-tale Brain: A neuroscientist's quest for what makes us human. Moscow, 2017. 422 p. (In Russ.)
15. Rudaeva, Yu. P. Means of expressiveness in scientific discourse. *Language. Text. Discourse*. 2009;7:342–347. (In Russ.)
16. Ryabtseva, N. K. “Cognitive emotions”, polymodality of scientific discourse and pragma-aesthetic effects. *Cognitive Studies of Language*. 2019;38:155–162. (In Russ.)
17. Linnenbrink, E., Pintrich, P. Role of affect in cognitive processing in academic contexts. *Motivation, emotion, and cognition: integrative perspectives on intellectual development and functioning*. London, 2004. P. 57–88.
18. Wardell, D. M., Royce, J. R. Toward a multi-factor theory of styles and their relationship to cognition and effect. *Journal of Personality*. 1978;46(3):474–505.
19. Zajonc, R. B. Feeling and thinking: Preferences need no inferences. *American Psychologist*. 1980;35(2):151–175.

Received: 7 August 2024; accepted: 2 December 2024

НАТАЛИЯ ИВАНОВНА ДАНИЛИНА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры
русского и латинского языков
Саратовский государственный медицинский университет
имени В. И. Разумовского
(Саратов, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-8804-2157; danilina_ni@mail.ru

РИТОРИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНОЙ РЕЧИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Аннотация. Цель статьи – проанализировать, в какой мере и для решения каких задач теоретические положения, изложенные в риториках М. В. Ломоносова, реализуются в его естественно-научном дискурсе. Материал – сочинения, написанные в жанре «слово». Актуальность исследования обеспечивается текстоориентированным характером современного изучения научного дискурса, а новизна – отсутствием исследований творчества Ломоносова с данных позиций. Показано, что выбор автором жанра обусловлен экстралингвистически – речь на торжественном публичном заседании Академии наук. Риторическая организация сочинений выражена как на уровне композиции (наличие вступлений и заключений панегирического типа), так и в использовании лексических и синтаксических риторических элементов на протяжении всего текста. Основные группы риторических приемов – «украшения», «распространения», «вопрошание». Функции – собственно риторическая и контактоподдерживающая. Делается вывод, что риторическая форма подачи информации, требуемая ситуацией торжественного публичного выступления, не вступала в противоречие с серьезным содержанием и не была чужда научному дискурсу XVIII века.

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, научный дискурс, риторика, жанр «слово», академическая речь

Для цитирования: Данилина Н. И. Риторическая организация научной речи М. В. Ломоносова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 1. С. 53–58. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1128

ВВЕДЕНИЕ

Научная речь в ее текстовом проявлении является для лингвистики сравнительно новым объектом изучения, поэтому неудивительно, что внимание исследователей направлено в первую очередь на современные тексты. Однако, по нашему мнению, картина не может быть полной без изучения более ранних этапов, в частности процесса выделения собственно научных текстов из общего массива литературы и формирования жанровых границ в их современном понимании. Для русского научного языка в этом аспекте значимым представляется творчество М. В. Ломоносова, оставившего как научное, так и литературное наследие.

Содержательная сторона научного творчества М. В. Ломоносова достаточно полно исследована специалистами разных областей науки. Изучение его идиолекта начато еще в XIX веке¹ и уже много лет ведется как коллективом ИЛИ РАН, так и отдельными исследователями. Вместе с тем оно имеет преимущественно лексикографическую ориентацию, так или иначе фиксируя особенности лексикона и терминопотребления

ученого [3], [7], [9], [10], [11]. Отдельно упомянем «Риторику М. В. Ломоносова» [8], которая, являясь словарем по форме, содержит в приложении ряд статей, анализирующих творческую манеру Ломоносова-ученого. Работ, посвященных анализу других особенностей ломоносовского научного дискурса, совсем немного: [1], [6], [12]. Из научного наследия Ломоносова наиболее исследованы его филологические труды, в частности обе риторики. При этом еще в конце XX века было обращено внимание на то, что «изучение риторической практики Ломоносова – далеко не самое сильное место в ломоносоведении» [4: 88]. К сожалению, данная проблема, будучи поставлена и отчасти (в аспекте общего смысла термина *риторика* и на уровне композиции) рассмотрена историком, до сих пор не получила филологического решения, что и обуславливает актуальность предпринимаемого исследования. Действительно ли «Слова» Ломоносова, на которые ссылается Г. Гусейнов, – это искусственно навязываемый руководством Академии жанр, «смесь “панегирика” и “диссертации”» [4: 96]? Цель нашей статьи – проанализировать, в ка-

кой мере и для решения каких задач теоретические положения, изложенные в риториках Ломоносова, реализуются в его естественно-научном дискурсе. Материалом исследования выступают естественно-научные сочинения, названные автором «Слово».

ЖАНР «СЛОВО» В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ М. В. ЛОМОНОСОВА

Термин *слово* обозначает в риторической теории М. В. Ломоносова любой риторически организованный текст (1), не исключая и текстов на научные темы (2)². В «Кратком руководстве к риторике» Ломоносов отдельный параграф (§ 128) посвящает академическим речам, декларируя возможность риторического представления научной информации (3)³.

(1) «Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению. Предложенная по сему искусству материя называется речь или слово» (§ 1).

(2) «...ежели кто... чем искуснее в науках, у того больше есть изобилие материи к красноречию» (§ 7).

(3) «...избрать из оной науки... некоторую трудную главу, которая еще недовольно протолкована, и, предложив в своей речи, протолковать» (с. 73).

Среди работ по физике и химии «Слов» (Oratio) всего четыре: «Слово о пользе химии»⁴ (1751), «Oratio de meteoris vi electrica ortis (Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих)»⁵ (1753), «Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее»⁶ (1756), «Слово о рождении металлов от трясения земли (Oratio de generatione metallorum a terrae motu)»⁷ (1757). Перечисленные сочинения были предназначены для выступления на ежегодных публичных собраниях Академии наук, чем и определялся выбор жанра. «Слово о пользе химии» – сочинение, скорее, научно-популярное, оно предназначено для широкой публики и не содержит того, что принято называть научной новизной; неслучайно оно было написано только на русском языке. Остальные «Слова» обладали несомненной научной ценностью для своего времени. Например, работа Ломоносова над теорией цвета началась задолго до написания «Слова о происхождении света...», и тема эта всплывает во многих его произведениях⁸. Атмосферное электричество было в тот период одним из актуальнейших направлений мировой науки, разрабатываемым многими учеными⁹. Взгляды же Ломоносова в области металлургии учеными XX века оцениваются неоднозначно¹⁰; впрочем, на момент написания «Слова» металлургия, по видимому, не составляла предмета пристального научного интереса Ломоносова¹¹. В ходе дальней-

шего изложения мы будем иллюстрировать наши наблюдения цитатами из «Слова о явлениях воздушных...», хотя все отмеченные особенности характерны и для других «Слов».

РИТОРИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «СЛОВА О ЯВЛЕНИЯХ ВОЗДУШНЫХ...»

Скажем немного об истории создания «Слова о явлениях воздушных...». Уже на этапе его написания автор ставит перед собой цель как можно скорее обнародовать свою теорию, дабы не быть опереженным зарубежными коллегами. Именно поэтому он не соглашается ограничиться журнальной публикацией (которая потребовала бы долгого ожидания) и настаивает на изложении ее в виде речи. О принципиальной важности для Ломоносова именно научной стороны данного сочинения свидетельствует и тот факт, что написано оно было по-латински, и лишь незадолго до заседания принято решение о чтении речи на русском языке¹². Таким образом, при создании данного произведения для автора равно важны обе составляющие: научная и риторическая.

Композиция «Слова о явлениях воздушных...» полностью характерна для торжественной речи. Вступление и заключение содержат похвалы персонам, связанным с ситуацией: Петру I, как основателю Академии, и Елизавете, ко дню восшествия которой на престол приурочено заседание. Вступление, посвященное Петру I, строится по правилам хрии (§ 258), которая обрамлена обращением к слушателям и подана как пример, долженствующий возбудить чувство радости от научных изысканий, вызванное приятностью воспоминания о бедах, трудах и попечениях, сопутствовавших достигнутому благу (§ 103). Отметим, что в композиции других «Слов» панегирические фрагменты не столь значимы и выступают в заключении. Например, в «Слове о происхождении металлов...» Елизавета лишь упомянута, а заключение содержит похвалу России.

Кроме того, в соответствии с риторической установкой, и во вводной, и в научной части автор пользуется примерами из античной истории и литературы. Так, упоминая о гибели Рихмана, Ломоносов проводит сопоставление с Плинием (с. 23); говоря о неизбежности открытия тайн природы если не сейчас, то в будущем, цитирует Сенеку (с. 33); объясняя электричеством появление искр над заостренными металлическими предметами, приводит в пример копыя и шлемы римских солдат (с. 57); перечисляя природные явления, объясняемые «притяжением электрической силы», ссылается на описания Плиния (с. 62).

Наличие тропов и фигур в панегирических частях «Слов» ожидаемо и уместно. Излюбленными приемами Ломоносова здесь являются повтор, синтаксический параллелизм (4, 5) и ряды однородных членов (как слов, так и словосочетаний). Последние во множестве находим и в научной части, например (15, 18, 20). Пространные периоды, организованные этими способами, подпадают под ломоносовское определение «напряжения или стечения» (§ 232). Имеются яркие примеры олицетворения (5, 6). Не менее значимы риторические вопросы (7) и восклицания (8), которые также проходят через все произведение, см. далее (21–25).

(4) «Ибо монарх, к великим делам рожденный, когда **новое** войско против неприятеля поставить, **новым** флотом занять море, **новым** величеством законов умножить правосудия святость, **новыми** стенами укрепить города, **новыми** грамотами и вольностями поощрить купечества и художеств прилежание и, **словом**, всех подданных нравы исправить и целое отечество якобы снова родить намерился, – тогда усмотрел ясно, что **ни** полков, **ни** городов надежно укрепить, **ни** кораблей построить и безопасно пустить в море, **не употребляя математики, ни** оружия, **ни** огнедышащих махин, **ни** лекарств поврежденным в сражении воинам **без физики** приготовить, **ни** законов, **ни** судов правости, **ни** честности нравов **без учения философии и красноречия** ввести, и, **словом**, **ни** во время войны государству надлежащего защищения, **ни** во время мира украшения **без вспоможения наук** приобрести невозможно» (с. 19).

(5) «Всего сего хотя немало очевидных свидетелей, здесь присутствующих, видим, но сверх оных то же **свидетельствуют** многие **машины**, неумолимою рукой августейшего художника устроенные. **Свидетельствуют** великие **корабли**, твердые **крепости** и **пристани**... **Свидетельствуют** военные и гражданские **училища**... **Свидетель** есть сия наук **Академия**...» (с. 21).

(6) «В таком состоянии утомленна и почти умерщвлена была сия лучшая часть натуральной науки» (с. 25).

(7) «В оных путешествиях было ли какое ученых людей общество, которое бы он миновал и не почтил своим присутствием? Никак!» (с. 21).

(8) «Коль великие употребил иждивения на приобретение вещей... которые к распространению наук в отечестве удобны быть казались!» (с. 21)

Обратимся к риторическим приемам, которые обнаруживаются в собственно научной части сочинений. Анализ показывает, что они используются в двух функциях: собственно риторической и метатекстовой. Первая объединяет весьма различные средства создания эмоциональности и «украшения», распределенные по всему тексту. Вторая также имеет многообразные проявления, в частности включает средства адресации и поддержания контакта со слушателями.

О важности эмоционального фона публичной речи Ломоносов пишет: «Самые лучшие

доказательства иногда столько силы не имеют, чтобы упрямого преклонить на свою сторону» (§ 94), причем особо подчеркивает, что и сам оратор искренно должен испытывать эмоции, которые желает возбудить в слушателях (§ 97).

Ведущими «страстями», красной нитью проходящими через все «Слово» и служащими в том числе когерентности текста, выступают «любопытство» (9) и «удивление». Хотя эти «страсти» и не называются в риториках, они согласуются с требованием учитывать аудиторию (§ 98), в данном случае – людей ученых, способных получать интеллектуальное удовольствие. Невозможно не заметить повышенной встречаемости лексического гнезда «дивиться» и его синонимов (10, 11), нехарактерной для других научных сочинений Ломоносова. Еще одной утоляемой в «Слове» страстью выступает страх, навеянный недавней гибелью Рихмана и преодолеваемый акцентированием пользы, которую несут научные эксперименты; в этом же русле упоминаются и наблюдения, проведенные французскими учеными в Перу.

(9) «Истолковав сии явления, уповаю, что я по возможности удовольствовал громовую теорию любопытство ваше; того ради к той части обращаюсь, в которой покушаюсь искать удобных способов к избавлению от смертоносных громовых ударов» (с. 69).

(10) «...электрической силе чудимся, которая, когда молнии сродственна быть открылась, всех удивление превысила» (с. 33).

(11) «Часто я тому дивился... <...> ... еще больше чудился и больше возымел охоты изыскивать причину толь крутой перемены. Чуднее всего быть казалось особливо, что...» (с. 35).

В целях повышения эмоциональности и соблюдения высокого стиля Ломоносов не пренебрегает «живо представленными описаниями» (§ 100) (12) и «украшениями», в частности сравнением (12, 13) и олицетворением (14, 15), особенно же активно использует «распространения» (как эпитеты (16), так и причастные обороты (17)), и «пополнения периодов» (18) (§ 48–55). Изредка встречаются и другие приемы, например «прохождение» (§ 228) (19), антитеза (20).

(12) «Сверх того, проливные дожди, которые внезапным воды падением, **наподобие разлившейся реки**, превеликие камни переворачивают, дома опровергают и во мгновение ока плодоносные поля опустошают, случаются во время грома и молнии» (с. 55).

(13) «Наконец, в крупный дождь рассыпается и со страшным гремянием, **как многих карет, которые по вымощенной камнем улице вдруг едут**, в море проливается» (с. 63).

(14) «...**дождь** конической фигуры падением **представляет** и мелкими каплями ясно **объявляет**, что возбужденная чрез искусство электрическая сила и малей-

шие тел частицы от взаимного союза гонит и силу их вязкости слабит» (с. 67).

(15) «Но как **натура** в произвождении многообразных дел **тщива и расточительна**, а в причинах **скупа и бережлива**...» (с. 27).

(16) «...**великие** облака, на мелкие частицы в тесном положении разделенные, **ужасную** оную на себя принимают силу, **жестокие** показывают действия и **невероятными** произведениями ум возмущают...» (с. 51).

(17) «Что больше теплота здесь, нежели вверху... сие есть рассуждением исследованная, искусством изведенная и соглашением воздушных явлений утвержденная правда» (с. 37).

(18) «Сего рода частиц о великом множестве в воздухе сугубым доводом удостоверяемся. Во-первых, нечувствительное исхождение из тела паров, квашение и согниение растущих и животных по всей земли: сожжение материи **для защищения** тела нашего от стужи, **для приуготовления** пищи, **для произведения** различного множества вещей чрез искусство в жизни потребных; сверх того, **домов, сел, городов** и великих **лесов** пожары; наконец, огнедышащих гор беспреостанное курение и частое отрыгание ярого пламени коль ужасное количество жирной горючей материи по воздуху рассыпают, то удобно выразуметь можно» (с. 47).

(19) «**Миновать бы мне надлежало** солнечники, которые древних стихотворцев баснями больше славны, нежели утверждены верною историей писателей... **однако**...» (с. 27).

(20) «**Не лугов, не садов** приятностию там удерживаяся, кротостию неба долго **наслаждались**, но высоких гор каменистые верхи превышая, для измерения шара земного, много **стужи претерпели и поту пролили**» (с. 39).

Риторическая установка накладывает отпечаток и на дискурсивный аппарат текста. Конструкции логической оценки, характерные для научного стиля, приобретают у Ломоносова категоричный характер за счет выбора лексики для риторических «распространений»: **сильное доказательство, довольно явствует, по всякой справедливости, нет никакого сомнения, из неложных опытов известно** и т. п. То же иногда отмечается и для дискурсивов иных типов, например для обозначения причинно-следственных отношений: **отселе не без основания чаять можно, откуда по справедливости следует**. Заметим, что подобные экспрессивные средства исследователи считают характерными и для современной научной речи, причем даже письменной [5: 33].

В тексте присутствуют многочисленные синтаксические маркеры диалогичности, совмещающие риторическую функцию с контактоподдерживающей. Это обращения и вопросы разного типа (§ 213, 215, 216): риторические (21, 22), сопровождаемые ответами автора (23), задаваемые от лица воображаемого оппонента (24), вербализующие и устраняющие возмож-

ные сомнения (25); последние Ломоносов именует «заятием» (§ 231). Эти риторические средства также не чужды современному научному дискурсу [2].

(21) «Итак, на той ли знатной высоте, которая на 100 или 200 сажен простирается, воздух, нижнего тягостию много превосходящий, противу естественных законов удержаться может?» (с. 43).

(22) «Чем больше доказано быть может погружение верхния атмосферы в нижнюю, как сею переменою?» (с. 55).

(23) «Но сие случается летом, что же должно быть зимою? Свидетельствуют места сибирские...» (с. 41).

(24) «Здесь, уповаю, спросят, каким образом такое притягание без обыкновенного грома и молнии случается?» (с. 63).

(25) «Итак, что делать? Разве приписать молнии прескорую силу разжигать и простужать металлы в одно и то же самое мгновение ока? Но... естественные законы... нам прекословят! Того ради не положить ли, что металлы тогда без настоящего огня холодные расплываются? Но всякой справедливости!» (с. 65).

В аргументации излагаемой теории, помимо сообщения о специально проделанных экспериментах, часто используется апелляция к легко наблюдаемым явлениям и общепринятым тезисам. Идея очевидности, известности адресату в таких случаях всегда акцентирована, лексически выражена (26–29), что также способствует установлению и поддержанию контакта со слушателями. Это своего рода «похвала» слушателям, подчеркивание своего с ними «подобия», должствующее вызвать приязнь, «ибо подобные подобных и любят» (§ 109). Здесь же упомянем и прием апелляции к авторитету (30).

(26) «...**известно всем**, что в заостроватые верхи башен всего чаще молния ударяет...» (с. 77).

(27) «Что трение паров на воздухе приключиться и произвести электрическую силу может, о том **нет ни единого сомнения**» (с. 31).

(28) «Оттепелей причина из происхождения и натуры ветров, которые мягким воздухом дышат, **довольно явствует**» (с. 35).

(29) «**Со здоровым рассуждением согласно есть**, что жидкость морской воды... сохраняется для великого пространства моря...» (с. 37).

(30) «В первом месте почитаются кометы, которых... за главные тела всего света почитать больше уже **не сомневаются благорассудные философы**» (с. 91).

ВЫВОДЫ

Проанализировав научные произведения Ломоносова, написанные в жанре «слово», мы приходим к выводу, что их риторическая организация выражена не только в наличии панегирических элементов композиции, но и в использовании риторических приемов на протяжении всего текста. Наиболее активно М. В. Ломоносов

задействует синтаксические ресурсы: повторы, в том числе анафорические, ряды однородных членов, структурный параллелизм синтаксических конструкций, составляющих период, восклицания и вопросы разных типов. Из тропов встречается преимущественно олицетворение. Характерными чертами ломоносовского идиостиля выступают риторические распространения, придающие его речи категоричную тональность. Риторические средства служат в рамках тек-

ста двум основным целям: созданию эмоционального напряжения и поддержанию контакта со слушателями, что особенно важно в ситуации устной публичной речи. В целом, основываясь на текстах произведений М. В. Ломоносова, можно заключить, что риторическая форма подачи информации, требуемая ситуацией торжественного публичного выступления, не вступала в противоречие с серьезным содержанием и не была чужда научному дискурсу XVIII века.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Будилович А. Ломоносов как писатель. СПб.: Типогр. Имп. АН, 1871. 350 с.
- ² Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 89–378. Далее, ссылаясь на это сочинение, будем указывать только параграфы.
- ³ Ломоносов М. В. Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 19–80.
- ⁴ Ломоносов М. В. Слово о пользе химии // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 345–370.
- ⁵ Ломоносов М. В. Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 15–100. Далее, цитируя это сочинение, будем указывать только страницы по данному изданию.
- ⁶ Ломоносов М. В. Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 315–344.
- ⁷ Ломоносов М. В. Слово о рождении металлов от трясения земли // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 5. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 295–348.
- ⁸ Меншуткин Б. Н. Труды М. В. Ломоносова по физике и химии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 209.
- ⁹ Там же. С. 159–190.
- ¹⁰ Там же. С. 478–479.
- ¹¹ Там же. С. 449, 453, 479.
- ¹² Там же. С. 170–172.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арискина О. Л., Дрянгина Е. А. Роль языковой личности грамматистов XVI–XVIII вв. в развитии русской лингвистической науки. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2013. 84 с.
2. Викторова Е. Ю. О некоторых проявлениях диалогичности в русском научном дискурсе // Филология в XXI веке. 2019. № S1. С. 57–62.
3. Волков С. С. Трехязычный «Словарь языка М. В. Ломоносова» // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2012. № 3 (68). С. 98–106.
4. Гусейнов Г. Некоторые особенности риторической практики М. В. Ломоносова // Scando-Slavica. 1994. Т. 40. С. 88–112.
5. Данилевская Н. В. К вопросу об экспрессии в научном тексте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 6 (12). С. 30–36.
6. Данилина Н. И. Прагматический компонент в научной речи XVIII века (на материале текстов М. В. Ломоносова) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 7. С. 8–12. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.951
7. Патроева Н. В. Язык М. В. Ломоносова в зеркале писательских словарей // Вопросы лексикографии. 2022. № 23. С. 69–86. DOI: 10.1723/22274200/23/4
8. Риторика М. В. Ломоносова / П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, А. А. Ветушко-Калевич и др.; Науч. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб.: Нестор-История, 2017. 632 с.
9. Смирнова А. С. Полисемия русской и латинской лексики и ее представление в «Словаре языка М. В. Ломоносова» // Современные проблемы авторской лексикографии: Сб. науч. статей / Отв. ред. Л. Л. Шестакова. М.: Аквилон, 2018. С. 74–81.
10. Филиппов К. А., Волков С. С. М. В. Ломоносов и европейский научный дискурс XVIII века: Г. В. Лейбниц, Х. Вольф, И. К. Готтшед: Научный доклад. СПб.: СПбГУ. РИО. Филол. факультет, 2014. 60 с.
11. Филиппов К. А., Григорьева Л. Н. Немецкий язык в идиолекте М. В. Ломоносова // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 10. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 257–273.
12. Шабига И. Ю. Переводческие приемы М. В. Ломоносова при работе с научным латинским текстом // Вестник МГУ. Сер. 22. Теория перевода. 2011. № 4. С. 43–61.

Поступила в редакцию 07.08.2024; принята к публикации 02.12.2024

Natalia I. Danilina, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky (Saratov, Russian Federation)
 ORCID 0000-0001-8804-2157; danilina_ni@mail.ru

RHETORICAL STRUCTURE OF MIKHAIL LOMONOSOV'S SCIENTIFIC LANGUAGE

Abstract. The article aims to analyze to what extent and for what purposes the theoretical propositions outlined in Mikhail Lomonosov's rhetorical works are applied in his natural science discourse. The material examined consists of essays written in the genre of "discourse". The relevance of this research lies in the text-oriented approach of contemporary studies of scientific discourse, while its novelty stems from the lack of prior research on Lomonosov's work from this perspective. It is shown that Lomonosov's choice of a specific genre was influenced by extralinguistic factors, since he was to deliver a speech at a formal public meeting of the Academy of Sciences. The rhetorical structure of these works is evident in both the composition (including a panegyric-style introduction and conclusion) and the use of lexical and syntactic rhetorical elements throughout the text. The main categories of rhetorical techniques identified include "decorations", "extension", and "questioning", with their functions being both merely rhetorical and supportive of contact with the audience. The overall conclusion drawn is that the rhetorical form used to present information in the context of a formal public speech did not conflict with the serious content of Lomonosov's work and was compatible with the scientific discourse of the XVIII century.

Key words: Mikhail Lomonosov, scientific discourse, rhetoric, "discourse" genre, academic language

For citation: Danilina, N. I. Rhetorical structure of Mikhail Lomonosov's scientific language. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(1):53–58. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1128

REFERENCES

1. Ariskina, O. L., Dryangina, E. A. The role of the linguistic personality of grammarians of the XVI–XVIII centuries in the development of Russian linguistic science. Saransk, 2013. 84 p. (In Russ.)
2. Viktorova, E. Yu. On the dialogue nature of Russian academic discourse. *Philology in the XXI Century*. 2019;S1:57–62. (In Russ.)
3. Volkov, S. S. Trilingual *Dictionary of the Language of Mikhail Lomonosov*. *Bulletin of the Russian Foundation for Humanities*. 2012;3(68):98–106. (In Russ.)
4. Guseynov, G. Some features of Mikhail Lomonosov's rhetorical practice. *Scando-Slavica*. 1994;40:88–112. (In Russ.)
5. Danilevskaya, N. V. On the problem of expression in scientific text. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2010;6(12):30–36. (In Russ.)
6. Danilina, N. I. Pragmatic component in the eighteen-century language of science (based on Mikhail Lomonosov's texts). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(7):8–12. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.951 (In Russ.)
7. Patroeva, N. V. Language of Mikhail Lomonosov in the mirror of writer's dictionaries. *Russian Journal of Lexicography*. 2022;23:69–86. DOI: 10.1723/22274200/23/4 (In Russ.)
8. Mikhail Lomonosov's rhetoric. (P. E. Bukharkin, S. S. Volkov, E. M. Matveev, Eds.). St. Petersburg, 2017. 632 p. (In Russ.)
9. Smirnova, A. S. Polysemy of Russian and Latin vocabulary and its representation in the *Dictionary of the Language of Mikhail Lomonosov. Modern problems of author's lexicography: Collection of articles*. (L. L. Shestakov, Ed.). Moscow, 2018. P. 74–81. (In Russ.)
10. Filippov, K. A., Volkov, S. S. Mikhail Lomonosov and the European scientific discourse of the XVIII century: Gottfried Leibniz, Christian Wolf, Johann Gottshed: Scientific report. St. Petersburg, 2014. 60 p. (In Russ.)
11. Filippov, K. A., Grigoryeva, L. N. The German language in the idiolect of Mikhail Lomonosov. *Russian Germanic Studies*. 2013;10:257–273. (In Russ.)
12. Shabaga, I. Yu. Scientific Latin text and translation techniques used by Mikhail Lomonosov. *Lomonosov Translation Studies Journal*. 2011;4:43–61. (In Russ.)

Received: 7 August 2024; accepted: 2 December 2024

КОНСТАНТИН ГЕННАДЬЕВИЧ КРАСУХИН

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Отдела теоретического языкознания
Институт языкознания Российской академии наук
профессор кафедры общего и сравнительно-исторического
языкознания
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0009-0008-1955-4712; krasukh@mail.ru

ЗАМЕТКИ О СЕМАНТИКЕ ОСНОВ ПРЕЗЕНСА И АОРИСТА В «РИГВЕДЕ»

А н н о т а ц и я . Рассматривается система аспектов и времен в «Ригведе», в частности основы презенса (имперфекты и презентные инъюнктивы) и аориста. Определение их значения – сложная задача: представление о завершённом-незавершённом не всегда помогает понять оппозицию аориста и имперфекта, нередко имперфект обозначает завершённые события. В статье предлагается использование понятия Г. Райхенбаха «точка референции». Аорист отличается от других времен выраженностью этой точки. В целом ведический глагол запечатлел стадию трансформации аспектуальной системы в темпоральную: имперфект обозначает события далекого мифологического прошлого (которые могут быть и завершены), аорист – недавние события или предшествование. Ведический глагол, таким образом, напоминает видовременную форму европейских языков в описании Г. Вайнриха: здесь противопоставлены времена переднего (франц. *passé simple*) и заднего плана (франц. *imparfait*). Их сопоставление помогает понять развитие категорий аспекта и времени в языках мира.

К л ю ч е в ы е с л о в а : морфология, глагол, аспект, время, Ригведа

Д л я ц и т и р о в а н и я : Красухин К. Г. Заметки о семантике основ презенса и аориста в «Ригведе» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 1. С. 59–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1129

В древнеиндийском языке существует весьма разветвленная, морфологически сложная система времен: презенс, имперфект, аорист, перфект, плюсквамперфект, футурум, кондиционалис. Известно десять классов презенса, семь – аориста. Морфология временных основ рассмотрена весьма подробно [1], [6], [12]. Однако противопоставление различных времен с точки зрения их функции остается во многом неясным. В частности, трудно охарактеризовать разницу между имперфектом и аористом, а также презентным и аористным инъюнктивом¹.

По мнению Б. Дельбрюка, имперфект обозначал мифологические события, свершившиеся давно, а аорист – события, актуальные для настоящего². Отдаленный имперфект можно видеть, к примеру, в таком контексте:

(1) *indrasya dūtīr iṣitā carāmi mahā ichāntī paṇayo nidhīn vaḥ*
atiskādo bhīyāsā tān na āvat tātha rasāyā ataram pāyamsi (RV³ X 108:2)

‘Иду я, как посланница Индры, ищущая ваши великие сокровища, о Пани⁴. Из страха, что ее перепрыгнут, помогла она (Раса) нам в этом, так перешла я потоки молока’.

В следующем контексте событие связано с настоящим временем:

(2) *nā vārtave prasavāḥ sārgaktaḥ kimyūr vipro nadyō johaviti* (RV III 33:4)

‘Не повернуть поток, стремящийся со струей! Что, желая, зовет реки жрец?’.

Ответ на этот вопрос в:

(2a) *avasyūr ahve kuśikāsyā sūnūḥ* (RV III 33:5)

‘Помощи желая, воззвал я, сын Кушики’.

В данном случае глагольная форма указывает на непосредственное предшествование действия моменту речи. Это и выражает аорист. Поэтому многие ученые описывают систему времен в ведическом санскрите с помощью определений Г. Райхенбаха [13]. Любое событие представляет три базовые точки: E – event, время самого события, S – speech, момент речи, R – reference, точка референции, по отношению к которой определяется и время события. Время этих точек обозначается как t_E , t_S , t_R . Введение понятия «точка референции» помогает прояснить особенности ряда времен. Например, плюсквамперфект в европейских языках можно представить так: $t_S \rightarrow t_R \rightarrow t_E$: событие в прошедшем времени,

раньше которого происходит обозначенное плюсквамперфектом событие, и является точкой референции. Английский Past может быть определен как $t_S \rightarrow t_R, t_E$, а Perfect – $t_S, t_R \rightarrow t_E$ [13: 10–11].

Нередко формы имперфекта и аориста, а также презентного и аористного инъюнктива встречаются в одном гимне. Для того чтобы определить разницу между ними, приходится обращаться к контексту *en masse*. Не всегда ведические гимны представляют связные, последовательные рассказы; порой они делятся на фрагменты, повествующие о разных деяниях и свойствах божества – героя гимна. Но иногда последовательное повествование в них позволяет уточнить значение глагольных времен. Заслуживает внимания следующий гимн:

(3) *kīm ād utāsi vṛtrahan māghavan manyumáttamah átrāha dānum ātirah* (RV VI 30:7)

‘Самый ли ты гневный, о великодушный убийца Вритры? Тогда ты разгромил Дану’ (имперфект)

(3a) *etād ghéd utā vīriyam indra cakartha paumsīyam striyam durhañyivam vādhr̥ duhitāram divah* (RV IV 30:8)

‘Итак, ты подвиг совершил героический (перфект), когда женщину разгневанную, дочь неба, убил (аорист инъюнктива)’.

После этого следует ряд пад с глаголами в инъюнктиве:

(3b) *divás cid ghā duhitāram mahān mahiyámānām uṣāsam indra sám piṇak* (RV IV 30:9)

‘Ушас, дочь неба, великие дела творящую, ты, Индра, поразил’

(Грассман считает, что *piṇak* – 2 л. конъюнктива; К. Хофман [7: 184] рассматривает эту форму как инъюнктив).

(3c) *āpoṣā ānasah sarat sámpīṣtād āha vipāsi ā ní yát sīm śiśnáthad víṣā* (Ibid. 10)

‘Ушас отбежала в страхе от пестрой повозки, когда ее поразил бык’

(презент инъюнктива).

(3d) *etād asyā ānah śaye súsampīṣtam vipāsi ā sasāra sīm parāvatah* (Ibid. 11)

‘Эта повозка лежит, совсем разбитая в Випаце. Та убежала вдале’.

В следующих падах также присутствуют формы инъюнктива: *pari sthāh* (аорист, 12) ‘ты остановил’, *prá mr̥kṣo* (аорист, 13) ‘ты разорвал’, *saṃpiṇak* (презент, 13) ‘ты сломал’, *vadhīh* (аорист, 18) ‘ты разбил’, *nayaḥ* (презент, 19) ‘ты вел’, Кроме того, Хофман полагает, что инъюнктивы присутствуют в стихе 13 (*vadhīh* ‘ты разбил’ вместо *avadhīh*, аорист), 16 (*bhajat* ‘одарил’ вместо *abhajat*, имперфект). Очевидные имперфекты присутствуют в стихах 14 (*avāhan* ‘сбросил’), 17 (*apārayat* ‘направил, кинул’), 20 (*vy āsyat* ‘бросил’), 21 (*āsvāpayat* ‘усыпил’).

Таким образом, очевидно завершенные действия выражены и имперфектом, и аористом,

и презентным инъюнктивом, и перфектом. По мнению К. Хофмана [7: 184], формы презенса инъюнктива эксплицируют события, обозначенные аористом инъюнктива. Это в общем справедливо. Через год после выхода книги Хофмана П. Кипарский предложил термин «редукция сочинительной связи» (*conjunction reduction* [9]): неопределенное время и наклонение присоединяется к определенному, которое указывает на временную локализацию не только своей глагольной формы, но и последующих. Таково, к примеру, происхождение настоящего исторического времени. Инъюнктив как форма, не имеющая временных показателей, приобретает то же значение, что и прошедшее время, присутствующее в контексте. Далее Хофман замечает, что глаголы в ст. 12–21 повествуют о подвигах Индры, в отличие от ст. 8–11, где живописались мифологические сцены. В первом случае, по мнению исследователя, указание на прошлое не обязательно. Но в цитированных контекстах имперфекты с аугментом вполне равнозначны инъюнктивам презенса: трудно найти различие во времени у форм *nayaḥ* и *āsvāpayat*. Речь скорее должна идти об исчезновении специального значения инъюнктива⁵, слиянии его с претеритом. Однако остается вопрос о причинах выбора презентной или аористной формы.

Если внимательно присмотреться к аористам в цитированном гимне, то можно увидеть, что они обозначают события, подразумевающие резкое изменение положения вещей: «прекратил», «убил». Иными словами, аорист выражает то, что можно назвать моментом фазового перехода или, по Ю. С. Степанову [4], «критической точкой»: прекращение прежнего положения дел, наступление нового.

Иногда аорист обозначает завершенное действие, имперфект не имеет подобного значения.

(4) *pātāti didyún naryasya bāhvór mā te máno viṣvadriag vi cārūt* (RV VII 25:1)

‘да полетит блистающая из рук могучего (Индры), да не уйдет прочь разносторонняя мудрость’.

(5) *ā yāh sómena jaṭhāram āpiparta āmandata maghāvā mādho āndhasaḥ*

yād im mr̥gāya hantāve mahāvadhah sahásrabhr̥ṣtim uśánā vadhām yāmat (RV V 34:2)

‘Кто наполнял (импф.) чрево Сомой, наслаждался (импф.) хмелем травы, когда имеющий много оружия дал (аор.) ему молнию тысячежелезную для убийства дьявольских зверей’.

Аорист может обозначать и повторяющееся, регулярное действие: *āsthād devāḥ práti doṣám* (RV I 35:10) ‘бог вставал ежевечерне’.

(6) *asyā vo hí ávasā pānto dakṣasā dhanam*

yāh sūrīṣu śrávo br̥hād dr̥hād dadhé sívar ná haryatāḥ || sá vam yajneṣu mānavī índur janiṣta rodasi devó devī giriṣthā āsredhan tám tuviṣváni (RV IX 98:8–9)

‘И затем своей милостью вам, пьющие, могучую силу (дает), жертвователям великую славу устанавливает, словно золотое солнце. Та капля (Сомы) для вас, о оба мира, родилась (= рождается) в жертвоприношениях, о пространства, о боги, о богини, о жители гор, того безошибочного (славлю) я, с могучим звуком’.

В данном случае аорист оказался однороден презенсу *dadhe*, тоже выражающему повторяющееся действие. Но следует подчеркнуть, что презенс выражает длительно действующее действие, а аорист – событие, завершённое в типичной ситуации. Параллель этому находится в древнегреческом, где известен аорист типичной ситуации:

(7) ὅπποτ' ἀνὴρ ἐθέλη, πρὸς δαίμονα φωτὶ μάχεσθαι, τάχα δ' οἱ μέγα πῆμα κυλίσθη (II. XVI:98)

‘если человек пожелает, будучи смертным, сражаться с божеством, быстро на него обрушивается (обрушилось) великое несчастье’.

Типичное обстоятельство предстает как завершённое событие.

Одним из средств выражения точки референции является наречие *divé-dive* ‘постоянно’. Оно указывает на типичное, повторяемое действие и употребляется, как правило, вместе с презенсом:

(8) *tuvám tám agne amṛtatvá martan uttamé dadhāsi śrávase divé-dive* (RV I 31:7)

‘Так ты этого смертного, Агни в высшем бессмертии к славе направляешь’.

Такой презенс может противостоять аористу:

(9) *ná ní miṣati surāno divé-dive yád ásurasya jaṭhárād ájāyata* (RV III 29:14)

‘радостный не смыкает глаз день за днем, когда родился из чрева Асуры’.

Аорист здесь обозначает момент фазового перехода.

Возможно сочетание наречия и с имперфектом:

(10) *agnínā rayím áśnavat póṣam evá divé-dive yaśásam vírávattamam* (RV I 1:3)

‘Он достигал с помощью Агни день за днем богатства, процветания блестящего, самого могучего’.

В данном случае типичная ситуация отнесена к прошлому. Имперфект выражает стабильное действие.

Однако встретилось сочетание данного наречия и с аористом (в инъюнктиве):

(11) *divé-dive sūriyo dárśato bhūd ví sádmāni urviyá sukṛátur dhāt* (RV VI 30:2)

‘День за днем солнце видным стало. Добродетельный широко распространил свое жилище’.

Аорист, как и в приведенных выше примерах, указывает на момент достижения нового состояния. Более того, возможно, завершение длительного действия – его основное значение.

И в этой функции ведический аорист может быть сопоставлен с гомеровским:

(12) Ἄνδρα μοι ἔννεπε Μοῦσα, πολύτροπον, ὃς μάλα πολλὰ πλάγχθη, ἐπεὶ Τροίης ἱερὸν πτολίεθρον ἔπερσεν (Od. I:1–2)

‘О муже скажи, о Муза, многоумелом, который много пространствовал после того, как разрушил могучую крепость Трои’.

Аорист *πλάγχθη* указывает на завершение длительного действия.

Приведем еще несколько аористов с данным наречием.

(13) *carṣaṇīdhṛītam maghāvānam ukhtīyam índram giro br̥hatīr abhi ānuṣata*

vāvr̥dhānám puruhūtám svvr̥ktibhir amartyaṃ járamāṇaṃ divé-dive (RV III 51:1)

‘О правящем народами, щедром, заслуживающем хвалы Индре хвалебные гимны возгласили, о возвеличенном, много хвалимом, бессмертном, воспеваемом день за днем добрыми песнями’.

(14) *vāmám adyá savita vāmám u śvó divé-dive vāmám asmābhya' sāvīḥ*

vāmāsya hi kṣáyasya deva bhūr̥er ayá dhiyá vāmabhá jaḥ siyāma (RV VI 71:6)

‘Добро, о Савитар, сегодня и завтра добро укажи, день за днем ты нам добро (со)творил, да будем мы благодаря этой песне участниками добра’.

Здесь аорист также имеет значение завершённого периода; он противопоставит оптативу, выражающему намерение.

В этом гимне встречаются аористы и без наречия:

(15) *savitā hiranyáyā bāhú ayamsta* (1)

‘Савитар золотую руку простер’.

(16) *deváh savitā... pratidoṣám asthāt* (4)

‘Бог Савитар вечером поднялся’.

(17) *divó róhaṃsi aruhat pṛthivyá ariramat patáyat kác cid ábhvam* (5)

‘В высоты небес устремился, умирил на земле летающий ужас’.

Они указывают на завершение события.

Наречие *divé-dive* может встречаться и вместе с перфектом:

(18) *távāhám soma rāraṇa sakhyá indo divé-dive | purūṇi babhro ní caranti mām áva paridhīm̃r áti tám̃ ihi* (RV IX 107:19)

‘Тебе я, о Сома, день за днем в дружбе поклонялся. Многие злые духи преследуют меня, о багровый (Сома). Пройди через эти препоны!’.

Особая функция аориста – обозначение предшествования, причем событие, которому предшествует аорист, выражается различными временами:

(19) *sūras cid á harito asyo rīramad índrād á kás cid bhayate táviyasah |*

bhīmasya vṛ̥ṣṇo jaṭhárād abhiśvaso divé-dive sahuri stann ábādhita (RV X 92:8)

‘Солнце золотых (коней) успокоило; всякий Индру мощнейшего боится, чрево грозного быка, которое может зареветь. День за днем победоносный рычал, несокрушимый’.

(20) *gām aṅgaiśā ā hvayati dārv aṅgaiśo āpāvadhītvāsann aranyanam sayām ākruṣad iti manyate* (RV X 146:4)

‘Тот именно зовет корову, кто дерево срубил. Вечером в лесу находящийся думает, что уже позвали на помощь’.

Аорист *āpāvadhītvā* указывает на предшествование презенсу *hvayati*, *ākruṣat* – дискурсивному *manyate*.

(21) *namasyānto divā a prṣṭham asthuh pári dyavaprṥthivi yanti sadyás* (3)

‘Прославляющие подошли к вершине неба и идут по небу и земле вместе с солнцем’.

Здесь событие, которому предшествует аорист, отнесено к настоящему. Однако возможно предшествование и в претерите:

(22) *viśve devāso amadann any tva... || śuśnam píprum kūyavaṃ vrtrám indra yadāvdhīr ví pūrah śambharasya* (RV I 103:7–8)

‘все боги восхитились тобой, о Индра, когда ты разбил Щушну, Пипру, Куяву и Вритру, крепости Щамбары’.

Аорист *avadhīs* ‘ты разбил’ выражает событие, более раннее по отношению к *amadann* ‘они восхитились’.

Аорист может обозначать и констатацию факта [10]:

(23) *satrābhavo vásupatir vásūnām dátre vísvā adhithā krṣṭih* (RV IV 17:6)

‘ты стал (импф.) верховным владыкой добра, всем народам установил (аор.) их долю’.

(24) *nī āvidhyad ilībísasya dr̥hā ví śrngīnam abhinac chūsnam indrah |*

...*vājrena śātrum avadhīh pr̥tanyum* (RV I 33:12)

‘Индра, разгромил укрепления Илибисы, Щушну рассек, молнией врага ты сразил, о Индра’.

В данном случае оппозиция имперфекта *abhinac* и аориста *avadhīh* нейтрализуется.

Эйштейн Даль [5] так описывает систему времен в ведическом с использованием модели Райхенбаха: у несовершенного прошедшего момент события входит во время референции ($t_R \subseteq t_E$), у перфективного – наоборот ($t_R \supseteq t_E$), у нейтрального они идентичны ($t_R \otimes t_E$), у исторического настоящего точка референции предшествует времени события. Развитие идей Даля см. в [8].

Имперфект указывает на вхождение времени референции во время события ($t_R \subseteq t_E$). Аорист – на вхождение времени события в референциальное время ($t_R \supseteq t_E$).

Имеется однако немало контекстов, в которых аспектуальная оппозиция между аористом и им-

перфектом нейтрализована, а разница точек референции не наглядна в тексте.

Имперфект может выражать завершенное действие:

(25) *prā vákṣāna abhinat párvatānām* (RV I 32:1)

‘он рассек чресла гор’.

(26) *ásvyo vāro abhavas tát indra sr̥ké yát tvā pratyáhan deva ékaḥ*

ájayo gā ájayaḥ sūra sómam ávāsr̥jaḥ sártave saptá síndhūn (RV I 32:12)

‘Ты стал конским волосом, когда единый бог ударил тебя по зубу. Ты победил корову, герой, сому, выпустил для бега семь потоков’.

В этом контексте имеются четыре имперфекта со значением законченного события: *abhavas* ‘ты стал’, *prayáhan* ‘он ударил’, *ájayas* ‘ты победил’, *ávaāsr̥jas* ‘ты выпустил’.

(27) *yáḥ pr̥thivīm vyáthamānām ádr̥mhad yáḥ párvātān prákupitān áramñāt |*

yó antárikṣam vimamé varīyo yó dyām ástabhnāt śá jánāsa indrah (RV II 12:2)

‘Кто землю шатающуюся укрепил, кто колеблющиеся горы успокоил, кто далекое пространство, кто небо укрепил – тот, люди, Индра!’.

(28) *árñāmsi cit paprathānā sudāsa indro gādhāny akr̥not supārā |*

śárdhantam śimyum ucáthasya návyaḥ śāpam síndhūnām akr̥nod ásatīh (RV VII 18:5)

‘Растекающиеся потоки Индра сотворил для воинов Суды, (превратив их) в легко проходимые броды. Восставшего Щимью обрек он проклятью новейшей песни, его поносительные речи – пене рек’.

(29) *durād indram anayann ā suténa tiró vaiśantām áti pāntam ugrām |*

pāśadyumnasya vāyatásya sómāt sutād indro ‘vr̥nītā váśiṣṭhān (RV VII 33:2)

‘Издали привели они своего Индру с помощью выжатого (Сомы), заполняющего пруд, к мощному питью. Выжатому Соме Пасьядьомны Вайяты предпочел Индра племя Васиштха’.

Как видим, здесь именно имперфектом выражены события, в завершенности которых не приходится сомневаться. Сомнительно, чтобы они представляли здесь как длительные.

Имперфект свойствен так называемым мифологическим гимнам Ригведы, где речь идет о сотворении мира:

(30) *sahásraśr̥ṣā pūruṣaḥ sahasrākṣāḥ sahasrapāt | śá bhūmim vísváto vr̥tvāty atīṣṭhad daśāngulām* (RV X 90:1)

‘Тысячеголовый, тысячеглазый, тысяченогий Пуруша. Он, покрыв землю, поднимал десять пальцев’.

Подобный имперфект можно назвать общефактическим: он обозначает событие без уточнения его характеристик (длительность – недлительность, завершенность – незавершенность).

(31) *kāmas tát ágre sám avartatādhi mánaso rétah prathamam yád ásīd |*

sató bándhum ásati nír avindan hr̥dí pratīśyā kaváyo manīṣā (RV X 129:4)

‘В начале возникло любовное влечение, которое было первым семенем мысли. В сердце находили мудрецы с помощью размышления связь сущего с не-сущим’.

Первый имперфект (*sám avartata ádhi*) результиativen, *ásīt* и *nís avindan* – явно общефактические.

Выше мы цитировали стих (29). Гимн 33 из мандалы VII относится к так называемым историческим (как и VII 18), где речь идет о битве Индры с демоном Шушной; по мнению исследователей, это память о войне, которую вели в Индостане пришельцы-арии. Подобно мифологическим гимнам, в них преобладают имперфекты. Но характерно, что некоторые особо важные события выражены аористом. Он может обозначать начало нового периода:

(32) *ima u tva paspr̥dhanaso átra mandra gíro devayántir úpa sthuḥ*

arvaci te pathya rayá etu syāma te sumatav indra sárman (RV VII 18:3)

‘Эти восхваляющие, стремящиеся к богу песнопения, соперничая, к тебе приблизились’⁶.

Да придет к нам тропа твоего богатства! Да окажемся мы, о Индра, в убежище твоего благорасположения!’

Аорист события, близкого к настоящему:

(33) *ékaṃ ca yó vimśatīm ca śravasyā vaikarnáyor jánan rá jā ny ástah*
dasmó ná sádman ní śisāti barhiḥ sūrāh sárgam akr̥nod indra eṣām (RV VII 18:11)

‘Двадцать одного человека из обеих семей потомков Викарны царь от жажды славы уничтожил. Как знающий вещи на жертвенном месте уничтожает он их. Герой Индра сотворил этот поток’.

Выраженное аористом *ástar* действие находит продолжение в близком по значению презенсе *śisāti*, тогда как имперфект *akr̥not* не так актуален в настоящее время.

Основное значение имперфекта – общефактическое действие, аориста – актуальное действие. Используя терминологию Г. Райхенбаха, можно сказать, что в аористе особо выражена точка референции. Таким образом, ведийский глагол демонстрирует этап развития аспектуальной системы, когда она переходит в темпоральную [2], [3], [11], [14]. Об этом шла речь в наших предыдущих работах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Инъюнктив – особая морфологическая категория ведического языка, почти исчезнувшая в эпическом и классическом санскрите: глагольная форма с вторичными окончаниями, без аугмента: *bhárati* ‘он несет’ (презенс) – *ábharat* ‘он нес’ (имперфект) – *bhárat* ‘он несет / нес / нес бы’ (инъюнктив). Он образуется также от аориста и плюсквамперфекта путем отсечения аугмента: *áricat* ‘он оставил’ – *ricát*. Инъюнктив может употребляться в модальном значении, особенно часто с запретительной частицей *mā* (*mā bhet* ‘пусть не ударит’; в такой конструкции инъюнктив сохранился в позднейшем языке) и в значении прошедшего времени [7].

² Delbrück В. Altindische Tempuslehre. Halle, 1876; Delbrück В. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1897.

³ RV – Ригведа. Текст цитируется по изданию: Rig Veda: A metrically restored text / Ed. В. А. van Nooten and G. В. Holland. Cambridge MA, 1994 (Harvard Oriental series, v. 50). Перевод сверен по: Geldner К. Der Rig-Veda: Aus dem Sanskrit ins Deutsche überetzt. Cambridge (MA), 1951–1955. Bd. I–IV (Harvard Oriental studies. v. 33–36) и по словарю: Grassmann Н. Das Wörterbuch zum Rig-Veda. Leipzig, 1936.

⁴ Rápi, мн. ч. rápaуaḥ – демоны, скрывающие сокровища от богов.

⁵ В конце своей монографии К. Хофман определяет это значение точно: инъюнктив передает воспоминание (Erwáhnung) о событии [7: 279]. Эта вполне неопределенная семантика, соответствующая неопределенности его морфологии, преобразуется в различные времена и модусы – по контексту.

⁶ Гельднер переводит ‘sich nahen’, то есть презенсом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Елизаренкова Т. Я. Аорист в «Ригведе». М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 152 с.
2. Красухин К. Г. Движение на оси времени и глагольное время // Вопросы филологии, 2000. № 4. С. 13–17.
3. Красухин К. Г. Аспекты и времена праиндоевропейского глагола: Часть I // Вопросы языкознания. 2005. № 6. С. 3–30.
4. Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. М.: Наука, 1989. 248 с.
5. Dahl E. Time, tense, aspect in Early Vedic grammar: A non-relational approach to the morphosyntax-semantics interface. Oslo, 2008. 460 p.
6. Gonda J. The aspectual functions of the Rgvedic present and aorist. s’Gravenhage, 1962. 286 p.
7. Hoffmann К. Der Injunktiv in Veda. Heidelberg, 1967. 298 S.
8. Hollenbaugh I. Tense and aspect in Indo-European: A usage-based approach to the verbal systems of the Rigveda and Homer: Dissertation. Los Angeles, 2021. 307 p.
9. Kiparsky P. Tense and modes in Indo-European syntax // Foundations of Language. 1968. Vol. 4, No 1. P. 30–57.

10. Kiparsky P. Aspect and event structure in Vedic // *The Yearbook of South Asia languages and linguistics*. 1998. P. 29–61.
11. Krasuchin K. Universaltendenzen in der Entwicklung des Aspekt-Tempus-Systems (Aspekt und Zeitdauer) // *Indogermanistik und Linguistik: Akten der XIII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft in Salzburg*. Wiesbaden: Ludwig Reichelt Verlag, 2011. S. 289–300.
12. Narten J. Die sigmatische Aoriste in Veda. Wiesbaden, 1963. 311 S.
13. Reichenbach H. Elements of symbolic logic. London, 1947. 444 p.
14. Weinrich H. Tempus: Besprochene und erzählte Welt. Stuttgart, 1964. 358 S.

Поступила в редакцию 19.06.2024; принята к публикации 02.12.2024

Original article

Konstantin G. Krasukhin, Dr. Sc. (Philology), Leading Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0009-0008-1955-4712; krasukh@mail.ru

NOTES ON THE MEANING OF PRESENT AND AORIST STEMS IN THE RIG VEDA

Abstract. The paper examines the system of aspects and tenses in the Rig Veda, focusing particularly on the stems of the present (both imperfect and injunctive) and the aorist. A complex issue arises in defining their meanings and functions. The concept of confined versus unconfined action does not always adequately capture the present-aorist opposition, as present forms can sometimes refer to events that were completed in the past. The author introduces the category of “point of reference”, as articulated by Hans Reichenbach, to clarify this distinction. The aorist tense stands out from other tenses by emphasizing this reference point. Overall, the Vedic verb captures the stage of the evolution of the aspectual system into a temporal one: the imperfect denotes events from a distant mythological past (which may be completed), while the aorist refers to more recent events or those that precede others. In this sense, the Vedic verb shares similarities with tense forms in European languages, as described by Harald Weinrich, where a contrast is drawn between foreground tenses (French passé simple) and background tenses (French imparfait). This comparison aids in understanding the development of aspect and time categories across different world languages.

Keywords: morphology, verb, aspect, tense, Rig Veda

For citation: Krasukhin, K. G. Notes on the meaning of present and aorist stems in the Rig Veda. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(1):59–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1129

REFERENCES

1. Elizarenkova, T. Ya. Aorist in the Rig Veda. Moscow, 1960. 152 p. (In Russ.)
2. Krasukhin, K. G. Movement on the axis of time and verb tense. *Questions of Philology*, 2000;4:13–17. (In Russ.)
3. Krasukhin, K. G. Aspects and tenses of the Proto-Indo-European verb: Part I. *Topics in the Study of Language*. 2005;6:3–30. (In Russ.)
4. Stepanov, Yu. S. Indo-European sentence. Moscow, 1989. (In Russ.)
5. Dahl, E. Time, tense, aspect in Early Vedic grammar: A non-relational approach to the morphosyntax-semantics interface. Oslo, 2008. 460 p.
6. Gonda, J. The aspectual functions of the Rgvedic present and aorist. s'Gravenhage, 1962. 286 p.
7. Hoffmann, K. Der Injunktiv in Veda. Heidelberg, 1967. 298 S.
8. Hollenbaugh, I. Tense and aspect in Indo-European: A usage-based approach to the verbal systems of the *Rigveda* and Homer: Dissertation. Los Angeles, 2021. 307 p.
9. Kiparsky, P. Tense and modes in Indo-European syntax. *Foundations of Language*. 1968;4(1):30–57.
10. Kiparsky, P. Aspect and event structure in Vedic. *The Yearbook of South Asia languages and linguistics*. 1998. P. 29–61.
11. Krasuchin, K. Universaltendenzen in der Entwicklung des Aspekt-Tempus-Systems (Aspekt und Zeitdauer). *Indogermanistik und Linguistik: Akten der XIII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft in Salzburg*. Wiesbaden, 2011. S. 289–300.
12. Narten, J. Die sigmatische Aoriste in Veda. Wiesbaden, 1963. 311 S.
13. Reichenbach, H. Elements of symbolic logic. London, 1947. 444 p.
14. Weinrich, H. Tempus: Besprochene und erzählte Welt. Stuttgart, 1964. 358 S.

Received: 19 June 2024; accepted: 2 December 2024

ДМИТРИЙ ИЛЬИЧ ЛУЧАЕВ

преподаватель кафедры английского языка как второго
переводческого факультета
Московский государственный лингвистический универ-
ситет
(Москва, Российская Федерация)
luchdmmslu@gmail.com

СЕМАНТИКА ПЕРФЕКТА КОНСТАТАЦИИ СОСТОЯНИЯ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

А н н о т а ц и я . Цель исследования – определить объем значений перфекта констатации состояния в болгарском языке, а также выявить эквивалентность на межъязыковом и переводческом уровнях соответствующим категориям в русском языке. Гипотеза работы заключается в предположении, что перфект констатации состояния может выступать промежуточным звеном между индикативным перфектом и несвидетельскими формами болгарского языка и не имеет полных эквивалентов в русском языке. В рамках сравнительно-сопоставительного анализа рассматриваются отрывки из художественных произведений, содержащие вышеупомянутую форму, и их переводы на русский язык. По итогам работы делается вывод о безэквивалентности перфекта констатации состояния по отношению к русскому языку, а также представляется набор грамматических форм, обладающих схожей семантикой. Результаты исследования могут быть использованы как для дальнейших научных разработок в данной области, так и в качестве готовых переводческих стратегий при работе с текстами на болгарском языке.

К л ю ч е в ы е с л о в а : сравнительно-сопоставительный анализ, эквивалентность, перевод, болгарский язык, русский язык, перфект констатации состояния, эвиденциальность, выпадение глагола-связки в 3Sg/Pl, результативность

Д л я ц и т и р о в а н и я : Лучаев Д. И. Семантика перфекта констатации состояния в болгарском языке: сопоставительный и переводческий аспекты // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 1. С. 65–72. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1130

ВВЕДЕНИЕ

Перфект как одно из ключевых времен болгарского языка на протяжении многих десятилетий был важнейшим объектом исследования лингвистов и филологов. Однако в настоящий момент, когда многие аспекты уже изучены, перфект переживает настоящий ренессанс: установление структурной связи данного времени с несвидетельскими наклонениями и модальными категориями болгарского языка предоставляет большой материал для новых исследований. Важно отметить, что перфект не только лег в основу вышеуказанных структур, но и перенял некоторые их морфосинтаксические черты. Так, мы хотели бы обратить внимание на разновидность стального перфекта, название которой было взято из работ Любомира Андрейчина, – перфект констатации состояния [10: 320].

Перфект констатации состояния сравнительно редко привлекает внимание исследователей, в связи с чем существуют проблемы термино-

логических разночтений и размытости языковых границ явления. Как уже было отмечено выше, Л. Андрейчин в «Грамматика на съвременния български език» упоминает перфект констатации состояния, однако так он называет весь стальной перфект. Он также кратко описывал явление выпадения глагола-связки в 3Sg/Pl в перфекте в более ранних своих работах [1], [5]. Одно из первых упоминаний данной разновидности стального перфекта найдено в работе Б. Цонева «Опрѣдѣлени и неопрѣдѣлени форми в български език»¹. Исследуя перфектоподобные формы без глагола-связки, А. Левин-Штайманн также касается вопроса перфекта констатации состояния [16: 30]. Р. Ницолова в своей работе «Българска граматика. Морфология» уже четко разграничивает термины «стальной перфект» и «перфект констатации состояния» [8: 296]. Мы принимаем подход Р. Ницоловой по разграничению употребления данных терминов. Однако ни один из исследователей

не углубляется в детальное и комплексное изучение данной разновидности статального перфекта. Перфект констатации состояния остается в тени своего родового значения, а причина выпадения глагола-связки в 3Sg/Pl по-прежнему неясна.

Целью статьи является исследование семантики перфекта констатации состояния в болгарском языке и рассмотрение закономерностей его передачи на русский язык. В этой связи мы ставим перед собой следующие задачи:

1) определить влияние выпадения глагола-связки в 3Sg/Pl в перфекте изъявительного наклонения на семантику высказывания и установить наличие или отсутствие связи перфекта констатации состояния с несвидетельскими формами болгарского языка;

2) проанализировать имеющиеся примеры передачи перфекта констатации состояния на русский язык переводчиками и выявить наличие или отсутствие разницы с передачей обычного статального перфекта.

Среди методов нашего исследования преобладает сравнительно-сопоставительный анализ как основа изучения соответствий между двумя языками. В связи с редкостью данного подвида статального перфекта и его малой освещенностью в научной литературе нами было принято решение провести исследование на материале найденных вышеупомянутыми учеными примеров употребления перфекта констатации состояния.

ПЕРФЕКТ КОНСТАТАЦИИ СОСТОЯНИЯ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Мы разделяем преобладающую в научном сообществе точку зрения о том, что случаи выпадения глагола-связки в 3Sg/Pl не всегда означают переход формы в разряд ренарратива, а также поддерживаем идею о выделении случаев транспозиции перфекта, среди которых имеются и формы с выпадением глагола-связки в 3Sg/Pl. Перфект констатации состояния, хотя и не является транспозицией, должен рассматриваться в контексте изъявительного наклонения и проверяться на предмет сближения с эвиденциальными формами.

В своих работах Л. Андрейчин, впервые обративший внимание на перфект констатации состояния в болгарском языке, не раскрывал причины и особенности модификации значения статального перфекта при выпадении глагола-связки в 3Sg/Pl. В «Грамматика на съвременния български език» он посвящает данной проблеме один абзац, отмечая, что «иногда при употреблении статального прошедшего неопределенного време-

ни вспомогательный глагол может быть опущен (перевод наш. – Д. Л.)» [10: 320].

Чуть больше информации можно найти в «Българска граматика. Морфология» Р. Ницоловой. Она утверждает, что если говорящий наблюдает исключительно результат действия, а не само перфектное действие, то в форме 3Sg/Pl вспомогательный глагол может быть опущен [8: 296].

Поскольку подобное проявление перфекта является разновидностью статального перфекта, необходимо отметить, что говорящий априори не может делать упор на процесс совершения действия, так как в подобном случае нужно говорить об акционном перфекте². Возможно, подобное несоответствие объясняется тем, как Р. Ницолова понимает статальный перфект. Исследователь утверждает, что в статальном перфекте «обращается большее внимание на результат действия, а не на само действие (перевод наш. – Д. Л.)» [8: 296]. Таким образом, можно предположить, что Р. Ницолова проводит границу между статальным перфектом и перфектом констатации состояния по наличию / отсутствию ориентации на прошедшее время: перфект с выпадением глагола-связки в 3Sg/Pl не будет иметь связи с прошедшим временем, в то время как обычный статальный перфект, хотя и преимущественно ориентирован на продолжительность и результативность, тем не менее будет сохранять некоторую связь с процессом совершения действия в прошлом. Вероятно, словосочетание «перфектное действие» (болг. *перфектно действие*), употребленное Р. Ницоловой, нуждается в некоторой конкретизации во избежание смешения семантики статального перфекта с акционным. Она отмечает, что чаще всего перфект констатации состояния встречается в описаниях в комбинации с настоящим историческим временем или прошедшими временами для обозначения результатов действий, совершенных до момента референции в прошлом. Фактически в случае употребления с прошедшими временами перфект констатации состояния берет на себя функцию плюсквамперфекта, а при употреблении с настоящим историческим обозначает предшествующее событие (в целом здесь также можно говорить о некотором сходстве с функциями плюсквамперфекта, поскольку настоящее историческое повествует о прошедших событиях, но в настоящем контексте).

Р. Ницолова считает, что именно перфект констатации состояния лег в основу несвидетельского эвиденциала «ренарратив» и модальной категории «адмиратив» в болгарском

языке. К вопросу о связи данной формы с несвидетельскими эвиденциалами и модальными категориями мы обратимся позже. Наиболее подробной работой в данной области можно считать монографию А. Левин-Штайнманн [16]. Она пыталась выявить семантические особенности перфекта констатации состояния, анализируя работы, имевшиеся к тому моменту: [6], [7], [14]. Исследователь приходит к следующим выводам:

1) перфект с глаголом-связкой игнорирует результат действия, сразу переходя к его длительности в настоящем;

2) главным аспектом перфекта без глагола-связки является законченность, то есть результативность;

3) перфект без глагола-связки – это единичный момент в прошлом.

Таким образом, по мнению А. Левин-Штайнманн, главное отличие проходит по линии «длительность / результативность». Первый критерий выходит на передний план в статальном перфекте, второй – в констатации состояния, хотя оба критерия присущи статальному перфекту как аспекту прошедшего неопределенного времени.

Известно, что выпадение глагола-связки в 3Sg/Pl в болгарском языке – это свойство несвидетельских эвиденциалов³ и некоторых модальных категорий⁴ болгарского языка. Как мы уже отмечали ранее, подобное явление в перфекте констатации состояния не означает его перенос в сферу незасвидетельствованности, однако подводит к мысли о потенциальном семантическом сближении вышеупомянутых форм. В статье Н. А. Козинцевой отмечается, что выпадение глагола-связки в 3Sg/Pl – это структурная перестройка перфекта, проходящего процесс разграничения от иных времен по категории засвидетельствованности / незасвидетельствованности [2: 25], что подтверждает наше предположение.

В связи с вышеизложенным обратим внимание на то, как оценивают исследователи наличие / отсутствие глагола-связки в 3Sg/Pl в несвидетельских наклонениях. Р. Ницолова, избирая структурный подход, относит формы без глагола-связки в 3Sg/Pl к ренарративу, а с глаголом-связкой – к конклюдиву. Важно отметить, что исследователь наделяет конклюдив двумя значениями: умозаключением (то есть восстановление событий по наличествующим фактам, что соотносится с названием эвиденциала и является классическим случаем) и так называемым слабым знанием (болг. *слабо знание*, то есть передача информации, свидетелем

которой говорящий не был, но подлинность которой не подлежит сомнению и является частью его фонда личных знаний) [8: 354]. Таким образом, Р. Ницолова показывает, что наличие глагола-связки в 3Sg/Pl отвечает за меньшую дистанцию между говорящим и информацией, чем отсутствие глагола-связки, которое воспринимается как чужое знание. М. М. Макарецев утверждает, что ключевым критерием является источник информации, поэтому формы с глаголом-связкой и без глагола-связки в 3Sg/Pl должны быть отнесены к ренарративу (в терминологии автора – репортативу), однако приходит к тому же выводу, что и Р. Ницолова: разница между формами кроется в дистанции между говорящим и информацией [3].

Значимыми в данной области являются работы Г. Филдер [11], [12], [13], которая предлагает считать наличие / отсутствие глагола-связки в 3Sg/Pl инструментом кодирования информации фона / первого плана, то есть свойством текстового уровня. По мнению исследователя, отсутствие глагола-связки будет указывать на события первого плана, то есть «секвентные действия, которые формируют событийную линию повествования, или каркас дискурса» (цит. по [3: 221]), а ее наличие – на фоновые события, то есть действия, которые «не формируют событийную линию повествования и происходят одновременно с событиями первого плана» (цит. по [3: 221]). Г. Филдер указывает, что к свойствам первого плана относятся акционные *л*-формы без глагола-связки, а к свойствам фона – статальные *л*-формы с глаголом-связкой и неопределенное прошедшее время как с глаголом-связкой, так и без него. М. М. Макарецев считает данную концепцию интересной, но недостаточно разработанной и предлагает считать формы с глаголом-связкой «более фоновыми», чем формы без глагола-связки, тем самым либо противореча самому себе⁵, либо забывая упомянуть о потенциальной разнице в семантической роли глагола-связки на уровнях языка и текста.

По нашему мнению, восприятие глагола-связки на разных уровнях не может быть антонимичным, в связи с чем мы считаем, что концепция Г. Филдер хоть и является перспективной, но недостаточно точной в описании данной структуры. Концепции Р. Ницоловой и иных исследователей, подтвержденные многими поколениями болгаристов, представляются нам более точными, в связи с чем мы разделяем мнение о том, что отсутствие глагола-связки в 3Sg/Pl представляет большую дистанцию от информации, чем его наличие. Мы также

выдвигаем предположение, что вышесказанное можно экстраполировать на перфект констатации состояния, который грамматически показывает сближение с несвидетельскими формами, а значит, должен указывать на большую дистанцию между говорящим и информацией, что на уровне текста может быть выражено действиями / состояниями фона. Не менее важно помнить и о выводах А. Левин-Штайнманн, которая утверждала, что перфект констатации состояния подчеркивает результат прошедшего действия, а не его протекание в настоящем.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Безусловно, мы не можем говорить о наличии в русском языке единиц, эквивалентных болгарскому перфекту констатации состояния на всех уровнях, поскольку имеются фундаментальные различия между языками:

1) болгарский язык является аналитическим, русский – синтетическим; русский язык не сохранил глагол-связку в настоящем временном плане;

2) в русском языке отсутствует время, которое бы занимало промежуточное положение между настоящим и прошедшим (чему соответствует болгарский перфект);

4) в русском языке эвиденциальность не является грамматикализованной [4].

Чтобы определить, какие формы в русском языке могли бы соответствовать болгарскому перфекту констатации состояния, необходимо обратить внимание на три компонента, каждый из которых является ключевым звеном в одном из аспектов прошедшего неопределенного времени: акционный перфект = ориентация на процесс совершения действия в прошлом, статальный перфект = ориентация на длительность в настоящем совершенного в прошлом действия, перфект констатации состояния = ориентация на момент достижения результата совершенного в прошлом действия. Таким образом, нам необходимо сосредоточиться на глаголах, которые показывают «чистую» результативность в русском языке.

М. В. Кузина утверждала, что «чистый» результат включает в себя длительность, однократность и фазисность⁶. Последние два компонента предельно важны для передачи перфекта констатации состояния на русский язык, а первый компонент, будучи имплицитным, не позволит лексической единице выступать в роли акционного перфекта. Например, глагол *прочитать* можно считать чисто результативным, поскольку на первый план здесь выходит факт однократного совершения действия, а результат не продолжается в настоящем.

Чистый результат может быть осложнен различными модификациями, которые при переводе могут помешать достижению структурной и семантической эквивалентности. К осложнениям можно отнести любые оттенки значений, чаще всего передаваемые путем присоединения приставок. Например, значение неполноты действия у глагола *недоесть*, значение интенсивности действия у глагола *наглядить*, значение полиактантного действия у глаголов *наварить* и *повыгореть* и т. д. В подобных модификациях на первый план выходит не результат действия, а процесс совершения действия в прошлом, стоящий за ним, что соответствует семантике акционного перфекта и не является эквивалентным для перфекта констатации состояния.

Безусловно, существуют ситуации, при которых употребление подобных глаголов невозможно по узуальным (плохая сочетаемость), стилистическим (несоответствие единицы уровню текста) или морфологическим (невозможность образовать форму чистого результата) причинам. В таких случаях необходимо компенсировать утраченный компонент значения с помощью средств синтаксического уровня или неглагольных лексических единиц, имеющих значение чистой результативности.

Таким образом, можно заключить, что при передаче перфекта констатации состояния на русский язык необходимо делать выбор в пользу лексических единиц (преимущественно глаголов), обладающих чистой результативностью и не выводящих на первый план компонент процесса совершения действия в прошлом или компонент длительности имеющегося результата в настоящем. Сделаем предположение, что эквивалентными можно считать варианты передачи исследуемой нами структуры краткими причастиями, которые также обладают чистой результативностью (например, в словосочетании *небо окрашено в розовые цвета* на первый план выходит не продолжительность в настоящем, а результат действия, совершенного в прошлом, но нерелевантного для настоящего контекста). Также возможно достижение такой эквивалентности на синтаксическом уровне, где каждую лексическую единицу необходимо будет рассматривать как по отдельности, так и в сочетании с иными лексическими единицами, употребленными в высказывании.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Перфект констатации состояния – явление практически неуловимое. Его редкость привела к тому, что найденные исследователями примеры переходят из одних статей и учебников в после-

дующие, а новые вхождения появляются сравнительно редко. Известные языковые корпуса – «Български национален корпус» при Болгарской академии наук и «Успореден корпус на руски и български текстове» при Великотърновском университете «Святых Кирилла и Мефодия» – не обладают соответствующим инструментарием для поиска подобных единиц, поскольку морфологически они неотличимы от перфектопо-

добных форм и форм ренарратива и адмиратива, которые употребляются несоизмеримо чаще как в письменном, так и в устном болгарском. В связи с этим нами было принято решение рассмотреть только те примеры, которые уже были обнаружены исследователями и которые имеют перевод на русский. Таким образом, диапазон доступного материала сократился до четырех примеров и пяти их переводов.

Ясно виждаше дядо Руси накъде отива работата. И се страхуваше, и се радваше. А инак всичко си вървеше по старому. Хубаво време, слънце. Балканът се разхубавил, зелени дъбрави го опасват долу, по-тъмни в средата, а най-високите чуку, изрязани в небето, са, както винаги, сини. Над тях бели облаци се спрели, като кули. И в селото – и в него пролет. Гъста и тежка зеленината на овошките, някъде над сухите дувари се синее люляк или висят жълти кичури на цъфнал салкъм. (Й. Йовков. Старопланински легенди)

Дедушка Руси ясно видел, к чему все клонится. И ему было страшно и радостно. А в остальном все было по-старому. Погода славная, солнышко. Горы похорошели, опоясались понизу зеленым лесом, темным посредине, а врезающиеся в небо самые высокие вершины, как всегда, сини. Над ними стоят, будто замки, белые облака. И на селе тоже весна. Густая, тяжелая листва на плодовых деревьях, над сухими стенами каменных оград тут и там синее сирень, висят желтые кисти цветущей акации. (Перевод Д. Горбова)

Стиль текста – художественный, отрывок является повествованием о фоновых событиях (состояние природы), наблюдаемых главным героем одновременно, цельно. В оригинале происходит переход от плана прошлого к плану настоящего: прошлое выражается имперфектом, который обладает имплицитной свидетельственностью [9: 336], [15: 220], а настоящее, помимо классических форм, также выражено двумя глаголами в перфекте констатации состояния. В русском переводе *се разхубавил* выражен с помощью глагола совершенного вида в прошедшем времени *похорошели*, что скорее соответствует статальному перфекту, нежели перфекту констатации

состояния, поскольку на первый план выходит компонент продолжительности в настоящем, а не моментальный результат действия. Тем не менее мы считаем, что автор умело компенсирует этот оттенок значения дальнейшим глаголом *опоясались*, который, будучи переведенным в прошедший временной план, показывает чистую результативность и сохраняет интенцию автора оригинала. Перевод *се спрели* как *стоят* также соответствует статальному перфекту, однако компонент результативности здесь потерян полностью из-за настоящего времени, которое в русском языке обозначает исключительно продолжительность действия.

Каква мъгла, какъв гъстък думан беше паднал оная есен във Втрени! Влажно, мокро; ситен дъжд пръска, небето се разтопило на студена пара и премазало ниските къщици на селото. А из разкаляната улица глъчка, шум, върволяк. Файтони, запрегнати с дръгливи коне, волски кола, натоварени с военни потреби, селяни возачи, добитък – запрещат улицата между двете ханчета. (И. Вазов. Иде ли?)

Какой густой, тяжелый туман нависъ въ эту осень надъ Вѣтреномъ. Мокро, сыро; мелкій дождь льеть, не переставая; небо обратилось въ холодный туманный покровъ, нависшии надъ низенькими избушками села. А на залитой грязью улицѣ – шумъ, крикъ, суета. Фаятоны, съ запреженными въ нихъ неприученными лошадыми, тяжелыя воловыи телѣжи, нагруженныя разными военными припасами, крестьяне-ямички, деревенскій скоть – все это въ страшномъ безпорядкѣ толпится на улицѣ между двумя корчмами. (Перевод И. К.)

Перевод произведения, из которого взят отрывок, на русский язык был произведен в 1902 году. Стиль текста – художественный, отрывок является повествованием о фоновых событиях (состояние природы, городской быт), наблюдаемых главным героем одновременно, цельно. Так же как и в предыдущем примере, происходит переход из прошедшего временного плана (который в данном случае выражен статальным плюсквамперфектом) в настоящий. Аналогично два вхождения перфекта констатации состояния вписаны в повествование в настоящем времени.

В русском переводе *се разтопило* выражен с помощью глагола совершенного вида в прошедшем времени *обратилось*, который скорее отвечает характеристика статального перфекта из-за ярко выраженного компонента длительности, усиленного словосочетанием *туманный покровъ*, которое обозначает продолжительное погодное явление. Глагол *премазало* передан причастием в прошедшем времени *нависшии*, которое в силу приставки *на-*, имеющей модификацию «распространение действия на весь субъект»⁸, осложняет чисто результативный компонент, уводя его в область акционности.

Съвсем неочаквано той ми завъртя такъв плесник, че маргаритката на лявото ми ухо – както по-късно разбрах – хвъркнала чак до плювалника. В следния миг аз го ритнах с все сила с коляното си по мекия корем. Той дори не писна, само се превеи надве. (П. Вежинов. Прощесть)

Тут он вдруг влепил мне такую пощечину, что моя маргаритка с левого уха отлетела к плевательнице. Секунду спустя я изо всей силы пнула его коленом под живот. Он даже не пикнул, лишь согнулся пополам. (Перевод Р. Белло)

Стиль текста – художественный, отрывок является повествованием о событиях первого плана (сменяющие друг друга действия). Все глаголы употреблены в аористе – классическом времени для передачи цепочки событий в прошлом.

Данный отрывок взят из примеров А. Левин-Штайнманн к так называемому имперцептиву – эвиденциалу, выражающему восстановление хода событий по наличествующим следам. В отличие от конклюдива, по мнению исследователя, имперцептив подразумевает временную невозможность засвидетельствовать действие в моменте, однако субъект действия при этом присутствует. В классической болгаристике имперцептив не выде-

ляется, в связи с чем мы приняли решение рассмотреть данный пример в качестве перфекта констатации состояния: в процессе драки маргаритка оказывается на расстоянии от своего владельца, не участвует в событиях первого плана, но предстает в качестве результата действий персонажей. Передача *хвъркнала* глаголом совершенного вида в прошедшем времени *отлетела* представляется нам удачной: приставка является «пустой», то есть дающей модификацию однократности действия, не осложняет семантику лексической единицы, на первый план выходит компонент результативности, а не продолжительности или процесса совершения действия.

Стоян се качи на каруцата, наведе се да си вземе детенцето, но отведнаж уплашен се изправи.

– Господи!

Ръцете му се отпуснаха като отсечени и удариха като бухалки по бедрата му. – Още едно дете... Някой ми оставил още едно дете. Брей, хора, чие е това дете, бе!

– Ах, Стояне, ох, Божичко! – завика Пена и се покачи на каруцата. (Е. Пелин. Сиромашка радост)

Стоян перегнулся через край, чтобы взять ребенка, и выпрямился в испуге: – Господи!..

Руки его упали, как подрубленные, и шлепнулись о бедра.

– Еще один ребенок... Подбросили еще одного ребенка. Эй, люди, чей это младенец, а?..

– Ах, Стояне, ох, божичко!.. – вскрикнула Пена и полезла в бричку. (Перевод С. Займовского, 1948)

Стоян поднялся на нее, хотел было взять ребенка, но вдруг отпрянул в испуге. – Господи!

Руки у него так и упали, повиснув вдоль бедер.

– Еще один... Кто-то мне второго подкинул. Люди добрые, чей же он?

– Ох, Стоян, ох, господи Иисусе! – запричитала Пена, влезая в телегу. (Перевод И. Воробьевой и Н. Толстого, 1962)

К данному примеру нам повезло найти два перевода, сделанных приблизительно в один и тот же период. Стиль текста – художественный, отрывок является повествованием о событиях первого плана (сменяющие друг друга действия) с вкраплением диалогической речи. Последовательность событий от лица автора выражена аористом, фразы персонажей в диалогах переданы в настоящем времени с использованием перфекта констатации состояния (*оставил*).

В данном примере перфект констатации состояния похож на адмиратив, который выражает удивление от факта несоответствия ожиданий субъекта действительности. Главный герой не ожидал увидеть на крыльце ничего необычного, однако увидел подброшенного младенца. Однако, для того чтобы назвать данный случай адмиративом, не хватает компонента моментальности действия и экспрессии, свойственной данному наклонению. Вероятно, именно такие примеры натолкнули Р. Ницолову на мысль о том, что перфект констатации состояния является основой для ренарратива и адмиратива [8: 296].

Оба перевода представлены глаголами совершенного вида в прошедшем времени с пустыми приставками, не осложняющими чистую результативность. Мы считаем, что оба перевода являются примерами удачной передачи перфекта констатации состояния на русский язык.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного нами исследования можно сделать ряд выводов относительно статуса перфекта констатации состояния в болгарском языке и его эквивалентах в русском.

Перфект констатации состояния совмещает в себе характеристики свидетельского перфекта и несвидетельского ренарратива, для которого свойственно выпадение глагола-связки в 3Sg/Pl. Близость к вышеупомянутому наклонению позволяет перфекту констатации состояния удачно оформлять события фона в тексте, при этом не встраиваясь в динамическое повествование. Таким образом, перфект констатации состояния можно рассматривать в качестве промежуточного звена между свидетельскими

и несвидетельскими формами, поскольку на морфологическом уровне наблюдается сближение с ренарративом, а на уровне текста можно обнаружить свидетельские действия (в качестве свидетеля выступают актанты соответствующих отрывков при непосредственном или «затекстовом» присутствии), которые, однако, отодвигаются на второй план.

Основной компонент исследуемой нами структуры – это результативность, которая не должна быть совмещена с продолжительностью действия в настоящем или процессом его совершения в прошлом: благодаря этому действие воспринимается целостно, фотографически, в моменте. Результативность часто сопровождается художественное описание фоновых явлений и находится в окружении глаголов настоящего времени, благодаря которым реализуется в качестве не дпящегося действия, но результата какого-либо нерелевантного процесса в прошлом.

На русский язык перфект констатации состояния может быть переведен глаголами совершенного вида в прошедшем времени, обладающими чистой результативностью, то есть не отягощен-

ными модифицирующими значениями от приставок или не имеющими подобную имплицитную семантику. Наиболее удачными нам кажутся случаи передачи исследуемой структуры глаголами с пустой приставкой. Не менее важно отметить, что в доступном эмпирическом материале не было найдено примеров переводов перфекта констатации состояния краткими причастиями, хотя эта форма является, по нашему мнению, перспективной. Контекст также не оказался значимым фактором при передаче на русский язык: лишь в одном случае была зафиксирована компенсация утраченной семантики в рамках переводческой трансформации.

Статус перфекта констатации состояния в болгарском языке требует детализации и уточнения, что представляет собой широкое поле для исследований, однако минимальное количество эмпирического материала является существенной трудностью при выполнении данной задачи. Из-за вышеупомянутой проблемы вопрос эквивалентных перфекту констатации состояния единиц в русском языке также требует более тщательного анализа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Цонев Б. Опрѣдѣлени и неопрѣдѣлени форми в български език. София: Придворна печатница, 1911. 18 с.
- ² Впервые об оппозиции по стательности (результативности) / акционности написал исследователь П. Пашов в своей работе «Българските глаголни времена (за основните им значения и онагледяването им със схеми)» (1975).
- ³ Ренарратив (репортазив), дубитатив.
- ⁴ Адмиратив (миратив).
- ⁵ Напомним, что ранее автор утверждал, что отсутствие глагола-связки означает большую дистанцию от информации, чем его наличие [3].
- ⁶ Кузина М. В. Средства выражения результативности действия в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. 23 с.
- ⁷ Полное имя автора неизвестно в связи с давностью перевода – 1902 год.
- ⁸ Кузина М. В. Указ. соч. С. 10.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрейчин Л. Грамматика болгарского языка. / Пер. с болг. и словарь В. В. Бородич; Под ред. акад. Н. С. Державина. М.: Изд-во иностр. лит., 1949. 496 с.
2. Козинцева Н. А. Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвистических исслед. РАН; Отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 13–36.
3. Макарецев М. М. Эвиденциальность в пространстве балканского текста. СПб.: Нестор-История, 2013. 444 с.
4. Профатилова С. М., Балабаева Ю. Е. Средства выражения значений эвиденциальности в разноструктурных языках // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 1 (36). С. 249–259.
5. Андрейчин Л. Основна българска граматика. София: Хемусъ, 1944. 560 с.
6. Андрейчин Л. По въпроса за испускането на спомагателния глагол е, са в минало неопределено време и в съставно именно сказуемо // Български език. 1974. № 6. С. 536–538.
7. Грицкат И. О перфекту без помоћног глагола у српскохрватском језику и сродним синтаксичким појавама. Белград, 1954. 234 с.
8. Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2008. 523 с.
9. Станков В. Категории на индикатива в съвременния български език // Български език. 1967. № 17. С. 330–344.
10. Стоянов С. Грамматика на съвременния български език: 3 т. Т. 2: Морфология. София: Издателство на Българската академия на науките, 1983. 511 с.
11. Fielder G. E. A phoenix from the ashes: The resurrection of the Bulgarian perfect // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 2003. № 44/45. P. 1–19.

12. Fielder G. E. Narrative perspective and the Bulgarian I-participle // *Slavic and East European Journal*. 1995. № 39. P. 585–600.
13. Fielder G. E. Questioning the dominant paradigm: An alternative view of the grammaticalization of the Bulgarian evidential // *Of all the Slavs my favorites: In honor of Howard I. Aronson*. (V. A. Friedman, D. L. Dyer, Eds.). 2001. № 12. P. 1–31.
14. Friedman V. A. Admirativity and confirmativity // *Zeitschrift für Balkanologie*. 1981. № 17. P. 12–28.
15. Friedman V. A. Hunting the elusive evidential: The third-person auxiliary as a boojum in Bulgarian // *Of all the Slavs my favorites: In honor of Howard I. Aronson*. (V. A. Friedman, D. L. Dyer, Eds.). 2001. № 12. P. 203–230.
16. Levin-Steinmann A. Die Legende vom bulgarischen Renarrativ. Bedeutung und Funktionen der kopulalosen I-Periphrase // *Slavistische Beiträge*. 2004. № 437. 382 S.

Поступила в редакцию 08.07.2024; принята к публикации 02.12.2024

Original article

Dmitry I. Luchaev, Lecturer, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)
luchdmmslu@gmail.com

SEMANTICS OF THE STATIVE PERFECT IN THE BULGARIAN LANGUAGE: COMPARATIVE AND TRANSLATION ASPECTS

Abstract. The purpose of the study is to determine the scope of meanings of the stative perfect in the Bulgarian language and to identify its equivalence to the corresponding categories in the Russian language at the interlingual and translation levels. The hypothesis of the study is that the stative perfect can be an intermediate link between the indicative perfect and non-evidential forms in the Bulgarian language and has no full equivalents in Russian. Through the comparative analysis the paper examines passages from fiction containing the above-mentioned form and their translations into Russian. The findings lead to a conclusion on the non-equivalence of the stative perfect in relation to the Russian language. The paper also presents a set of grammatical forms with similar semantics. The results of the study can be used both for further research in this area and as ready-made translation strategies when working with Bulgarian texts.

Key words: comparative analysis, equivalence, translation, Bulgarian language, Russian language, stative perfect, evidentiality, 3Sg/Pl copular verb omission, resultativeness

For citation: Luchaev, D. I. Semantics of the stative perfect in the Bulgarian language: comparative and translation aspects. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(1):65–72. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1130

REFERENCES

1. Andreichin, L. Bulgarian grammar. Moscow, 1949. 496 p. (In Russ.)
2. Kozintseva, N. A. Typology of the category of evidentiality. *Evidentiality in the languages of Europe and Asia: Collection of articles in memory of Natalia Andreyevna Kozintseva*. (V. S. Khrakovsky, Ed.). St. Petersburg, 2007. P. 13–36. (In Russ.)
3. Makartsev, M. M. Evidentiality in the space of Balkan text. St. Petersburg, 2013. 444 p. (In Russ.)
4. Profatilova, S. M., Balabaeva, Yu. E. Means of expressing evidentiality in languages with different structures. *Theory of Language and Intercultural Communication*. 2020;1(36):249–259. (In Russ.)
5. Андрейчин, Л. Основна българска граматика. София, 1944. 560 с.
6. Андрейчин, Л. По въпроса за изпускането на спомагателния глагол е, са в минало неопределено време и в съставно именно сказуемо. *Български език*. 1974;6:536–538.
7. Грицкат, И. О перфекту без помоћног глагола у српскохрватском језику и сродним синтаксичким појавама. Белград, 1954. 234 с.
8. Ницолова, Р. Българска граматика. Морфология. София, 2008. 523 с.
9. Станков, В. Категории на индикатива в съвременния български език. *Български език*. 1967;17:330–344.
10. Стоянов, С. Граматика на съвременния български език: 3 т. Т. 2: Морфология. София, 1983. 511 с.
11. Fielder, G. E. A phoenix from the ashes: The resurrection of the Bulgarian perfect. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 2003;44/45:1–19.
12. Fielder, G. E. Narrative perspective and the Bulgarian I-participle. *Slavic and East European Journal*. 1995;39:585–600.
13. Fielder, G. E. Questioning the dominant paradigm: An alternative view of the grammaticalization of the Bulgarian evidential. *Of all the Slavs my favorites: In honor of Howard I. Aronson*. (V. A. Friedman, D. L. Dyer, Eds.). 2001. No 12. P. 1–31.
14. Friedman, V. A. Admirativity and confirmativity. *Zeitschrift für Balkanologie*. 1981;17:12–28.
15. Friedman, V. A. Hunting the elusive evidential: The third-person auxiliary as a boojum in Bulgarian. *Of all the Slavs my favorites: In honor of Howard I. Aronson*. (V. A. Friedman, D. L. Dyer, Eds.). 2001. No 12. P. 203–230.
16. Levin-Steinmann, A. Die Legende vom bulgarischen Renarrativ. Bedeutung und Funktionen der kopulalosen I-Periphrase. *Slavistische Beiträge*. 2004. No 437. 382 S.

Received: 8 July 2024; accepted: 2 December 2024

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА МОСЯГИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии факультета иностранных языков Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (Саранск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-7481-8978; mmashamos@yandex.ru

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЗАГОЛОВКАХ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИАДИСКУРСА

Аннотация. Анализируется метафорическое отображение идентичности в заголовках англоязычного медиадискурса, особое внимание уделяется метафорическим моделям с доменом цели IDENTITY. Актуальность темы обусловлена растущим интересом к изучению медиа как мощного инструмента формирования общественного сознания и конструирования социально значимых концептов, таких как идентичность. Целью исследования является выявление и систематизация метафорических моделей, используемых для представления идентичности в заголовках англоязычных медиа. Применяются методы когнитивного анализа и лингвистической интерпретации медиатекстов. Исследовательский корпус включает 47 заголовков из ведущих англоязычных изданий, отобранных на основе их популярности и влияния (The Guardian и The Independent). Результаты исследования показывают, что идентичность часто метафорически представляется через образы маски, путешествия, потери, здания и территории, что отражает динамичный и многослойный характер данного концепта в медиадискурсе. Основные выводы заключаются в том, что метафоры играют ключевую роль в формировании восприятия идентичности читателями, в рамках медиадискурса активно используются метафорические модели для манипуляции общественным мнением. Данное исследование вносит вклад в лингвистику медиадискурса и когнитивную лингвистику, углубляя понимание роли метафоры в современном медиапространстве.

Ключевые слова: метафора, метафорическая модель, исходный домен, целевой домен, идентичность, медиадискурс

Для цитирования: Мосягина М. С. Метафорическое представление идентичности в заголовках англоязычного медиадискурса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 1. С. 73–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1131

ВВЕДЕНИЕ

Метафорический принцип моделирования мира представляет собой центральный компонент когнитивной лингвистики, открывающий уникальные горизонты для осмысления того, как человеческий разум понимает и интерпретирует окружающую действительность. В рамках данного подхода подчеркивается роль метафор в формировании концептуальных структур, которые лежат в основе понимания реальности. По мнению профессора Рэймонда Гиббса, метафорическое мышление является неотъемлемой частью познания и существенно влияет на то, как человек понимает и взаимодействует с миром [9: 9]. Метафоры позволяют переносить свойства одного понятия на другое, создавая новые способы видения и понимания окружающей действительности. Они воздействуют на воспри-

ятие благодаря точности сравнений и глубине ассоциаций [4: 57].

Метафора как средство познания и коммуникации не только структурирует мышление [6: 198], [16: 27], но и отражает этнические и культурные особенности народов [3], что свидетельствует о культурном аспекте метафорического мышления. Различные культуры интерпретируют одни и те же объекты действительности по-разному, создавая уникальные метафорические образы, которые отражают их исторический, социальный и культурный контекст [12: 101].

Согласно концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона [13], концептуальные метафоры представляют собой системные соответствия между двумя концептуальными областями – исходными (source) и целевыми (target) доменами. Соответственно, метафора формируется как продукт вза-

имодействия двух ментальных пространств [2: 2579]. Одна концептуальная область (источник) структурирует или организует другую концептуальную область (цель), что позволяет понимать и описывать абстрактные или сложные концепты через более конкретные и знакомые области опыта.

Одним из распространенных и значимых целевых доменов в медиадискурсе является IDENTITY. Данный домен охватывает широкий спектр понятий и представлений, связанных с личной и коллективной самобытностью, культурными и национальными принадлежностями. Идентичность как концепт часто становится объектом метафоризации, поскольку она представляет собой сложное и многогранное явление, требующее осмысления через более конкретные и понятные образы.

Медиадискурс как один из основных каналов массовой информации и коммуникации играет ключевую роль в распространении и закреплении метафорических представлений [5], [7], [8]. Средства массовой информации не только транслируют культурные метафоры, но и активно участвуют в их формировании и адаптации, в связи с чем метафоры становятся частью повседневного языка и мышления, оказывая влияние на восприятие реальности [10], [15]. В рамках современного медиадискурса метафоры действуют как когнитивные инструменты, способствующие трансформации абстрактных идей в конкретные образы, что облегчает их восприятие и интерпретацию для широкой аудитории. В контексте медиадискурса метафоры играют ключевую роль в конструировании социальных идентичностей. Метафоры в дискурсе СМИ служат инструментами, которые влияют на формирование идентичностей и стереотипов в общественном сознании [17: 17]. Идентичность включает в себя множество аспектов, таких как личностная, социальная, культурная и национальная идентификация. В условиях глобализации и культурных изменений идентичность становится ключевой темой в медиадискурсе, отражая напряжение между традициями и современными вызовами.

Для анализа метафорических средств воспроизводства идентичности в британском медиадискурсе были отобраны 47 заголовков ведущих британских газет за период с 2020 по 2024 год. Заголовки статей как наиболее концентрированные формы журналистского текста являются мощным инструментом воздействия на общественное сознание. Заголовки, содержащие метафоры, чаще привлекают внимание и вызывают инте-

рес, что подталкивает к дальнейшему прочтению статьи [14: 1650]. Данный факт объясняется тем, что метафоры в тексте заголовка создают сильные когнитивные образы, которые быстро воспринимаются и запоминаются читателями. Источниками данных стали ведущие британские газеты – The Guardian¹ и The Independent². Методология исследования включает анализ метафорических моделей с использованием методов когнитивного анализа и лингвистической интерпретации медиатекстов. Особое внимание уделено выявлению доминирующих метафорических моделей и их влияния на восприятие идентичности.

* * *

В заголовках британских СМИ используются различные метафорические модели для представления идентичности, каждая из которых выполняет специфические функции в контексте медиадискурса и конструирует определенные образы идентичности. Метафоры в заголовках вызывают эмоциональный отклик, что делает их особенно эффективными в привлечении внимания аудитории [11]. Идентичность выступает как конечный результат метафорического процесса, который может быть описан через различные образы и концепты.

Одной из самых распространенных метафорических проекций идентичности является модель IDENTITY IS A MASK, которая используется в медиадискурсе для описания явлений, связанных с личной и коллективной идентичностью. Данная метафора подразумевает, что идентичность может быть скрыта или изменена в зависимости от контекста и что внешнее проявление личности или группы не всегда отражает их истинную сущность. Метафоризация маски используется, чтобы подчеркнуть, что многие молодые люди в Британии скрывают свою настоящую идентичность, тем самым отмечается существование двух уровней идентичности: внешнего, который видят окружающие, и внутреннего, который может быть скрыт. Метафоризация маски в заголовке «*Behind the shell: the hidden identities of Britain's youth*» осуществляется через использование лексемы *shell*, которая символизирует внешнюю защиту / оболочку, скрывающую истинные идентичности молодежи Британии. В этом контексте маска – символ давления общества и ожидания, которые заставляют молодежь скрывать свои настоящие чувства и убеждения. Подобную идею передает заголовок «*Alter egos: the new faces of identity in the digital age*», акцентирующий внимание на двойственности людей в цифровую эпоху и конфликте между внешним образом и внутренним «я», что особенно

актуально в условиях современного общества, где социальные сети и публичный имидж играют большое значение. Лексема *unveil* помогает построить метафорическую модель, обозначая акт раскрытия истины или истинной сущности: «*Unveil the true self and find a journey into authenticity*». В заголовке эффективно используется метафорический образ для передачи идеи снятия маски для раскрытия истинного «я» и освобождения от внешних фасадов для достижения подлинности и аутентичности.

Культурные идентичности также могут быть скрыты под влиянием стереотипов и предвзятых мнений. В заголовке «*Camouflaged cultural identities: the face of modern Britain*» метафоризация осуществляется через использование лексемы *camouflaged*, которая символизирует скрытие или маскировку. Это помогает создать метафорическую модель, в которой культурные идентичности представлены как скрытые или замаскированные, что затрудняет их распознавание в современном обществе. В рамках данной метафорической модели национальная идентичность рассматривается через призму «фасада», где национализм выступает в роли внешней оболочки или маски, представляющей определенные идеалы и ценности: «*The facade of nationalism*».

Политические лидеры и знаменитости носят маски для создания определенного имиджа. Заголовок «*How leaders cover their public identities*» затрагивает тему подлинности и искренности политических лидеров. Метафорический образ вербализован с помощью лексемы *cover* и обозначает процесс скрытия или маскировки истинной сущности лидеров. Некоторые авторы проводят аналогию, чтобы подчеркнуть, что знаменитости, подобно актерам, используют свои публичные образы как маскировку (*disguise*). Это сравнение помогает читателю понять, что за внешним блеском и тщательно созданными публичными образами может скрываться личность, далекая от идеализированного представления. Заголовок «*The disguise of fame: how celebrities use public personas to hide their true selves*» обращает внимание на использование знаменитостями искусственных образов для формирования и поддержания публичного имиджа перед своими поклонниками.

Таким образом, идентичность рассматривается как маска, которую можно надевать и снимать, что подчеркивает многообразие и изменчивость личностных и социальных ролей.

Метафорическая модель IDENTITY IS A JOURNEY представляет идентичность как про-

цесс, подразумевая движение, развитие и исследование. Посредством метафоризации подчеркивается, что идентичность не является статичной и неизменной, а представляет собой динамичный процесс, включающий различные этапы и трансформации.

Заголовок «*The adventure of self-discovery: how identity evolves over time*» посредством метафоризации акцентирует внимание на процессе самопознания как путешествии и вызывает ассоциации с самосовершенствованием, подчеркивая, что идентичность не является статичной, а развивается через опыт и самоисследование.

Посредством метафорического представления национальная идентичность может быть представлена как долгий и сложный путь: «*The long exploration of national identity*», «*Cultural crossroads: navigating identity of modern Britain*», «*From heritage to horizons: tracing the national identity*». Метафоры служат для передачи идеи о том, что формирование национальной идентичности представляет собой трудный и продолжительный процесс. Лексемы *exploration*, *crossroad* и *trace*, используемые для описания пути, по которому движется человек или сообщество, помогают читателям представить и понять, как национальная идентичность формируется, изменяется и развивается.

Национальная идентичность трансформируется, опираясь на прошлое и устремляясь в будущее. Британская идентичность находится в состоянии постоянного движения и эволюции, отражая изменения в социальной, культурной и политической сферах, что отражено в заголовке «*Identity in transit: exploring the evolving British experience*».

Метафорическая модель IDENTITY IS LOSS предлагает интересный и многослойный подход к пониманию концепта идентичности. В этой модели идентичность рассматривается через призму потери, что позволяет исследовать, как изменения, утраты и трансформации влияют на ощущение собственного «я» и коллективной идентичности. Потеря часто описывается через метафоры пустоты, отсутствия или исчезновения, что позволяет представить идентичность как нечто, что может быть утрачено или разрушено: «*Morrissey blames immigration for 'disappearance' of British identity*». Идентичность может быть утрачена вследствие определенных социальных и политических процессов, в вышеприведенном заголовке певец Моррисси обвиняет иммиграцию в исчезновении британской идентичности. Он утверждает, что из-за роста мультикультурализма Великобритания утрачивает свои национальные особенности.

Метафорика крушения может передавать идею о том, что отсутствие языка как ключевого элемента, поддерживающего идентичность, приводит к ее утрате: «*The downfall of indigenous languages and its impact on community identity*». Метафорическое представление используется для выражения неразрывной связи между коренными языками и культурной идентичностью, подчеркивая, что утрата языка ведет к утрате культурной самобытности.

Заголовок «*Britain's identity crisis: what we've lost out*» метафорически описывает состояние национальной идентичности Британии через призму потери, используя лексему *lose out* и напрямую вербализуя концепт утраты, подчеркивая значимость и тяжесть утраты культурных и социальных аспектов, составляющих идентичность. Посредством метафорической проекции удастся подчеркнуть важность проблемы и обратить внимание на необходимость сохранения национальной идентичности.

Метафорика утраты выражает идеи распада национальной идентичности, но одновременно акцентирует внимание на необходимости противоположного процесса – поиска и восстановления национальной сплоченности: «*Dissolution of identity: the quest for national cohesion*». Идентичность представляется как нечто, что можно и необходимо вернуть, это демонстрирует ее значимость и ценность. Метафорическая проекция помогает создать комплексное восприятие проблемы.

Заголовок «*The theft of cultural identity in the modern world*» представляет идентичность как объект, который можно украсть, что подчеркивает ее уязвимость и ценность, а также обращает внимание на внешние угрозы, способные привести к ее утрате.

Метафорическая модель IDENTITY IS A BUILDING часто используется в англоязычном медиадискурсе для описания идентичности как структуры, которую можно строить, укреплять или разрушать. Лексема *land* может метафорически использоваться для обозначения здания или территории, представляя собой физическое пространство, принадлежащее нации или сообществу: «*A land divided: the fragmentation of British identity in the Brexit era*». Посредством символической проекции³ описывается разделенность британского общества в период Брексита. Разногласия вокруг Брексита интерпретируются как раскол внутри здания, что подчеркивает разрушение единства национальной идентичности.

Лексемы *foundation* и *pillars* широко используются для метафорического представления

идентичности как здания, формируя образы стабильности, устойчивости и поддержки. В заголовках «*Brexit and the crumbling foundation of British identity*», «*How Brexit undermined the pillars of British identity*» британская идентичность, которая была разрушена Брекситом, представляется метафорически. В рамках рассматриваемой метафорической модели здание символизирует устойчивую и цельную идентичность, которая подверглась сильным изменениям и разрушениям из-за политических событий.

Метафорическая модель IDENTITY IS A BUILDING находит экспликацию в медиадискурсе через лексему *cornerstone* (краеугольный камень), которая репрезентует фундаментальные элементы, на которых строится национальная идентичность: «*The cornerstone of British identity shaken by Brexit*». Данная метафора подчеркивает важность базовых ценностей и традиций для британской идентичности.

Заголовок «*Finding a home for your identity*» реализует метафорическую проекцию IDENTITY IS A BUILDING, где дом метафорически представляет собой пространство, необходимое для развития и укоренения идентичности. Метафорика дома вызывает у читателей ассоциации с безопасностью и принадлежностью, подчеркивая важность нахождения комфортного и поддерживающего окружения для своей идентичности.

Использование метафорической проекции помогает читателям визуализировать и лучше понять абстрактные концепции, связанные с идентичностью. Это особенно важно в контексте политических и социальных изменений, когда идентичность нации или группы людей находится под угрозой или в процессе трансформации.

Метафорические модели не существуют изолированно и могут накладываться друг на друга [1: 53]. Так, идентичность может переосмыслиться посредством метафорики территории и ее объектов в рамках модели IDENTITY IS A TERRITORY. В обеих моделях (IDENTITY IS A BUILDING и IDENTITY IS A TERRITORY) идентичность представлена через концепцию пространства, подчеркнута необходимость его защиты и развития.

Культурная идентичность может быть представлена как некая территория, имеющая свои границы, которые можно исследовать и расширять: «*Exploring the boundaries of cultural identity*». Лексема *boundary* в форме множественного числа помогает построить метафорическую модель, представляя идентичность как территорию с четко очерченными границами.

Метафоризация заголовка «*Redefining the ground of national identity in a changing world*» заключается в представлении национальной идентичности как физической почвы или основы. Лексема *ground* помогает перенести концепт идентичности в плоскость осязаемой территории, что делает абстрактное понятие более конкретным и визуально понятным.

Таким образом, лексемы служат средствами вербализации метафорических моделей идентичности, выполняют ключевую роль в их интерпретации и способствуют формированию наглядного представления абстрактных концепций. В таблице представлены лексемы, которые отражают различные аспекты выявленных метафорических моделей и обеспечивают реализацию метафорических проекций идентичности, способствуя более глубокому осмыслению и интерпретации домена цели.

Метафорические модели и лексемы, вербализующие домен цели IDENTITY
Metaphorical models and lexemes verbalizing the target domain IDENTITY

Метафорическая модель	Лексемы, вербализующие домен цели
IDENTITY IS A MASK	disguise, facade, unveil, cover, camouflage, shell, alter ego
IDENTITY IS A JOURNEY	adventure, path, exploration, expedition, crossroad, trace, transit, quest, road
IDENTITY IS LOSS	disappearance, downfall, lose out, dissolution, theft, decline
IDENTITY IS A BUILDING	home, house, foundation, heart, pillars, cornerstone, walls
IDENTITY IS A TERRITORY	territory, land, domain, realm, ground, boundaries

ВЫВОДЫ

В результате проведенного анализа заголовков британских газет за 2020–2024 годы были выделены различные метафорические модели для описания идентичности, каждая из которых помогает представить это сложное понятие через понятные и знакомые образы. Наиболее частотными являются пять основных метафорических моделей: IDENTITY IS A MASK, IDENTITY IS A JOURNEY, IDENTITY IS LOSS, IDENTITY IS A BUILDING и IDENTITY IS A TERRITORY, используемых для представления идентичности в медиадискурсе.

Метафоры, отмеченные в заголовках газет, существенно влияют на восприятие читателями концепта идентичности. Они помогают структурировать сложные абстрактные идеи в более понятные и доступные образы, что способствует лучшему пониманию и эмоциональному отклику.

Метафоры могут акцентировать внимание на различных аспектах идентичности – ее динамичности, вариативности, изменчивости, важности и развитии. Наличие разнообразных метафорических моделей свидетельствует о том, что идентичность не является статичной, а представляет собой динамичный и изменчивый процесс, который развивается под воздействием различных факторов. Кроме того, данное многообразие концептуальных метафор, вербализирующих идентичность, свидетельствует об отсутствии однопланового осмысления концепта идентичности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ The Guardian. 2020–2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения 01.05.2024).
- ² The Independent. 2020–2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/> (дата обращения 01.05.2024).
- ³ Символическая проекция передает схожий принцип переноса значений и ассоциаций, где образ «разделенной земли» служит символом общественного раскола. Великобритания представляется не только как территория, но и как единство, подвергшееся разделению, что акцентирует внимание на политических и социальных противоречиях, вызванных Брекзитом, а также на утрате целостности национальной идентичности, передавая внутреннее напряжение в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буданова А. А. Метафора как средство осмысления и вербализации кризисных межличностных отношений в современной англоязычной культуре // Этнопсихоллингвистика. 2021. № 1 (4). С. 46–64. DOI: 10.31249/epl/2021.01.03
2. Дубровская В. В., Кабанова И. Н., Ромашкина Т. С. Метафорические модели, репрезентирующие концепт ЛЮБОВЬ в английском и испанском песенном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 16 (8). С. 2577–2582. DOI: 10.30853/phil20230404
3. Козлова Л. А. Национально-культурная специфика метафоры и способы ее манифестации в тексте // Филология и человек. 2015. № 1. С. 36–46.
4. Малагин Д. В., Курбанов И. А. Метафорическое моделирование образа президента США Джо Байдена в англоязычном политическом медиадискурсе // Вестник Северного (Арктического) федераль-

- ного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. № 23 (6). С. 55–65. DOI: 10.37482/2687-1505-V305
5. Berger A. A. *Media and communication research methods: An introduction to qualitative and quantitative approaches*. SAGE Publications, Inc., 2020. 488 p.
 6. Bowdle B. F., Gentner D. The career of metaphor // *Psychological Review*. 2005. № 112 (1). P. 193–216. DOI: 10.1037/0033-295x.112.1.193
 7. Carston R. Metaphor and the literal/nonliteral distinction // *Cambridge handbook of pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 469–492. DOI: 10.1017/CBO9781139022453.025
 8. Fortner R. S., Fackler P. M. *The handbook of media and mass communication theory*. John Wiley & Sons, Inc., 2014. 1008 p.
 9. Gibbs R. W. *The Cambridge handbook of metaphor and thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 550 p. DOI: 10.1017/CBO9780511816802
 10. Glucksberg S. Beyond literal meanings: The psychology of allusion // *Psychological Science*. 1991. № 2. P. 146–152. DOI: 10.1111/j.1467-9280.1991.tb00122.x
 11. Joseph R., Liu T., Ng A. B., See S., Rai S. NewsMet: A ‘do it all’ dataset of contemporary metaphors in news headlines // *Findings of the Association for Computational Linguistics: EACL 2023*. Stroudsburg, 2023. P. 10090–10104. DOI: 10.18653/v1/2023.findings-acl.641
 12. Kövecses Z. *Metaphor and emotion: Language, culture, and body in human feeling*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 242 p.
 13. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 256 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226470993.001.0001
 14. Mousoulidou M., Taxitari L., Christodoulou A. Social media news headlines and their influence on well-being: Emotional states, emotion regulation, and resilience // *European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education*. 2024. № 14 (1). P. 1647–1665. DOI: 10.3390/ejihpe14060109
 15. Semino E. *Metaphor in discourse*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 244 p.
 16. Steen G. J. The contemporary theory of metaphor – now new and improved! // *Review of Cognitive Linguistics* (published under the auspices of the Spanish Cognitive Linguistics Association). 2011. № 9 (1). P. 26–64. DOI: 10.1075/rc1.9.1.03ste
 17. Van Dijk T. A. Discourse, ideology and context // *Folia Linguistica*. 2006. № 35 (1-2). P. 11–40. DOI: 10.1515/flin.2001.35.1-2.11

Поступила в редакцию 08.07.2024; принята к публикации 02.12.2024

Original article

Maria S. Mosyagina, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Ogarev National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-7481-8978; mmashamos@yandex.ru

METAPHORICAL REPRESENTATION OF IDENTITY IN THE HEADLINES OF ENGLISH-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE

Abstract. This study analyses the metaphorical representation of identity in the headlines of English-language media discourse, with particular emphasis on metaphorical models with the target domain IDENTITY. The relevance of the topic is driven by the growing interest in studying media as a powerful tool for shaping public consciousness and constructing socially significant concepts, such as identity. The aim of the research is to identify and systematize the metaphorical models used to represent identity in the headlines of English-language media. Cognitive analysis and linguistic interpretation of media texts are employed in this study. The research corpus includes 47 headlines from leading English-language publications (*The Guardian* and *The Independent*), selected based on their popularity and influence. The findings of the study show that identity is often metaphorically represented through images of a mask, journey, loss, building, and territory, reflecting the dynamic and multi-layered nature of this concept in media discourse. The main conclusions are that metaphors play a key role in shaping readers’ perception of identity and that media discourse actively uses these metaphorical models to manipulate public opinion. This study makes a contribution to media discourse linguistics and cognitive linguistics, deepening the understanding of the role of metaphor in contemporary media space.

Key words: metaphor, metaphorical model, source domain, target domain, identity, media discourse

For citation: Mosyagina, M. S. Metaphorical representation of identity in the headlines of English-language media discourse. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(1):73–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1131

REFERENCES

1. Budanova, A. A. Metaphor as a means of conceptualizing of problematic interpersonal relations in modern English-speaking culture. *Ethnopsycholinguistics*. 2021;4(4):46–64. DOI: 10.31249/epl/2021.01.03 (In Russ.)

2. Dubrovskaya, V. V., Kabanova, I. N., Romashkina, T. S. Metaphoric models representing the LOVE concept in the English and Spanish song discourse. *Philology. Theory & Practice*. 2023;16(8):2577–2582. DOI: 10.30853/phil20230404 (In Russ.)
3. Kozlova, L. A. The national-cultural specificity of metaphor and the means of its manifestation in the text. *Philology & Human*. 2015;1:36–46. (In Russ.)
4. Malagin, D. V., Kurbanov, I. A. Metaphorical representation of the image of US president Joe Biden in the English-language political media discourse. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2023;23(6):55–65. DOI: 10.37482/2687-1505-V305 (In Russ.)
5. Berger, A. A. Media and communication research methods: An introduction to qualitative and quantitative approaches. SAGE Publications, Inc., 2020. 488 p.
6. Bowdle, B. F., Gentner, D. The career of metaphor. *Psychological Review*. 2005;112(1):193–216. DOI: 10.1037/0033-295x.112.1.193
7. Carston, R. Metaphor and the literal/nonliteral distinction. *Cambridge handbook of pragmatics*. Cambridge, 2012. P. 469–492. DOI: 10.1017/CBO9781139022453.025
8. Fortner, R. S., Fackler, P. M. The handbook of media and mass communication theory. John Wiley & Sons, Inc., 2014. 1008 p.
9. Gibbs, R. W. The Cambridge handbook of metaphor and thought. Cambridge, 2008. 550 p. DOI: 10.1017/CBO9780511816802
10. Glucksberg, S. Beyond literal meanings: The psychology of allusion. *Psychological Science*. 1991;2:146–152. DOI: 10.1111/j.1467-9280.1991.tb00122.x
11. Joseph, R., Liu, T., Ng, A. B., See, S., Rai, S. NewsMet: A ‘do it all’ dataset of contemporary metaphors in news headlines. *Findings of the Association for Computational Linguistics: EACL 2023*. Stroudsburg, 2023. P. 10090–10104. DOI: 10.18653/v1/2023.findings-acl.641
12. Kövecses, Z. Metaphor and emotion: Language, culture, and body in human feeling. Cambridge, 2000. 242 p.
13. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors we live by. Chicago, 1980. 256 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226470993.001.0001
14. Mousoulidou, M., Taxitari, L., Christodoulou, A. Social media news headlines and their influence on well-being: Emotional states, emotion regulation, and resilience. *European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education*. 2024;14(1):1647–1665. DOI: 10.3390/ejihpe14060109
15. Semino, E. Metaphor in discourse. Cambridge, 2008. 244 p.
16. Steen, G. J. The contemporary theory of metaphor – now new and improved! *Review of Cognitive Linguistics (published under the auspices of the Spanish Cognitive Linguistics Association)*. 2011;9(1):26–64. DOI: 10.1075/rcl.9.1.03ste
17. Van Dijk, T. A. Discourse, ideology and context. *Folia Linguistica*. 2006;35(1-2):11–40. DOI: 10.1515/flin.2001.35.1-2.11

Received: 8 July 2024; accepted: 2 December 2024

ДАРЬЯ АНДРЕЕВНА КУШНЕРЕВА

менеджер 1-й категории Института международного развития и партнерства

Национальный исследовательский Университет ИТМО
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-2546-0807; Kushnereva.daria@gmail.com

МЕТАФОРА КАК ЯЗЫКОВОЙ ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ВРАГА В ЖЕНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ АРГЕНТИНЫ

А н н о т а ц и я . Цель исследования заключается в анализе особенностей применения метафоры как элемента политического дискурса, призванного создать образ врага в речах женщин-политиков Аргентины: Эвы Перон, Исабель Перон и Кристины Киришнер. Задача состоит в определении сходств и отличий создаваемых образов оппозиции, а также в анализе тактик и стратегий политического дискурса, реализуемых при применении метафоры. Корпус материала подбирался методом сплошной выборки, также были использованы методы количественного и качественного анализа результатов исследования, в том числе семантический, стилистический и сопоставительный. Результатом проведенного исследования стала репрезентация основных сфер-источников метафоры: «животный мир», «религия», «организм (болезнь)» и «спорт (футбол)». Цель их применения – дегуманизация и деперсонификация образа врага, сакрализация борьбы и одновременно положительная презентация борющихся политических лидеров, а также создание понятных и доступных аудитории образов. Изучение метафоры как инструмента формирования образа врага позволяет раскрыть манипулятивные техники, применяемые политическими лидерами для привлечения поддержки аудитории.

К л ю ч е в ы е с л о в а : политический дискурс, женский дискурс, образ врага, метафора, испанский язык, Эва Перон, Исабель Перон, Кристина Киришнер

Д л я ц и т и р о в а н и я : Кушнерева Д. А. Метафора как языковой инструмент формирования образа врага в женском политическом дискурсе Аргентины // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 1. С. 80–86. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1132

ВВЕДЕНИЕ

Большинство исследователей, изучающих особенности политического дискурса, сходятся во мнении, что одна из его ключевых функций – борьба за власть. По мнению Е. И. Шейгал, «политический дискурс представляет собой поле битвы между оппонентами» [12: 295]. Поскольку «битва» подразумевает существование друзей и врагов, союзников и оппонентов, становится очевидным, что оппозиция «свой – чужой» является одной из главных противостояний политического дискурса. Особый интерес при изучении создания образа врага вызывает применение метафор, поскольку метафора является одним из самых востребованных средств актуализации данной оппозиции. Как отмечает Т. В. Алиева,

«наиболее важная особенность метафоры, которая проявляется именно в политическом дискурсе, – это своего рода оценочная априорность, безапелляционность, которая в ней заложена. Метафора позволяет отбросить

логику, апеллируя к той области, в которой оценка уже закреплена и не вызывает сомнения» [2: 137].

В рамках данной работы мы ставим цель проанализировать особенности метафоры как манипулятивного риторического устройства, призванного создать образ врага в политических речах женщин-политиков Аргентины, выявить схожие и отличительные черты, а также определить, какие стратегии и тактики политического дискурса реализуются за счет применения метафоры. Изучение метафорического моделирования образа врага в политических речах поможет понять, как политические лидеры используют манипулятивные техники для достижения поддержки со стороны аудитории, что в конечном итоге позволит провести более глубокий содержательный анализ политических речей.

При проведении анализа метафоры и ее манипулятивной составляющей в качестве теоретической базы использовались работы О. И. Агафоно-

вой [1], Т. В. Алиевой [2], И. С. Воронцовой [4], Т. И. Галеевой [5], А. Е. Супруна [10], G. Lakoff, M. Johnson [16]. В качестве классификации метафор за основу взята система субсфер, слотов и фреймов, предложенная российским лингвистом А. П. Чудиновым [11]. Для анализа политической деятельности и выступлений указанных политиков, а также моделирования образа врага мы обращались к работам Д. А. Денисова [7], Н. Кристи и К. Бруун [9], S. Bianchi [14], I. Camacho Markina и M. T. Santos Diez [15].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом для данного исследования послужили речи Эвы Перон, произнесенные в период с 1947 по 1952 год, Исабель Перон с 1974 по 1976 год и Кристины Киршнер с 2012 по 2016 год. Всего было проанализировано 47 речей.

Эва Перон и Исабель Перон – вторая и третья супруги бывшего президента Аргентины Хуана Доминго Перона. Хотя Эва Перон никогда не занимала государственных должностей, она вела очень активную политическую деятельность, став «духовным лидером нации». Исабель Перон не удалось завоевать ту любовь народа, которая вызывала в сердцах людей Эва Перон, однако она стала первой женщиной-президентом не только в своей стране, но и в мире. Кристина Фернандес де Киршнер – первая женщина-президент Аргентины, избранная путем голосования. Вместе с супругом Нестором Киршнером она разработала политическое движение с перонистской ориентацией, получившее впоследствии название *киршнеризм* [15]. Кристина Киршнер дважды занимала пост президента своей страны.

Для достижения цели исследования был проведен лингвистический анализ вышеупомянутых речей. Материал подбирался методом сплошной выборки. Методологической основой послужили методы количественного и качественного анализа результатов, а также семантический, стилистический и сопоставительный методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Зооморфная метафора. Данный тип метафоры является одним из самых популярных при создании оппозиции. По мнению О. И. Агафоновой, такая популярность образов объясняется понятностью и близостью их значений аудитории: «...животные сосуществуют с людьми на протяжении долгого времени и, обращаясь к их словесным характеристикам, человек мо-

жет почти стопроцентно рассчитывать “правильное” понимание создаваемого им образа» [1: 83]. Зооморфные метафоры – чрезвычайно продуктивный ресурс для описания человеческих качеств, не только физических, но и нравственных. Мы понимаем и объясняем поведение и характер человека с точки зрения поведения животных [16]. Благодаря тому что абстрактные понятия могут быть интерпретированы через конкретные объекты, становится возможным донести до адресата информацию в упрощенном виде, эта способность «наделяет метафорическую модель огромным персуазивным потенциалом и скрытым содержанием» [4: 86]. Враги перонистов предстают в речах Эвы Перон в образе змей, жаб или насекомых, то есть тех животных, которые вызывают у большинства людей страх, брезгливость или отвращение:

«...*contra la opresión de los traidores de adentro y de afuera, que en la oscuridad de la noche quieren dejar el veneno de sus víboras en el alma y en el cuerpo de Perón, que es el alma y el cuerpo de la patria*» (...против угнетения предателями как внутри страны, так и за ее пределами, которые во мраке ночи **хотят отравить змеиным ядом душу и тело Перона**, который и есть душа и тело страны (Здесь и далее перевод наш. – Д. К.)) (Eva Perón, 1952)¹.

«*Yo le pido a Dios que no permita a esos insectos levantar la mano contra Perón, porque ¡guay de ese día!*» (Я прошу Бога не позволить этим **насекомым** поднять руку на Перона, потому что это необыкновенный день!) (Eva Perón, 1952).

Помимо тактики «анализ – минус» зооморфная метафора одновременно может применяться с целью реализации тактики презентации, поскольку дискредитация оппозиции выгодно оттеняет положительный образ перонистов и их последователей. В результате создается метафорическая оппозиция: «жабам» и «гадюкам» противостоят «соловьи» и «кондоры»:

«*Pero no lo conseguirán como no han conseguido jamás la envidia de los sapos acallar el canto de los ruiseñores, ni las víboras detener el vuelo de los cóndores*» (Но им это не удастся, как зависти **жаб** никогда не удавалось заставить **соловьев** прекратить свое пение, а **гадюкам** не удавалось остановить **полет кондоров**) (Eva Perón, 1952).

Зооморфная метафора становится главным инструментом создания «врага» в речах современного политика Кристины Киршнер. Однако в отличие от вариативности образов, представленных в речах Эвы Перон, Кристина Киршнер сосредоточивается преимущественно на одном – «стервятниках». В данном случае персуазивный ресурс метафорического воздей-

ствия реализуется благодаря фиксации готового эмоционального образа и постоянного повторения его в разных ситуациях. Через повторы установленная идея («враги-стервятники») настолько прочно закрепляется в сознании аудитории, что в итоге воспринимается как неоспоримая истина. Помимо стервятников Киришнер также упоминает птиц со схожей формой существования – каракара или каранча. Это крупный представитель семейства соколиных, который помимо охоты поедает падаль или отбирает добычу у других птиц. В Аргентине *carancho* приобретает переносный смысл и означает людей, которым нечего терять и которые способны получить выгоду из любого дела. Данный термин также используется для обозначения юриста, который мошенничает в отношении жертв несчастных случаев и страховых компаний. В результате через зооморфную метафору происходит дегуманизация образа врага [3]:

«Realmente estos buitres están perdiendo algunas plumas. ¿Y saben qué? Me parece que van a terminar siendo un cachivache más que buitres, un verdadero cachivache». (На самом деле эти стервятники теряют перья. И знаете что? Мне кажется, что в итоге эти стервятники превратятся в хлам, станут настоящим мусором) (Cristina Kirchner, 2014).

«Acá no había sirenas, allá había buitres y allá había unos caranchos que graznaban y no escuchamos a ninguno, sino que escuchamos el clamor de nuestro pueblo...» (Здесь не было сирен, здесь были каркающие стервятники и каранчо, но мы не слушали их, мы слышали крик нашего народа...) (Cristina Kirchner, 2013).

Помимо номинаций животных, в метафорическом моделировании образа врага у аргентинских политиков используются такие фреймы, как «части тела животных», «места обитания» и «агрессивные действия»:

«...esos hombres y mujeres sufrientes y trabajadores los primeros en apoyar al coronel del pueblo hasta rescatarlo de las garras de la oligarquía» (...эти страдающие и трудолюбивые мужчины и женщины первыми поддержали народного полковника, вызволив его из лап олигархов) (Eva Perón, 1948).

«Saben también que la oligarquía, que los mediocres, que los vendepatrias todavía no están derrotados, y que desde sus guaridas atentan contra el pueblo y contra la nacionalidad» (Вы знаете также, что эти ничтожные олигархи-предатели еще не побеждены и что из своего логова они пытаются напасть на народ и страну) (Eva Perón, 1951).

«No, no son cantos de sirenas, las sirenas son más lindas, cantan más lindo, son graznidos de carancho y graznidos de buitres» (Нет, это не песни сирен, сирены красивее, они поют красивее, а это карканье каранчо и крики стервятников) (Cristina Kirchner, 2014).

В речах аргентинских политиков метафорические образы таких животных, как змеи, жабы, насекомые или стервятники, призваны вызвать у аудитории крайнюю неприязнь и чувство страха, а также ощущение угрозы, поскольку данные виды традиционно провоцируют у человека фобии или, как минимум, крайне негативные чувства.

Религиозная метафора. Данные случаи могут быть рассмотрены как проявление «магической» или «заклинательной» функции политического дискурса. По мнению А. Е. Супруна, это частный случай, при котором адресатом выступают не люди, а высшие силы [10]. Заклинательная функция становится ключевой для дискурса Эвы и Исабель Перон, поскольку перонизм в глазах его создателей должен был стать новой религией для аргентинцев [14], а потому ценности и образы лидеров окружались ореолом святости: политическое движение перонистов представляется как доктрина, а Перон – избранный Богом лидер, учитель и апостол. Таким образом, попытка навредить Перону воспринимается как посягательство на святое, а выражающая отличное мнение оппозиция предстает как «лжеапостолы» или «лжепророки»:

«La maniobra contra el pueblo, contra la mujer, aumentó nuestra fe. <...> Así se arrancó la máscara a los falsos apóstoles, para poner punto final a la comedia antidemocrática» (Действия против народа, против женщины укрепили нашу веру. <...> Таким образом, были сорваны маски лжеапостолов, чтобы положить конец антидемократической комедии) (Eva Perón, 1947).

«Los tan conocidos y aprovechados profetas de desastres se apresuran a proclamar que todo ello no es sino el resultado de nuestra obra y que solo su retorno podrá salvar a la república» (Так хорошо нам известные локкие пророки бедствий сразу же заявляют, что все это – лишь результат нашей работы и что только их возвращение может спасти республику) (Isabel Perón, 1976).

Еще один метафорический образ, который в данной работе мы относим к религиозной метафоре, это «темные силы» или «великое зло», которым противостоят правительство и народ Аргентины:

«...no renunciamos a nuestro porvenir y lo sabemos amplio y venturoso... sin que sean capaces de impedirlo todos los obstáculos que interpongan en nuestro camino los poderes oscuros de la tierra y los enemigos de nuestro despertar nacional» (...мы не отказываемся от нашего счастливого и безграничного будущего... неважно, какие препятствия будут чинить на нашем пути темные силы земли и враги нашего национального пробуждения) (Eva Perón, 1949).

«*Combatiremos con decisión todos los grandes males que a diario atentan contra la nacionalidad, desde la guerrilla hasta la inmoralidad*» (Мы будем решительно бороться со всем великим злом, которое ежедневно нападает на наш народ, от партизанской войны до проявлений аморальности) (Isabel Perón, 1975).

Разделение политической конъюнктуры на своих и чужих тесно связано с оппозицией добра и зла, что сближает политический и религиозный дискурсы [8]. Метафорическое представление оппозиции как «великого зла» удачно для политиков, поскольку «использование элементов религиозного дискурса в политическом имеет целью смещение центра принятия решений с логического основания на морально-этическое» [6: 53]. Иными словами, такой враг провоцирует коллективный страх, и создается впечатление, что только политический лидер, обладающий достаточной силой и мужеством, способен победить его, а борьба с таким врагом становится сакральным делом не только политика, но и поддерживающих его граждан.

Для образа зла характерно полное отсутствие идентичности. Рассуждая о ключевых признаках «идеального врага» с точки зрения власти, скандинавские исследователи Н. Кристи и К. Бруун указывают, что удобный враг – это тот, кто никогда не умирает [9], а его бессмертия можно добиться, «максимально размывая и деперсонифицируя его образ» [7: 120]. Это приводит к выводу о том, что отсутствие идентичности выгодно для политиков, поскольку при исчезновении по каким-то причинам одного врага его место может занять другой.

Кристина Киршнер реже обращается к религиозным образам для характеристики оппозиции. Ее образ «мессии» не характеризует напрямую оппозицию, как в речах Эвы и Исабель Перон, но, реализуя тактику безличного обвинения, косвенно подрывает к ней доверие аудитории, заставляя усомниться в честности и правильности их действий:

«...no esperen salvadores ni mesías. Vendrá un mesías el día del juicio final pero no va entrar a este edificio, estoy segura» (Не ждите спасителей или мессий. Если и придет мессия в судный день, я уверена – он не войдет в это здание (В здание суда, где проходил суд над Кристиной Киршнер. – Д. К.)) (Cristina Kirchner, 2016).

Морбиальная метафора. Морбиальная метафора активно используется только в речах Исабель Перон. По мнению Т. И. Галеевой, данный тип метафоры

«представляется одним из значимых способов категоризации, концептуализации и оценки действи-

тельности в современных политических текстах. <...> Согласно любой медицинской энциклопедии или иному источнику, так или иначе имеющему отношение к медицине, мы знаем, что в болезни существует определенный раздражитель, который, с одной стороны, повреждает здоровую систему, а с другой – вырабатывает защитные функции организма. В связи с этим болезни свойственно существование двух взаимосвязанных категориальных процессов – повреждение и защита» [5: 96].

Еще одно важное концептуальное направление морбиальной метафоры – «отклонение от естественного порядка вещей, представления о неправильности и недопустимости существующего положения» [11: 68]. В речах Исабель Перон оппозиция, действующая в своих интересах, но не в интересах народа, становится тем самым «раздражителем», наносящим ущерб «здоровому организму»:

«*Esa es la grieta por la cual el precioso contenido común se derrama y por donde penetran los agentes que disocian y paralizan provocando la enfermedad en el organismo nacional*» (Это трещина, через которую разливается драгоценное общее содержание и через которую проникают диссоциирующие и парализующие агенты, вызывающая болезни в национальном организме) (Isabel Perón, 1975).

Спортивная метафора. Данный тип метафоры широко представлен в речах Кристины Киршнер преимущественно футбольной тематикой. По мнению Н. Бермудеса, футбол заметно преобладает над другими спортивными дисциплинами в Аргентине благодаря своей культурной вездесущности [13]; простота и неизменность его правил позволяют оратору сформировать четкие и ясные образы для аудитории. Так, под образом «несправедливого арбитра» угадываются враждебные для страны и президента лица, а под «игроками» – Аргентина или сама Киршнер и ее последователи:

«*Realmente siempre estamos en la cancha, y vamos a seguir saliendo a la cancha, aunque algún árbitro nos quiera bombear*» (Мы действительно всегда выходим на поле и собираемся продолжать делать это, даже если какой-то арбитр захочет нас засудить) (Cristina Kirchner, 2014).

Через футбольную метафору Киршнер также удается выгодно подчеркнуть свой образ на фоне других атакующих ее «игроков», «нечестного арбитра» и принятой системы нарушений в футболе, реализуя при этом тактики безличного обвинения и неявной самопрезентации:

«*Yo puedo ser la arquera porque, la verdad, es que me tiran tiros... me tiran, ya que estamos en clima mundialista, me tiran penales, tiros libres, me tocan con la mano, tengo*

el árbitro... los árbitros nos bombean, cada dos por tres nos pegan unos bomberazos terribles... Pero acá estamos, atajando los goles, los penales...» (Я могу быть вратарем, потому что, по правде говоря, они атакуют меня... они атакуют меня, поскольку мы на чемпионате мира, они забивают мне пенальти, штрафные удары, они задевают меня руками, у меня есть арбитр... но этот арбитр засуживает нас, однако мы все еще здесь – спасаем голы, отбиваем пенальти...) (Cristina Kirchner, 2014).

Благодаря спортивной метафоре Кишнер выражает пренебрежение к другим игрокам-оппонентам, не обладающим той властью, в которой они заверяют, реализуя при этом тактики обличения и иронизирования:

«...pero nos vamos a sentar en la mesa con los verdaderos dueños de la pelota a discutirla, no con los que aparecen...» (...но мы сядем за стол переговоров только с истинными хозяевами мяча, а не с теми, кто таким только кажется...) (Cristina Kirchner, 2013).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Метафора – это средство конструирования новой реальности, поскольку, выполняя важную персуазивную функцию, данный риторический прием провоцирует сильные эмоциональные реакции, которые могут поставить одно восприятие действительности выше другого.

С целью моделирования образа врага женщины-политики Аргентины используют следующие виды метафор: зооморфные, религиозные, морбиальные и спортивные. Образ врага успешно применяется для манипулирования общественным сознанием, поскольку ощущение опасности пробуждает такие чувства со стороны аудитории, как страх, враждебность, неприязнь, агрессия и ненависть. Это происходит в том числе за счет зооморфной метафоры – применения номинаций животных, традиционно вызывающих сильную неприязнь со стороны человека (жабы, змеи, стервятники). Религиозные метафоры служат усилению смысловой нагрузки высказываний, возвышая статус борьбы с врагами и сакрализуя борющихся с ними лидеров. Морбиальная метафора представляет ситуацию в стране в образе больного организма, неспособного к нормальному существованию из-за проблем, спровоцированных действиями оппозиции, а сами эти проблемы осмысляются как заболевания. Метафора спорта с уклоном в футбольную тематику апеллирует к хорошо знакомым образам соперников и нечестных судей, тем самым формируя четкое и понятное представление о ситуации у аргентинской аудитории.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее цитаты из речей политиков взяты из следующих аргентинских онлайн-архивов: Archivo Peronista (<https://archivoperonista.com/>), Casa Rosada (<https://www.casarosada.gob.ar/>), El historiador (<https://elhistoriador.com.ar/>), Prisma Archivo Histórico (<https://www.archivorta.com.ar/>).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонова О. И. Употребление метафор с зооморфным компонентом в англоязычном политическом дискурсе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 6 (101). С. 82–88.
2. Алиева Т. В. Метафора как средство актуализации концепта «чужой» в британском политическом дискурсе // МАГИЯ ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: Материалы Второй научно-практической конференции (Москва, 24–25 апреля 2015 г.). М., 2015. Т. 1. С. 137–141.
3. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зооморфные метафоры как средство дегуманизации образа белорусской милиции в российских СМИ // Язык и культура. 2022. № 60. С. 8–21. DOI: 10.17223/19996195/60/1
4. Воронцова И. С. Концептуальная метафора в аргентинском политическом дискурсе (на примере выступления президента Аргентины К. Фернандес де Кишнер на 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Ибероамериканские тетради. 2019. № 1. С. 80–88. DOI: 10.46272/2409-3416-2019-1-80-88
5. Галеева Т. И., Казиахмедова С. Х., Богатырева С. Н. Морбиальная метафора как способ осмысления концепта «терроризм» в политическом дискурсе // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2016. Т. 26, № 3. С. 93–101.
6. Давтян Ю. В., Крюкова Е. В. Религиозная концептосфера современного политического дискурса в Латинской Америке // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 22, № 5. С. 51–59. DOI: 10.37482/2687-1505-V204
7. Денисов Д. А. Идентификация образа врага в политической коммуникации // Вестник РГГУ. Сер. «Политология. Социально-коммуникативные науки». 2009. № 1. С. 113–126.
8. Кожемякин Е. А. Религиозный дискурс: методология исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. № 2 (97). Вып. 15. С. 32–47.

9. Кристи Н., Бруун К. Удобный враг. Политика борьбы с наркотиками в Скандинавии / Пер. с норв. А. Турунтаевой. М.: ООО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2004. 272 с.
10. Супрун А. Е. Лекции по теории речевой деятельности. Минск: Белорусский фонд Сороса, 1996. 287 с.
11. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография. Екатеринбург, 2001. 238 с.
12. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с.
13. Bermúdez N. Emociones deportivas y discurso político. El caso del macrismo // AVATARES de la comunicación y la cultura. 2014. № 8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://publicaciones sociales.uba.ar/index.php/avatars/article/view/4816/3948> (дата обращения 08.03.2024).
14. Bianchi S. Catolicismo y peronismo: la religión como campo de conflicto (Argentina, 1945–1955) // Boletín Americanista. 1994. № 44. P. 25–37.
15. Samacho Markina I., Santos Diez M. T. La estrategia comunicativa en los discursos de toma de posesión de Cristina Fernández de Kirchner // Perspectivas De La Comunicación. 2020. Vol. 13 (2). P. 187–217. DOI: 10.4067/S0718-48672020000200187
16. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.

Поступила в редакцию 18.03.2024; принята к публикации 02.12.2024

Original article

Daria A. Kushnereva, First-Category Manager, Institute of International Development and Partnership, ITMO National Research University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-2546-0807; Kushnereva.daria@gmail.com

METAPHOR AS A LANGUAGE INSTRUMENT FOR SHAPING AN ENEMY IMAGE IN WOMEN'S POLITICAL DISCOURSE IN ARGENTINA

Abstract. The aim of the study was to analyze the specific features of the use of metaphor as an element of political discourse designed to shape the image of an enemy in the speeches of female politicians in Argentina, namely Eva Peron, Isabel Peron, and Cristina Kirchner. The key tasks of the study were to determine the similarities and differences between the created images of the opposition, as well as to analyze the tactics and strategies of political discourse implemented when using the metaphors. The corpus of material was selected using a continuous sampling method; the methods of quantitative and qualitative analysis of the research results were also used, including semantic, stylistic, and comparative methods. The result of the study is a representation of the source domains of the metaphor: “animal world”, “religion”, “organism (disease)” and “sports (football)”. The purpose of their use is the dehumanization and depersonification of the enemy's image, the sacralization of the struggle, and a positive presentation of struggling political leaders, as well as the creation of images that are understandable and accessible to the audience. The study of metaphor as an instrument for shaping the image of an enemy allows us to reveal the manipulative techniques used by political leaders to attract audience support.

Keywords: political discourse, female discourse, image of an enemy, metaphor, Spanish language, Eva Peron, Isabel Peron, Cristina Kirchner

For citation: Kushnereva, D. A. Metaphor as a language instrument for shaping an enemy image in women's political discourse in Argentina. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(1):80–86. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1132

REFERENCES

1. Agafonova, O. I. Use of metaphors with zoomorphic components in English-language political discourse. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philology, Journalism, Pedagogy, Psychology*. 2011;6(101):82–88. (In Russ.)
2. Alieva, T. V. Metaphors as representation of the concept “they” in the British Political Discourse. *The magic of innovation: new trends in language research and language teaching methods: Proceedings of the second research and practice conference*. Moscow, 2015. Vol. 1. P. 137–141. (In Russ.)
3. Budaev, E. V., Chudinov, A. P. Zoomorphic metaphors as a means of dehumanization the image of the Belarusian police in the Russian media. *Language and Culture*. 2022;60:8–21. DOI: 10.17223/19996195/60/1 (In Russ.)

4. Vorontsova, I. S. Conceptual metaphor in Argentinian political discourse (based on the speech of the Argentinean President (2007–2015) C. Fernández de Kirchner during the 69th session of the UN General Assembly). *Cuadernos Iberoamericanos*. 2019;(1):80–88. DOI: 10.46272/2409-3416-2019-1-80-88 (In Russ.)
5. Galeeva, T. I., Kaziakhmedova, S. H., Bogatyreva, S. N. Morbial metaphor as a way to conceptualize “terrorism” in political discourse. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*. 2016;26(3):93–101. (In Russ.)
6. Davtyan, Yu. V., Kryukova, E. V. Religious conceptual sphere in the modern political discourse of Latin America. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”*. 2022;22(5):51–59. DOI: 10.37482/2687-1505-V204 (In Russ.)
7. Denisov, D. A. Identification of the enemy’s image in political communication. *RSUH/RGGU Bulletin. Series “Political Science. History. International Relations”*. 2009;1:113–126. (In Russ.)
8. Kozhemyakin, E. A. Religious discourse: research methodology. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy, Sociology, Law*. 2011;2(97-15):32–47. (In Russ.)
9. Christie, N., Bruun, K. A convenient enemy: drug policies in Nordic countries. Moscow, 2004. 272 p. (In Russ.)
10. Suprun, A. E. Lectures on the theory of speech activity. Minsk, 1996. 287 p. (In Russ.)
11. Chudinov, A. P. Russia in the metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphors (1991–2000). Yekaterinburg, 2001. 238 p. (In Russ.)
12. Sheigal, E. I. Semiotics of political discourse: Diss. Dr. Sc. (Philology). Volgograd, 2000. 431 p. (In Russ.)
13. Bermúdez, N. Emociones deportivas y discurso político. El caso del macrismo. *AVATARES de la comunicación y la cultura*. 2014;8. Available at: <https://publicaciones.sociales.uba.ar/index.php/avatares/article/view/4816/3948> (accessed 08.03.2024).
14. Bianchi, S. Catolicismo y peronismo: la religión como campo de conflicto (Argentina, 1945–1955). *Boletín Americanista*. 1994;44:25–37.
15. Camacho Markina, I., Santos Diez, M. T. La estrategia comunicativa en los discursos de toma de posesión de Cristina Fernández de Kirchner. *Perspectivas De La Comunicación*. 2020;13(2):187–217. DOI: 10.4067/S0718-48672020000200187
16. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors we live by*. Chicago, 1980. 242 p.

Received: 18 March 2024; accepted: 2 December 2024

ЕЛЕНА ГЕННАДИЕВНА ТРУБЕЦКОВА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
(Саратов, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-7728-2382; etrubetskova@gmail.com

АНТИУТОПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПРОЗЕ С. Д. КРЖИЖАНОВСКОГО

А н н о т а ц и я . Предметом рассмотрения стали различные модели будущего развития страны и общества в произведениях С. Д. Кржижановского «Воспоминания о будущем», «Клуб убийц букв», «Желтый уголь». Несмотря на то что антиутопические мотивы являются сквозными в творчестве писателя, они не становились предметом отдельного изучения в литературоведении, что обусловило новизну исследования. Его актуальность связана как с важностью анализа антиутопической проблематики для углубления понимания идейных и философских аспектов творчества писателя, так и со злободневным звучанием поднятых им вопросов. Кржижановский, в отличие от оптимистичных картин общества будущего советской литературы, давал мрачные прогнозы, рисуя пропитанную страхом атмосферу Москвы 1930–1950-х годов («Воспоминания о будущем»), мировой энергетический кризис («Желтый уголь»), показывая разрушительные для личности последствия биоинженерии и централизованного регулирования частной жизни («Клуб убийц букв», «Желтый уголь»). Специфика образа будущего, созданного писателем, уточняется при соотнесении его футурологических прогнозов с картинами будущего в произведениях современников.

К л ю ч е в ы е с л о в а : антиутопические мотивы, проблема свободы личности, С. Д. Кржижановский, «Воспоминания о будущем», «Клуб убийц букв», «Желтый уголь»

Д л я ц и т и р о в а н и я : Трубецкова Е. Г. Антиутопические мотивы в прозе С. Д. Кржижановского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 1. С. 87–94. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1133

ВВЕДЕНИЕ

Время, когда были созданы основные прозаические тексты Сигизмунда Доминиковича Кржижановского, 1920–1930-е годы, было ориентировано на построение «нового общества» и «нового человека». В пролетарской поэзии в противовес хаосу реальности активно «воздвигался некий град мечты, взыскующей абсолюта» [8: 12]. Утопическое сознание официальной литературы страны победившего социализма рисовало радужные картины будущего, во имя которого необходимо было претерпевать все лишения в настоящем.

В то же время писатели, чьи произведения долгое время оставались неопубликованными, давали пессимистические футурологические прогнозы, предупреждая об опасности воплощения утопического идеала на практике. Наряду с Е. Замятиным, А. Платоновым, Л. Лунцем, М. Козыревым далекий от совершенства образ будущего, в котором нет места свободной личности, рисовал С. Д. Кржижановский.

Об антиутопии как одной из важных тем повестей Кржижановского «Возвращение Мюнхгаузена» и «Клуб убийц букв» писала в первом диссертационном исследовании, посвященном творчеству автора, И. Б. Делекторская¹. Повесть «Клуб убийц букв» вошла в антологию русских антиутопий, составленную В. Г. Перельмутером². Философские аспекты утопического мышления писателя были рассмотрены в эссе А. А. Грякалова [2]. В широком контексте философских, религиозных, теософских идей рубежа веков «пространство антиутопии» было проанализировано в новелле писателя «Бог умер» А. А. Мансковым. Как показал исследователь, «при создании образа конца света в новелле Кржижановский обращается к традиционным сюжетам эсхатологических мифов, используя их как поэтический материал для построения художественной реальности» [5: 144]. Но, несмотря на то что антиутопические мотивы являются сквозными в творчестве писателя, они не становились предметом целостного литературо-

ведческого изучения, что обусловило новизну предпринятого исследования. Его актуальность связана как с важностью рассмотрения антиутопической проблематики для углубления понимания идейных и философских аспектов творчества писателя, так и со злободневным звучанием поднятых им вопросов.

* * *

С. Д. Кржижановский довольно скептически относился к возможности предсказания и тем более моделирования будущего. В его раннем рассказе «Якоби и “Якобы”», опубликованном в 1919 году в киевском журнале «Зори», это фундаментальное сомнение было выражено афористично: частица Якобы говорила своему оппоненту, философу:

«В слове “бытие” я признаю без возражений первую его часть – слог “бы”<...> Сумма всех сомнений в бытии (что вполне согласно с критерием Декарта) и есть единственное бытие, вам доступное: его бы следовало называть “Великим Бы”»³.

Несмотря на скепсис по отношению к прочтствам, предощущение будущего отражено и в повестях, и в рассказах писателя. При соотношении индивидуального представления Кржижановского о будущем и коллективного, характерного для его времени, можно говорить о формальной типичности идей писателя для литературного контекста 1920-х годов: это путешествие во времени, проверка современности будущим, изобретение новых технических приборов, позволяющих существенно улучшить материальное благополучие. Однако, в отличие от большинства современников, прогнозы писателя оказываются крайне пессимистичны. Его будущее – не «Солнечный град» Андрея Белого, не «город-сад» Маяковского, в его представлении Москва через десятилетия не ослепительно праздничная, «забрызганная золотом весеннего солнца, в гвоздиках и розах знамен и плакатов» (какой она представала, например, в «Первомайском сне» В. Кириллова⁴) и не город-парк, утопающий в садах (как рисовалось герою «Путешествия моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А. Чайнова). В Москве будущего у Кржижановского царит «нерасцветающее предутрие, застрявшее меж дня и ночи», где «сам воздух был пепельно-сер» (Т. 2: 413). Эта унылая безысходность резко контрастирует с цветовой гаммой будущей столицы у современников, например у А. Чайнова, героя повести которого «поражало почти полное отсутствие черного цвета»: атмосферу праздника создавали «яркие голу-

бые, красные, синие, желтые» мужские куртки, «женские очень пестрые платья»⁵.

Путешествие в Москву 1940–1950-х годов совершает герой повести Кржижановского с оксюморонным заглавием «Воспоминания о будущем» (предположительно созданной в 1929 году и, как и большинство других произведений писателя, не опубликованной при его жизни). Макс Штерер переносится на несколько десятилетий вперед не во сне, не во время какого-то прозрения, а на машине времени. После романа Герберта Уэллса эта идея была развита многими современниками писателя, в первую очередь – в пьесах В. Маяковского («Клоп» и «Баня»), М. Булгакова («Блаженство» и «Иван Васильевич»). Существенным отличием повести Кржижановского является детальное описание созданного героем аппарата – времяреза и философские размышления о феномене времени и его сложной связи с пространством⁶. При этом герой не замечает реального времени, оно не интересно ему. В. В. Горошников определил основную проблематику повести как конфликт между личным временем героя и социально-историческим временем⁷. Штерер, как выражается он сам, ведет «партию со временем». Реальное время «обгрызает» героя: его мобилизуют во время Первой мировой, несколько лет он проводит в плену, революция отнимает у него полученное наследство, которое было необходимо для реализации замысла.

Когда ему все-таки удастся «закапкантировать время», он осуществляет прыжок в будущее. По наблюдению В. В. Горошникова [1: 155] и Л. Н. Караевой, ускорение времени в повести связано с сужением пространства [4: 61]. Свое путешествие на времярезе герой совершает из послереволюционной Москвы, «гигантского сплюсненного человечника» (Т. 2: 392), не покидая своей небольшой комнаты в Зачатьевском переулке. В моделировании художественного пространства повести, как и в ряде других произведений Кржижановского («Окно», «Окна», «Москва в первый год войны», «Салыр-гюль» и др.⁸), важную роль играет образ окна, через которое герой и видит происходящие с городом изменения: «Окно моей комнаты было открыто <...> оно должно было превратиться для меня в окно вагона, мчащегося из эпох в эпохи» (Т. 2: 410). Традиционно выполняя функцию границы внутреннего и внешнего пространств, в «Воспоминаниях о будущем» окно не только вводит взгляд «вне» и мотив наблюдения, оно становится своеобразным временным порталом.

Необходимо отметить, что, строя сюжет повести вокруг путешествия героя во времени, Кржижановский крайне скупно использует этот прием для описания целостного образа будущего. Он упоминает отрывочные эпизоды, последний из них относится к 1957 году. Как замечает В. Г. Перельмутер, здесь отсылка к сорокалетию революции одновременно вводит и аллюзию на сюжет Исхода: это «сорокалетнее <...> странствование в пустыне времен, тщетная попытка исхода в обетованную эпоху» [6: 665]. Вернувшись в середину 1920-х годов, герой предпочитает не рассказывать об увиденном: «...увидел такое... такое...» (Т. 2: 417). Писатель использует прием умолчания, но оно красноречиво: упоминаются только наполненные страхом мертвые глаза путешественника во времени. После того, что увидел герой, ему не страшны никакие катастрофы и гибель. В финале повести он бесследно исчезает. Но слышавших его рассказ это не удивляет. Те, кто «мыслил против часовой стрелки», постепенно вытеснялись из пространства активно отстраивающейся Москвы 1920-х годов, «исчезали» из реального времени, что и происходит с героем.

Таким образом, «Воспоминания о будущем», вопреки своему заглавию, само будущее показывают крайне фрагментарно. Однако, если учитывать как наиболее вероятную дату создания повести 1929 год [6: 664], писатель поразительно точно уловил главную тенденцию времени, основной характеристикой которого был нечеловеческий страх. «Исчезновение» главного героя предвосхищает «исчезновение» людей как из ближнего круга писателя, так и знаковых фигур общественной и культурной жизни. В частности, подобная судьба ждала многих современников Кржижановского, так или иначе связанных с историко-литературным контекстом повести. Михаил Левидов, ставший прототипом одного из главных героев – Иосифа Стынского, был арестован в 1941 году и расстрелян в 1942-м. Борис Пильняк (в повести упомянутый как «гражданин писатель Тыльняк» (Т. 2: 404)) был арестован в 1937 году, в 1938-м расстрелян. Два крупных политических деятеля, связанные с кругом московских литераторов, изображенными в повести, тоже вскоре «исчезли» из общественной жизни: в 1934 году был арестован и в 1936-м расстрелян Л. Б. Каменев; в 1937 году арестован, а в 1938-м расстрелян Н. И. Бухарин, возглавлявший в 1934–1937 годах «Известия».

Не менее пессимистичные картины будущего даны в других произведениях автора: «Клуб убийц букв» и «Желтый уголь». В них можно видеть более детальную картину общественного устройства. В обоих текстах изменение жизни человечества связано с техническими изобретениями, направленными на повышение уровня жизни граждан, однако на деле приводящими к разрушительным последствиям.

В повести «Клуб убийц букв» (1926), построенной как цепь рассказов «замыслителей», отрекшихся от писательства во имя «чистых, неосуществленных, свободных замыслов» (Т. 2: 14), один из героев описывает создание в будущем мощных аппаратов, эксов (экстеризаторов, устроенных по типу антенн-излучателей), отделяющих «психику от мускулов», парализующих волю человека и заставляющих его осуществлять движения, запрограммированные извне:

«...необходимо социализировать психики <...> выдуть из-под черепа управляемым потоком эфира все эти прячущиеся по головам психические содержания <...> вывернуть все наши in в ex» (Т. 2: 63).

Успех эксперимента стал возможен после опытов по изоляции у испытуемых «мускульной сети от воздействия нервной системы» (Т. 2: 67). Рассказчик описывает, как благодаря специальным виброфагам сознание и психика у подопытного блокировались и излучатели-эксы посылали его мускулам запрограммированные экспериментатором импульсы. Таким образом, технический и научный прогресс позволил создать идеальную рабочую силу:

«Отделенная, совершенно безболезненно, от мозга и настроенная соответствующим образом мускульная сеть каждого из этих новых людей представляла собой естественную антенну, которая, воспринимая эфирную волю гигантского иннерватора, проделывала машинную, единую на всех них действительность» (Т. 2: 79).

Изначально опыты ставились над душевнобольными, и в этом ученые видели несомненную пользу:

«Мускулы, переключенные со своих явно негодных и даже опасных для общества нервных центров на один центральный иннерватор... будут работать совершенно безвозмездно – на пользу общества и государства» (Т. 2: 80).

Люди с психическими заболеваниями считались низшими, бесправными существами. В этом проявлялись как отголоски характерного для многих культур представления о сумасше-

ствии как своего рода проклятия, так и популярной в 1920-е годы евгеники. Авторское замечание, что в эту эпоху количество душевнобольных «непомерно возросло» (Т. 2: 72), становится символической характеристикой времени. В повести Кржижановского «все усилия науки не могли справиться с этим бедствием, слишком тесно связанным с ростом психических нагрузок и кризисами быта» (Т. 2: 72). Позднее герой Пастернака, характеризуя 1920-е годы (время создания повести Кржижановского), тоже будет говорить о «болезни» времени. Только метафорой эпохи в «Докторе Живаго» становятся не психические, а кардиологические заболевания: «В наше время очень участились микроскопические формы сердечных кровоизлияний. <...> Это болезнь новейшего времени»⁹. Живаго, поэт и врач, объясняет эту болезнь «причинами нравственного порядка»:

«От огромного большинства из нас требуют постоянного, в систему возведенного кривоизгиба. Нельзя без последствий для здоровья изо дня в день проявлять себя противно тому, что чувствуешь...»¹⁰.

Герой Пастернака умирает в Москве в 1929 году (в год Великого перелома) от сердечного приступа. Умирает в душном трамвае. Для современников Пастернака в трагическом финале судьбы Живаго была явно реализована блоковская метафора: «...поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем»¹¹. Слова поэта, сказанные по поводу смерти Пушкина, стали пророческими и по отношению к его собственной судьбе, и к судьбе многих его современников.

Повесть «Клуб убийц букв» писалась в 1925–1926 годах, Кржижановский отмечал, что во время работы над ней был впечатлен чтением «Истории социальных утопий»: «...тема щекочет мозг. Иногда возникают замыслы»¹². Описанное в повести стремление правительства «социализировать психику» отражало и пародийно заостряло тенденцию времени к обобществлению и тотальному контролю государства над всеми областями жизни. В другой повести, «Возвращение Мюнхгаузена», завершённой в 1927 году, к 10-летию юбилею революции, Кржижановский описывает опыты Института нивелирования психики в Москве 1920-х годов, где с помощью электроизлучателей локализируют мышление на поверхности черепной коробки и затем на волосах испытуемого. С помощью изменения пробора, а в трудных случаях – бритвы налысо изменяют отношение пациента к государству, свободе и т. д.

Точного времени действия рассказчик из «Клуба убийц букв» не сообщает: «Утеряна дата дня, когда идея об эксах впервые впрыгнула в голову человека. Кажется, это было чуть ли еще не в середине двадцатого столетия или и того раньше» (Т. 2: 62). Модель общества, изображённую здесь Кржижановским, можно охарактеризовать как тимократию, описанную еще в «Государстве» Платона, – несправедливую власть граждан, получивших ее не благодаря своим способностям, а благодаря насилию. Здесь власть сосредоточена в руках Верховного Правительственного совета, принимающего решения, кого подвергать воздействию иннерваторов, то есть превращать в раба, кого оставлять человеком. Со временем в эксперимент включались все новые и новые слои населения. Действию излучателей стали подвергаться прежде всего те, кто осмеливался протестовать против решений правительства.

В повести Кржижановского включенных в эксперимент стали называть экс-людьми. Возникло это название по метонимическому переносу от названий аппаратов – эксов; можно услышать здесь и отсылку к слову «эксперимент», но не менее значимым стал и еще один смысл: испытуемые превращались в «бывших людей», опыт с излучателем уничтожал личность:

«Тирады о “свободной воле” передовица объявляла запоздавшими на несколько веков – и даже чуть смешными в эпоху научно обоснованного и проверенного детерминизма; насущно важно дать не свободу воли <...> а свободу от воли...» (Т. 2: 76).

Здесь можно видеть переключку с описанной Е. Замятиным строго регламентированной, особенно после операции по удалению фантазии, жизнью нумеров «Единого государства». Был ли знаком писатель на момент создания повести с романом Замятина, неизвестно. В любом случае мы можем говорить о точно уловленной писателями тенденции времени, сулящего «горе тому, кто смеет мыслить в эпоху мыслекоса» (Т. 1: 394).

Изображенный в повести эксперимент по нивелированию индивидуальной психологии и созданию эксов при всей фантастичности отражал и реальные проекты современников писателя, в частности полемично воплощал предложенный А. Гастевым «новый массовый инженеризм, превращающий пролетариат в невиданный социальный автомат»¹³. С. Семенова, анализируя проект поэта и организатора Центрального института труда, отмечала «зловещие

пути» изменения природы человека, «непокорную эгоистическую натуру» которого планировалось так «укоротить», «чтобы лишить ее эмоциональности, всякой личностности и тем привести к “гармонии”, функциональной целесообразности слаженного машинного агрегата» [8: 17]. Нивелирование индивидуальных различий должно было, по задумке Гастева, выражаться и в отказе от традиционных имен, человеческая и трудовая единица обозначалась буквами или цифрами; каждая минута жизни заранее была распределена и отражена в особой «хронокарте» члена социума. Последствия усовершенствования человеческой личности и общества по подобному образцу показывает герой Кржижановского. Но если в утопических проектах теоретиков и пролетарских поэтов «мы» мыслилось как новая ступень развития человечества [3: 273], [8: 15], то в повести Кржижановского толпа эксов – это безличная людская масса, лишённая человеческих качеств.

Хотя рассказчик из «Клуба убийц букв» не вводит реальных топонимов, не придает героям национальный колорит, описанная модель общества являлась предостережением для государства, пошедшего по пути всеобщего единомыслия. Предостерегающе изображались и описанные в повести открытия в области физиологии и психологии (ср. с целью Гастева создать «биомеханического человека»): изначально направленные на улучшение жизни общества, они приводили к уничтожению личности.

Уязвимость технических изобретений, наивность уверенности человека в своем могуществе стали предметом изображения и в новелле «Желтый уголь», где описан глобальный энергетический и продовольственный кризис, охвативший планету:

«Войны и стихия превратили землю в растратчику своих энергий. Нефтяные фонтаны иссякли. Черный, белый, голубой и зеленый угли, что ни год, давали все меньший энергетический эффект <...> Бестопливье грозило машинным бездвижьем. <...> Землю температурыло» (Т. 3: 65).

Выходом из кризиса становится открытие нового источника энергии – мельчайших чувствительных приборов, фиксирующих и аккумулирующих раздражение и гнев людей. Внезапное озарение посещает изобретателя, профессора Лекра, во время наблюдения за «жужжащей растревоженным людским роём

улицы» (Т. 3: 67) толпой, сающейся в общественный транспорт:

«...груды лезли на спины; но спины, злобно шевеля лопатками, не уступали ни дюйма». «Люди сменялись, но ничего не сменялось в людях; стиснутые скулы, бодающие воздух лбы и протаранивающие путь локти непрерывно одни вослед другим» (Т. 3: 67).

Лекр предлагает использовать «энергию злобы, рассеянную по множеству человеческих особей» (Т. 3: 69). Желтый уголь, изобретенный профессором, – это разлитие желчи, которое использовано теперь на благо общества. Когда техническое новшество было апробировано, стали сужать дверные проходы, делать неудобными ручки и ступени, и в скором времени энергетический кризис, к которому подошло человечество, был преодолен. Если вначале экономисты и социологи беспокоились, что «ресурсы злобы, таящиеся в человечестве, могут быть быстро растрачены и исчерпаны» (Т. 3: 73), и всеми силами пытались искусственно подогреть межнациональную и классовую ненависть, постоянное раздражение по отношению друг к другу супругов, родителей и детей, то вскоре выяснилось, что искусственные «интенсификаторы злобы» не нужны:

«...естественные запасы многообразных видов этой энергии, начиная от брезгливости и кончая бешенством, были до неопределимости огромны и, по-видимому, неисчислимы» (Т. 3: 73).

Изменилась социальная иерархия. Наиболее востребованы стали неудачники: «озлобленные жизнью желчевики оказались наиболее удачно приспособленными к новой культуре» (Т. 3: 77). «Добродушные и мягкосердые» были обречены на смерть.

Благодаря аккумуляции ненависти человечеству удалось преодолеть глобальный кризис, настало некое подобие золотого века. Кржижановский здесь обыгрывает цветовое сходство: это золото не надо было добывать –

«оно само желтыми желчинками высачивалось из печени и промывалось в круговращении крови. Печень для каждого превратилась в тугую набитый и чудесно неиссякающий кошелек» (Т. 3: 79).

Вместо тесных клетушек люди стали жить в просторных домах, постепенно был упразднен тяжелый физический труд. Однако в растущем благосостоянии крылась и опасность достигнутого благоденствия: раздражение появлялось все реже и реже, бесплатный источник энергии, казавшийся вечным, иссяк. Любопыт-

но, что «отлив моря желчи» (Т. 3: 82) обусловил и упадок науки и искусства: без «озлобленных умов» и «гневных вдохновений, изостренных, как жала, перьев, омоченных в жизнь» (Т. 3: 82), ничего нового человечество изобрести не могло. Новелла Кржижановского, созданная в 1939 году, отражала контекст эпохи: экономическую депрессию, охватившую Европу и Америку, предощущение мирового энергетического кризиса, угроза которого не теряет актуальности и сегодня. Место действия в новелле не конкретизировано, события происходят в одной из европейских стран. Предощущение катастрофы у Кржижановского получает планетарный масштаб. Борьбой с мировым кризисом, по задумке писателя, занята международная организация КОНОЭ (Комиссия по изысканию новых энергий). И здесь, как справедливо отмечает В. Г. Перельмутер [7: 610], писателю удалось предсказать задолго до их возникновения создание неправительственных международных организаций, призванных решать мировые проблемы, одной из них стало основанное в 1957 году МАГАТЭ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, хотя С. Д. Кржижановский скептически относился к футурологическим прогнозам, его предсказания во многом оправдались. Подчеркну, речь идет не о буквальном совпадении, а о тенденциях. Фрагментарно изображенные картины жизни Москвы 1930–1950-х годов и судьба главного героя «Воспоминаний о будущем» предвосхитили атмосферу тотального страха, воцарившуюся в стране. Актуальными для современности остаются задачи преодоления глобального энергетического кризиса, с которым человечество сталкивается в «Желтом угле». Особую значимость получают описанные Кржижановским этические проблемы, которые ставит перед человечеством научно-технический прогресс («Клуб убийц букв», «Желтый уголь»). В отличие от советской коллективистской утопии, ориентированной на нивелирование личности ради блага общества, Кржижановский показывает опасность воплощения утопического идеала и напоминает о цене, которой может быть достигнуто счастливое будущее. Часто это цена человеческой жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Делекторская И. Б. Эстетические воззрения Сигизмунда Кржижановского: От шекспироведения к философии искусства: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 159 с.
- ² Кржижановский С. Д. Клуб убийц букв // Русская антиутопия: Антология / Сост. В. Перельмутер. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2014. С. 473–634.
- ³ Кржижановский С. Д. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1 / Сост., предисл. и коммент. В. Г. Перельмутера. СПб.: Симпозиум, 2001. С. 114. Далее текст цитируется по данному изданию, номер тома и страницы приводятся в скобках.
- ⁴ Кириллов В. Первомайский сон: Фантастический рассказ. С приложением статьи М. Нике. Б. м.: Salamandra P. V. V., 2016. 32 с. (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CLXXXVIII). С. 6.
- ⁵ Чайнов А. В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Чайнов А. В. Московская гофманиада / Послесл. В. Б. Муравьева; Примеч. В. Б. Муравьева, С. Б. Фроловой. М.: Издательский Дом ТОНЧУ, 2006. С. 217–275.
- ⁶ Роман Уэллса, вышедший в 1895 году, на русский был переведен в 1900-м и оказал большое влияние на современников. В отличие от Кржижановского, Уэллс не уделял пристального внимания самому устройству фантастического аппарата, его больше интересовали размышления о судьбе цивилизации, что он и отразил в описании существования элоев и морлоков. Однако, как и позднее Кржижановский, Уэллс описал в своем произведении научные и философские идеи времени. По свидетельству самого автора, толчком к написанию рассказа, положенного в основу «Машины времени», стало слушание доклада по нашумевшей книге Чарльза Хинтона «Что такое четвертое измерение?» в 1887 году, где британский математик, развивая идеи неевклидовой геометрии, обосновал гипотезу о времени как четвертом измерении пространства и поставил вопрос о возможности перемещения по временной оси столь же свободно, как и в пространстве. Для русской культуры не менее важной, чем книга Ч. Хинтона, стала концепция П. Д. Успенского, изложенная в работе «Четвертое измерение» (1909), где автор рассматривал время как пространство высшего порядка. Еще одним актуальным научным контекстом для понимания изобретения героя Кржижановского явилась теория Германа Минковского о четырехмерном псевдоевклидовом пространстве. Макс Штерер ссылаясь на нее и пытался ее опровергнуть, желая «перекоординировать» пространство-время Минковского, добавить недостающий знак в формулу времени: «... для этого нужно увидеть другое время, усложнить четырехзначную формулу Римана пятым знаком t », герой пытался найти короткий путь, «в обгон изгибу t -мерностей»» (Т. 2: 408).
- ⁷ Горошников В. В. Экзистенциальная проблематика прозы Сигизмунда Кржижановского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2005. С. 17.

- ⁸ Вопрос об особом «оконном тексте» Кржижановского был поставлен В. Н. Топоровым, который рассмотрел символику образа в контексте анализа уникального «минус»-пространства в прозе писателя [9: 558]. О миро-моделирующей функции окна в новеллах и очерках Кржижановского см.: [10: 118].
- ⁹ Пастернак Б. Л. Доктор Живаго // Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 4: Доктор Живаго, 1945–1955. М.: Слово/SLOVO, 2004. С. 480.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Блок А. А. О назначении поэта // Блок А. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. Л.: Худож. лит., 1982. С. 419.
- ¹² Кржижановский С. Д. Письмо А. Г. Бовшек 27 июля 1925 года // Кржижановский С. Д. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6 / Сост., подгот. текста и коммент. В. Г. Перельмутера. М.; СПб.: Б.С.Г.-Пресс: Симпозиум, 2013. С. 32.
- ¹³ Гастев А. К. Индустриальный мир. [Харьков]: Всеукр. отд. искусств Нар. ком. рос., 1919. С. 77.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горошников В. В. Опыт «транстемпоральных путешествий» в повести С. Кржижановского «Воспоминания о будущем» // Образование, наука и техника: XXI век. Вып. 3. Ханты-Мансийск, 2005. С. 155–157.
2. Грякалов А. А. «Эпоха великого переселения мыслей» (Литература и «анти/утопия». Опыт Сигизмунда Кржижановского) // Философский век. Альманах. Вып. 13. Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2000. С. 41–78.
3. Желтикова И. В. Утопия и образ будущего в русской мысли конца XIX – начала XX в. // Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма / Сост. и отв. ред. О. А. Богданова, А. Г. Гачева. М.: Индрик, 2016. С. 258–275.
4. Караева Л. Н. Динамика пространства в прозе Сигизмунда Кржижановского: (на материале повести «Воспоминания о будущем») // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2012. Т. 18, № 5. С. 60–63.
5. Мансков А. А. Пространство антиутопии в новелле С. Кржижановского «Бог умер» // Утопический дискурс в русской культуре конца XIX–XXI веков: литература, живопись, кинематограф. М.: Флинта, 2021. С. 130–145.
6. Перельмутер В. Г. Комментарии // Кржижановский С. Д. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. СПб.: Симпозиум, 2001. С. 611–700.
7. Перельмутер В. Г. Комментарии // Кржижановский С. Д. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. СПб.: Симпозиум, 2003. С. 602–673.
8. Семенова С. Г. Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. 590 с.
9. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. 624 с.
10. Трубецкова Е. Г. Функции окна в прозе С. Кржижановского // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2023. Т. 25, № 6. С. 118–124. DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-93-118-124

Поступила в редакцию 06.11.2024; принята к публикации 23.12.2024

Original article

Elena G. Trubetskova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor, N. G. Chernyshevsky Saratov State University (Saratov, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-7728-2382; etrubetskova@gmail.com

DYSTOPIAN MOTIFS IN SIGIZMUND KRZHIZHANOVSKY'S PROSE

Abstract. The article examines various models of future development for both the country and society as depicted in the works of Sigizmund Krzhizhanovsky, specifically in *Memories of the Future*, *The Letter Killers Club*, and *Yellow Coal*. Although dystopian motifs are prevalent throughout Krzhizhanovsky's writings, they have not been the subject of a separate study, which highlights the originality of this research. The study's relevance lies in its exploration of dystopian issues, which are essential for understanding the ideological and philosophical dimensions of the author's work, as well as the pressing questions he raises. In contrast to the optimistic visions of future society found in Soviet literature, Krzhizhanovsky presents a more pessimistic outlook, capturing the fear-laden atmosphere of Moscow during the 1930s through 1950s (*Memories of the Future*), the implications of a global energy crisis (*Yellow Coal*), and the potential consequences of bioengineering and the centralized regulation of private life (*The Letter Killers Club*, *Yellow Coal*). This article clarifies the unique portrayal of the future crafted by Krzhizhanovsky by comparing his futurological predictions with those of his contemporaries.

Key words: dystopian motifs, problem of individual freedom, Sigizmund Krzhizhanovsky, *Memories of the Future*, *The Letter Killers Club*, *Yellow Coal*

For citation: Trubetskova, E. G. Dystopian motifs in Sigizmund Krzhizhanovsky's prose. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(1):87–94. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1133

REFERENCES

1. Goroshnikov, V. V. Experience of “transtemporal traveling” in Sigizmund Krzhizhanovsky's novel *Memories of the future. Education, science and technology: the XXI century*. Issue 3. Khanty-Mansiysk, 2005. P. 155–157. (In Russ.)
2. Gryakalov, A. A. “The epoch of the great migration of thoughts”. (Literature and “anti/utopia”. Experience of Sigismund Krzhizhanovsky). *Philosophical Century. Almanac*. Issue 13. Russian utopia of the Age of Enlightenment and the traditions of world utopianism. St. Petersburg, 2000. P. 41–78. (In Russ.)
3. Zheltikova, I. V. Utopia and the image of the future in the Russian thought of the late XIX and the early XX centuries. *Utopia and eschatology in the culture of Russian Modernism*. (O. A. Bogdanova, A. G. Gacheva, Eds.). Moscow, 2016. P. 258–275. (In Russ.)
4. Karayeva, L. N. Dynamics of the space in Sigismund Krzhizhanovsky's prose (based on the novel material “Reminiscences About Future”). *Vestnik of N. A. Nekrasov Kostroma State University*. 2012;18(5):60–63. (In Russ.)
5. Manskov, A. A. The space of dystopia in Sigizmund Krzhizhanovsky's novel *God is Dead. Utopian discourse in Russian culture between the late XIX and the XXI centuries: literature, painting, cinematography*. Moscow, 2021. P. 130–145. (In Russ.)
6. Perelmuter, V. G. Commentary. *Krzhizhanovsky, S. D. Collected Works: In 6 vols*. Vol. 2. St. Petersburg, 2001. P. 611–700. (In Russ.)
7. Perelmuter, V. G. Commentary. *Krzhizhanovsky, S. D. Collected Works: In 6 vols*. Vol. 3. St. Petersburg, 2003. P. 602–673. (In Russ.)
8. Semenova, S. G. Russian poetry and prose of the 1920s and the 1930s. Poetics – World Vision – Philosophy. Moscow, 2001. 590 p. (In Russ.)
9. Toporov, V. N. Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the field of mythopoetic: Selected works. Moscow, 1995. 624 p. (In Russ.)
10. Trubetskova, E. G. Functions of a window in the prose of S. Krzhizhanovsky. *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Biomedical Sciences*. 2023;25(6):118–124. DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-93-118-124 (In Russ.)

Received: 6 November 2024; accepted: 23 December 2024

АРСЕНИЙ ОЛЕГОВИЧ ЛИСКОВ

магистрант второго курса Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-1600-0657; liskov2000@bk.ru

АННА ЕВГЕНЬЕВНА РОЗОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики
Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
annaneyolova@yandex.ru

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ
Е. ХАРИТОНОВА И Э. ЛИМОНОВА**

А н н о т а ц и я . Предлагается сравнительный анализ художественных стратегий репрезентации автобиографического героя в прозе Е. В. Харитонova и Э. В. Лимонова раннего периода творчества писателей. Актуальность и новизна исследования обусловлены неразработанностью настоящей проблемы и недостаточной изученностью наследия писателей в целом. В качестве предмета исследования выбраны образы главных героев центральных произведений в творчестве Харитонova (тексты сборника «Под домашним арестом», 1969–1981) и Лимонова (романы «Это я – Эдичка», 1976; «Дневник неудачника, или Секретная тетрадь», 1979), имеющих явно автобиографический характер. В результате сопоставительного анализа образов протагонистов и особенностей их репрезентации устанавливаются характерные сближения в реализации авторами экзистенциального конфликта русского интеллигента 1970-х годов, связанного с изображением героя маргинального типа, идентифицирующего себя в статусе «русского писателя», в условиях эмиграции (Лимонов) и в ситуации вынужденной творческой изоляции (Харитонов), выявляется динамика изменения формы автобиографических текстов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : автор, герой, протагонист, автобиографический текст, неофициальная литература, художественная репрезентация, Е. Харитонов, Э. Лимонов

Д л я ц и т и р о в а н и я : Лисков А. О., Розова А. Е. Художественные стратегии автобиографической прозы Е. Харитонova и Э. Лимонова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 1. С. 95–101. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1134

ВВЕДЕНИЕ

Творческое становление Е. В. Харитонova (1941–1981) и Э. В. Лимонова (1943–2020) происходило в одно время и в общих культурных условиях столичного подполья 1960-х годов. Однако достоверных сведений о прямых плодотворных контактах писателей, принадлежавших к обществу московской богемы, нет. Вероятно, Лимонов, активный участник неофициальной культурной жизни столицы, имел возможность читать и слушать произведения, впоследствии включенные Харитоновым в самиздатовский сборник «Под домашним арестом» (1981). Сведения о рецепции Харитоновым творчества Лимонова, покинувшего СССР в 1974 году, зафиксированы в поздней прозе Харитонova:

«Нет уж, по ср. с Лим., если на то пошло, если тоже крикнуть э т о я, я человек чурающийся улицы боящийся я никогда не водился со шпаной, я с детства живу в необыкновенной порядочности...» (Харитонов: 260–261)!

Яркие представители русской неподцензурной словесности, Лимонов и Харитонов, прежде сравнительно позднего дебюта в прозе утвердившиеся на поэтическом поприще, демонстрируют явные сближения в аспекте реализации писательских и жизнетворческих программ. Так, прозаическое (после 1974 года) творчество Лимонова носило явно игровой, мистификационный и вместе с тем регистрирующий характер. Выстраивание собственной мифологии, последовательное конструирование уникального художественного имиджа и фиксация мирозерцания «под-

польного» советского интеллигента 1970-х годов входили в намерение Харитонов, руководили им в процессе создания книги «Под домашним арестом». Кроме того, сама эволюция творческой биографии писателей, происходящая в движении от поэзии к автобиографической прозе и на поздних этапах тяготеющая к публицистике, выявляет множество показательных подобий.

Наследие писателей долгие годы оставалось вне поля интенсивного научного исследования. Активное освоение текстов Э. В. Лимонова отечественными учеными началось только в 2000-е годы, в том числе в компаративном ракурсе [10]. Научная библиография, посвященная главным образом поздней прозе и публицистике писателя, достаточно обстоятельна. Поскольку публикация текстов Е. В. Харитонova в полном объеме состоялась сравнительно поздно (в 1993 и 2005 годах), интенсивная литературно-критическая рецепция и научное изучение его произведений российской филологией началось недавно. Тем не менее в последнее десятилетие наблюдается возрастание исследовательского интереса к творчеству Харитонova [6], [8].

Проблема изображения человека в произведении художественной словесности широко разработана в трудах Л. Я. Гинзбург [5], М. М. Бахтина [1], В. В. Виноградова [3], Б. О. Кормана [7]. Теория М. М. Бахтина об эстетических инстанциях автора и героя изложена в незавершенной работе «Автор и герой», где ученый рассматривает инстанции, присутствующие в «мире художественного видения», и различает «автора первичного» (личность пишущего), «автора вторичного» (его образ в тексте) и героя. Последний воплощает в себе определенный «комплекс представлений о человеке» [5: 5] и конституируется волей автора-«зрителя», организующего текст [1: 208]. Бахтинская теория лежит в основании всех последующих исследований этого вопроса. По Корману, герой и система его внутритекстовых отношений воплощают концепцию авторской действительности [7: 149], являясь или «субъектом речи» (герой-повествователь), порождаемой «субъектом сознания» (автором), или ее «объектом» (персонажем) [7: 174].

Использование сравнительного метода в изучении творчества писателей, уже имевшее место в отечественном литературоведении (конкретно – в рассмотрении сходных практик и форм эпатирования читателя [2: 150–158]), позволяет отчетливее раскрыть индивидуальные особенности поэтики авторов и в то же время помогает выявить характерные черты литературной и социальной среды, формировавшей художественное и экзистенциальное самосознание писателей,

а также определить отраженные в их творчестве тенденции русской неофициальной литературы 1970-х годов.

* * *

В качестве основных объектов исследования нами выбраны романы Э. В. Лимонова «Это я – Эдичка» (1976) и «Дневник неудачника, или Секретная тетрадь» (1979), повесть Е. В. Харитонova «Духовка» (1969), а также ряд тематически и стилистически примыкающих к ней сочинений последнего, написанных в 1970-е годы. Важно отметить, что повесть Харитонova следует рассматривать в контексте сборника «Под домашним арестом» (1981) в качестве текста, открывающего концептуально целостную и композиционно продуманную книгу, подготовленную автором для первой официальной публикации за границей.

При сопоставлении лимоновских и харитоновских текстов на поверхности оказывается прежде всего их автобиографичность: художественная репрезентация и рефлексия действительных событий авторской биографии (провинциальное детство и юность, переезд в столицу, профессиональные занятия и карьерные обстоятельства и т. д.), насыщенность деталями быта (советского и эмигрантского), фиксация реальных исторических событий, широкий круг персонажей, имеющих действительные прототипы. Характерной особенностью творческой практики писателей было сближение инстанций «автора вторичного» (образа писателя в тексте) и героя.

Важнейшим сюжетобразующим стержнем произведений Лимонова и Харитонova является экзистенциальный конфликт, прежде всего любовный и «профессиональный», резонирующий с рядом частных коллизий и находящийся в отношениях взаимной определенности с конфликтом неустойчивой *самоидентификации* героя. Если первый связан с репрезентацией «вечно-го» сюжета взаимоотношений полов, то второй оказывается следствием профессиональной и социальной природы персонажей. Любовный конфликт в текстах эмигранта Лимонова («Это я – Эдичка») и «подпольного» писателя Харитонova («Духовка») реализуется в сюжете перемещения, обращенного в скитание, *одиссею* героя. Покинутый герой Лимонова находится в напрасных поисках утраченной возлюбленной, на протяжении романа совершая непрерывные перемещения. Поиск потерянной Елены (супруги героя) проецируется на тоску Эдички по Родине.

Исследованию сюжета перемещения / хождения Эдички в городском пространстве посвящена работа А. А. Конакова, в которой автор

доказывает ведущее конструктивное значение этого элемента в структуре романа². Добавим к сказанному, что путь лимоновского протагониста «по пересеченной местности» географически линейен, включает в себя типичные локации г. Нью-Йорка (Манхэттен, Центральный парк и примыкающие к нему авеню, Даунтаун и др.), при этом *мысль* Эдички (и неудачника) непрестанно возвращается в прошлое (по единой и мало изменяемой траектории), взгляд героев в значительной степени ретроспективен, обращен к топосам советской, уже – провинциальной украинской действительности (детство автора прошло в Харькове и его окрестностях). В поисках утраченной идентичности (русского поэта) «главный пешеход города Нью-Йорка», как именует себя герой, физически преодолевает громадные расстояния. Отнюдь не случайна параллель с сюжетом странствия Одиссея, позднее проведенная автором: лимоновский герой ищет возвратных путей к «Итаке», сознавая несущественность этого намерения.

Репрезентация харитоновского героя в повести «Духовка» также реализована в сюжете *хождения* героя «вокруг да около» предмета его чувственных влечений. Орбита его перемещения сужается и расширяется сообразно движению невротической, и потому многословной, «путано кружащейся» рефлексии. Модель средоточия, центростремительное кружение, череда тщательно, с маниакальной дотошностью продуманных вылазок от дома к дому и составляют содержание повести о так и не высказанной любви героя: стратегически точные перемещения из подмосковного дачного поселка в город и обратно в результате ни к чему не приводят. Любовный сюжет остается невоплощенным намерением героя, констатирующего свое одиночество:

«Значит, они насовсем уехали, и адрес не смогу записать, звонить предлагать нельзя, произведет только обратное действие. И три дня осталось до моего отъезда, а они сюда не приедут. И вот ведь, опять как в то прощание после солнечных дней лил дождь, как будто нарочно для грусти – после того прощания все дни было солнечно, в понедельник, когда в кино ходили, жарко было, а тут дождь и я один стою, народу нет в поселке, не попрагались даже, совсем разъехались» (Харитонов: 42).

Рефлексия героем «невозможной», несостоявшейся любви в следующих текстах писателя замыкается в «порочный круг» желаний и невозможности осуществления:

«Нет любви сладкой, с замиранием, невозможной. У привередливого меня. Квартира есть, вечер есть, лето есть, молодости есть немного, а гостя хорошего нет. Так и останется то воспоминание о 4-х месяцах. Все более и более неправдивое. Забывающее, что и тог-

да было не то. Нет, нет, то, уж это-то мне оставьте, думать что было, и оно было. Только вот мешало писанию и никак не соединяло в моей жизни одно с другим. Потому что с писанием моего рода ничто, что мешает жить одному, не соединится» (Харитонов: 299).

Герои Харитонova и Лимонова – люди *пишущие*, и усложнением экзистенциального конфликта становится проблема творческой реализации героя. По своему положению в структуре советского и американского социума харитоновский и лимоновский герои принадлежат к маргинальному типу, широко представленному в литературе русского андеграунда 1970–2000-х годов. Герою такого типа, страдающему «от неправильно устроенного мира и потому живущему на пределе сил и возможностей», присуще «стремление обрести экзистенциальную свободу духа» [4: 92]. Общественный статус героев во многом детерминирован их профессиональными (творческими) амбициями. Так, харитоновский герой исходно позиционируется как «подпольный человек», а Эдичка и неудачник – поэты эмиграции. Протагонист первого романа Лимонова подчеркнута люмпенизирован. Освобождение лимоновского героя от советского идеологического императива в романах оборачивается коллизией *невостребованности* и *разочарования*. Произведения героя (статьи, манифесты, проза) оказываются отвергнуты как американскими коммерческими издательствами, так и сообществом русской литературной диаспоры, состоящей из деятелей советской культуры третьей волны эмиграции. «Выпавший из всех коллективов», герой-неудачник ищет чувства сообщества, причастности к общему делу, возможного в «секте» (Эдичка) или в террористической группе анархически настроенных революционеров («Может, я набреду на вооруженную группу экстремистов, таких же отщепенцев, как и я...»³).

Эксплицитная «несоветскость» образов автора и героя отличает и харитоновскую художественную индивидуальность. Проводимая и в жизни, и в репрезентации героя установка на эстетизм, формальные эксперименты с ориентацией на опыт европейского модернизма (Д. Джойс, М. Пруст) и русского Серебряного века (М. А. Кузмин, В. В. Розанов) противоречили советскому литературному канону. Заведомо ненормативные эстетические и мировоззренческие убеждения писатель репрезентирует в текстах манифестационного типа («Листовка», «Непечатные писатели»). Лимонов, синтезируя формы поэзии и прозы, создает поэму-манифест «Мы – национальный герой», в которой значительное место занимает *эстетическое оправ-*

дание образа героя. Манифестирующие пассажи сохраняются в качестве композиционного элемента его первых романов, см., например, в «Дневнике неудачника»:

«Эту цивилизацию нужно разрушить везде на Земле – и в России, и в Китае, и в Америке. Разрушить ее и объединить для этой цели всех, кто неудовлетворен... Мы говорим: “Наша цель – разрушение”...»⁴; «Они придут. Хулиганы и те, кто робок (робкие хорошо воюют) <...> Придут несчастливые в любви, деньгах и работе <...> Возьмут оружие и покончат с этим порядком навсегда»⁵.

Однако основной мотив художественной репрезентации героя в творчестве писателей различен, что проявляется, помимо прочего, в особенностях речевого портретирования протагонистов. Для Лимонова приоритетной является репрезентация эволюции лирического «Я», вложенного в образ автопсихологического героя инфантильного типа. Харитоновский герой, становящийся в самосознании *писателя*-«узоротворца», конструирует криптоязык («узор») своей прозы, использует прием «миниатюризации» [6: 40–47], меняет синтаксические и орфографические отношения в тексте, последовательно нарушает грамматическую норму, не считая нормированный язык официальной советской литературы (в том числе язык официальных советских «модернистов» В. П. Катаева и А. А. Вознесенского) достаточно адекватным содержанию своего творчества. Функцию стилистического и языкового «остранения» и эпатажа в романе Лимонова выполняет обценная идиоматика, грубая лексика, широкое употребление варваризмов. Стилистическое «снижение» отражает, с одной стороны, эмоциональное состояние «опустившегося на дно» человека, переживающего трудные процессы аккультурации, ассимиляции, социальной интеграции, с другой – подчеркивает отмежевание героя от «интеллигентов» диссидентской диаспоры и языка классической русской литературы; оправдывает солидарность и сознательное отождествление героя с «подонками» американского общества: преступниками, криминализованными элементами, бездомными, нелегальными мигрантами. Утверждению лимоновского героя в позе «плебей среди аристократов» [2: 154] в эволюции харитоновского протагониста аналогично усугубление исходного положения «еретика», отвергающего не только советский эстетический канон, но и авторитеты диссидентской культуры (Б. Л. Пастернака, названного «Пастерначишкой» (Харитонов: 286), М. И. Цветаевой и А. А. Ахматовой). Герой книги «Под домашним арестом» идентифицирует себя

«узоротворцем» и как бы «дважды диссидентом», исключенным из официальной советской культуры и обособленным в культуре столичного андеграунда:

«Поэт (писатель, узоротворец) тот кто дописался до своего узора, рынка на него нет или будет, теперь ему все равно, он только и может его ткать как заведенный. Все, его из этой его жизни уже не вытянешь. Так он там и будет жить и погибать» (Харитонов: 309–310).

Особый интерес в связи с репрезентацией героя представляет динамика формы лимоновского романа и харитоновских «художеств» (авторское определение). В 1970-е годы она движется от классического фабульного нарратива («Этот я – Эдичка») к псевдоэпистолярно, предполагающему большую интимность содержания, подчеркнутую автором в заглавии – «Дневник неудачника, или *Секретная тетрадь*». Кроме того, в текст «Дневника» включены стихотворные строфы героя-поэта, поэтические интерлюдии, повторяющие форму тургеневских стихотворений в прозе. Стиль Харитопова в произведениях 1970-х годов, написанных после «Духовки», тоже тяготеет к фрагментарности и жанровой синтетичности: так, повесть «Слезы об убитом и задушенном» (1978) состоит из нарративных периодов, абзацев-объявлений, стихотворных столбцов, «Роман» (1978) представляет собой опыт сопряжения эстетики визуальной, или конкретной, поэзии и прозы, выполненной в технике потока сознания, а текст «Слезы на цветах» (1980) включает, помимо исповедального монолога героя, написанного в дневниковой форме, конспект «романа»¹¹. Формальные эксперименты Харитопова отразили поиски литературных приемов разрешения экзистенциального конфликта фрустрированного сознания пишущего, во многом обусловленные биографическими обстоятельствами автора. Инстанция героя в значительной части произведений, написанных в 1970-е годы («Роман», «Слезы об убитом и задушенном», «Непьющий русский»), замещается транслирующим свое сознание «автором вторичным».

Идеологические разногласия Харитопова, его личностная и мировоззренческая несовместимость с официальным курсом советской России (неконвенциональность личных пристрастий, церковный монархизм леонтьевского толка, экстравагантность сексуальных убеждений, восходящих к метафизическим представлениям В. В. Розанова и П. А. Флоренского) и «эстетический», по словам автора, конфликт Лимонова с представителями государственных структур СССР (а затем и с писателями американской диаспоры) укрепляли маргинальное положение пи-

сателей. Формат «записок», или дневника, «подпольного человека» оказывается, таким образом, адекватен художественным интенциям как писателя-эмигранта (Лимонов), так и андеграундного автора метрополии (Харитонов).

«Исповедальность» монологов отчужденного и экзистенциально фрустрированного персонажа, порой граничащая с откровенным эксгибиционизмом, открывает возможность для типологического сближения фигур героев с образом «маленького человека», в свою очередь, выявляющего их генетическое родство, восходящее к литературному образу В. В. Розанова (1856–1919). Самопредставление автора-героя как «маленького человека», «смирненного, простого и крепкого», позволившее Розанову «восстать против самых великих и давних авторитетов» [9: 24], побуждает лимоновского героя (подчеркнуто беспомощного среди необозримых «билдингов», не находящего «любви») к бессильному и обреченному на поражение протесту. Харитоновский герой («жизнеспособный младенец»), напротив, возлагает надежды на Бога, государство («Да здравствует Сталин» (Харитонов: 263)) и особый, «цветочный» (и в силу своей уязвимости подзащитный у Бога) статус своего существования. Харитоновская мысль («А с нами Бог. Бог, вот этот, не какой-то» (Харитонов: 301)) согласуется с представлением Розанова:

«Большое само на себя надеется, и Бог ему не нужен и ненужный отходит от него. А маленькому куда деваться без Бога? И Бог с маленькими»⁶.

При этом «миниатюрному» и «незаметному» герою Харитонova и тщетно восстающему герою Лимонова присуще убеждение в своей *исключительности*, у Эдички выраженное в пресловутом нарциссизме

(«Белые штанины симметрично легли на тротуар. Обнажились деревянные босоножки. <...> А тонкие черные пальчики из-под ремней. Писатель. И челка густая и крылатые сложные волосы. И фигурка. <...> Привлекателен. Не то что бы красив. Но фигурка уж очень хороша. Да и мордочка тоже»⁷),

а в харитоновском протагонисте представляющее откровение собственной *избранности* (ср. из воспоминаний об авторе Д. А. Пригова: «Он жил в постоянном ощущении собственной избранности»⁸). Отраженное в текстах писателя осознание избранности, вероятно, является частным проявлением харитоновской концепции *богоизбранности*, мессианства русского народа:

«История, государство, Царь, Екатерина, Великая революция, Ленин и Сталин, новое дворянство, мощь развившегося государства...»; «А дальше пойти на вселенную, чтобы из глаза Спаса-Байконура вы-

летела ракета и выписывала в небесах слово Россия» (Харитонов: 283, 263).

Неслучайными представляются в этом свете уподобление героя, «непечатного писателя», Иоанну Богослову, автору «Откровения», завершающего раздела Священного Писания:

«Самый великий писатель с тех пор как земля попала в Созвездие Рыбы – Иоанн Богослов – никогда не издавался отдельно. Оба его сочинения мы знаем только по альманаху под названием Новый Завет» (Харитонов: 238).

Вместе с тем декларирующий «имперский» и «почвеннический» дискурс герой позиционирует себя как художника «уединенного слова», находящегося «под домашним арестом», определяет творческий процесс (и процесс *становления героя*) в категориях интимности.

Важным представляется еще один аспект самопрезентации автобиографического героя: образ героя у Лимонова и Харитонova неотделим от навязчивого страха физического одряхления и старости:

«Я хочу умереть молодым. <...> Не может быть Лимонова старого!»⁹; «Меня нельзя любить. Нельзя желать старые кости. И тело, полное мертвых клеток. В случае [во] мне могут любить душу или что там такое» (Харитонов: 323).

Харитоновская боязнь одиночества и отчужденности корреспондирует с навязчивой геронтофобией Эдички, у Лимонова предстающей обратной стороной культа юности, витализма, эстетизации физической силы и телесного здоровья, во многом сближающего художественное мировоззрение Лимонова с эстетическим представлениям Ю. Мисимы и Ж. Жене [10: 16–21, 69–70].

В этом свете «апология слабости» («Слабость это сила тончайшая, недоступная, невидимая тупому глазу, победа всегда за ней» (Харитонов: 328)), проводимая Харитоновым в текстах 1970-х годов, представляется полной противоположностью программе Лимонова, отраженной, например, в романе «Палач». Тем более лимоновской провокативности (заявленной уже в заглавии романа «Это я – Эдичка!») и всему последующему курсу на скандальность, эпатаж и саморекламу, маскирующему подлинные потребности покинутого героя, оказываются чужды харитоновские эстетизация и *манифестирование* «цветочности», «тепличности», «закрытости» существования («я забрался в раковину и никогда из нее не выйду» (Харитонов: 252)). Установки Харитонova обнаруживают реакцию автора и героя на социальную и юридическую уязвимость: в 1970-е годы

Харитонов, уже имеющий судимость по 121-й статье УК СССР, становится объектом пристального внимания КГБ, оказывается втянут в судебное разбирательство по делу об убийстве [6: 158–164]. Лимоновская мысль об искупительном восстании, лелеемая героями его романов, невозможна в душевном подполье харитоновского мира. Довлеющий над писателем дамоклов меч определяет сентимент и основную тональность исповеди героя – «маленького человека» советского подполья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, основанием для сближения творческих практик писателей послужило характерное для Лимонова и Харитонova проецирование в художественный текст обстоятельств собственной биографии, интерес писателей к маргинальным проявлениям экзистенциального опыта. В результате сравнительного анализа художественных стратегий писателей выяснилось, что конструирование образа протагониста отражает социальную природу и профессиональный статус автора – «подпольного» художника или писателя-эмигранта и достигается различными способами: переменой масок и амплуа (Лимонов), поведенческими девиациями героя или последовательным раскрытием и мифологизацией собственной идентичности (Харитонов) посредством трансформаций литературной формы автобиографических произведений. Динамической силой, позволяющей раскрыть образ героя, слу-

жит экзистенциальный конфликт, возникающий из-за невозможности социальной интеграции, реализации его профессиональных и любовных потенциалов. Конфликт, ядром которого является рефлексия героем своей отчужденности, отражает биографические обстоятельства авторов, находящихся в положении духовной и социальной изоляции внутри родной культурно-языковой среды (Харитонов) и вне ее (Лимонов).

Репрезентация героя в прозе Харитонova обнаруживает тенденцию к последовательному устранению границы между образом автора и героем; эта же особенность маркирует и литературную эволюцию Лимонова, демонстративно отождествляющего инстанции автора и героя («Это я – Эдичка»; «Подросток Савенко» (настоящая фамилия писателя. – А. Л., А. Р.); в позднем творчестве – «Дед», «Старик путешествует»). Художественную индивидуальность героя Харитонов определяет в категориях «сильной слабости», уязвимости, смиренной «подпольности», кропотливого труда «героя слабости», «ткущего» свой узор («в поэтических симпатиях мил мир бедных людей, страх Божий в людях, провинция, мечтательность, вечная печаль и слезы вместо действия»²⁴), и реализует этот сюжет в автобиографической прозе. Лимоновский протагонист-неудачник, напротив, радикализируется и от сентиментального пафоса исповедальности обращается к патетике революционной, провозглашает восстание «малых сих», долженствующее увенчаться «смертью героя».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Харитонов Е. В. Под домашним арестом: Собрание произведений. М.: Глагол, 2005. 560 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием в скобках фамилии автора и через двоеточие страницы.
- ² Конаков А. А. Бипедальная любовь // Горький [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gorky.media/context/bipedalnaya-lyubov/> (дата обращения 11.11.2024).
- ³ Лимонов Э. Это я – Эдичка: [Роман]. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. С. 358.
- ⁴ Лимонов Э. Дневник неудачника, или Секретная тетрадь: [Роман]. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. С. 137.
- ⁵ Там же. С. 257.
- ⁶ Розанов В. В. В Сахарне. Перед Сахарной. М.: Директ-Медиа, 2015. С. 62–63 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=416010> (дата обращения 11.12.2024).
- ⁷ Лимонов Э. Это я – Эдичка... С. 256–257.
- ⁸ Харитонов Е. Слезы на цветах: Сочинения: В 2 кн. Кн. 2: Дополнения и приложения / Сост., подгот. текстов и коммент. Ярослава Могутина, [Александра Шаталова]. М.: Журн. «Глагол», 1993. С. 88.
- ⁹ Лимонов Э. Дневник неудачника... С. 20.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
2. Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 352 с.
3. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971. 240 с.
4. Воробьева Е. С. Маргинал в русской литературе конца XX – начала XXI века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5. С. 91–98.
5. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л.: Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1979. 224 с.
6. Конаков А. А. Евгений Харитонов: Поэтика подполья. М.: Новое издательство, 2022. 270 с.
7. Корман Б. О. Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск, 1992. 235 с.

8. Ларионов Д. В. Интерпретация жеста в повести Евгения Харитонова «Духовка» // Культура и искусство. 2018. № 7. С. 51–59.
9. Синявский А. Д. «Опавшие листья» В. В. Розанова. Париж: Синтаксис, 1982. 336 с.
10. Чанцев А. В. Бунт красоты: эстетика Юкио Мисимы и Эдуарда Лимонова. М.: Аграф, 2009. 192 с.

Поступила в редакцию 24.11.2024; принята к публикации 23.12.2024

Original article

Arseniy O. Liskov, Master's Student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-1600-0657; liskov2000@bk.ru

Anna E. Rozova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
annaneyolova@yandex.ru

ARTISTIC STRATEGIES OF YEVGENY KHARITONOV'S AND EDUARD LIMONOV'S AUTOBIOGRAPHICAL PROSE

Abstract. The article presents a comparative analysis of the artistic strategies employed by Yevgeny Kharitonov and Eduard Limonov in depicting the autobiographical heroes of their prose during the early stages of their writing careers. The relevance and originality of this study stem from the limited exploration of this topic and the overall insufficient examination of these authors' bodies of works. The focus of the analysis is on the central characters in Kharitonov's collection *Under House Arrest* (1969–1981) and Limonov's key novels *It's Me*, *Eddie* (1976) and *The Diary of a Loser; or the Secret Notebook* (1979), all of which possess a distinctly autobiographical nature. Through a comparative examination of the protagonists and the ways in which they are portrayed, the study identifies notable similarities in how both authors reflect the existential conflict faced by the Russian intelligentsia in the 1970s. This conflict is closely tied to the portrayal of a marginal hero who identifies as a "Russian writer", navigating the challenges of emigration (in Limonov's case) or forced creative isolation (in Kharitonov's case). The analysis also reveals the dynamics of changes in the form of the authors' autobiographical texts.

Keywords: author, hero, protagonist, autobiographical text, unofficial literature, artistic representation, Yevgeny Kharitonov, Eduard Limonov

For citation: Liskov, A. O., Rozova, A. E. Artistic strategies of Yevgeny Kharitonov's and Eduard Limonov's autobiographical prose. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(1):95–101. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1134

REFERENCES

1. Bakhtin, M. M. Author and hero: On the philosophical foundations of the humanities. St. Petersburg, 2000. 336 p. (In Russ.)
2. Berg, M. Literaturocracy. The problem of appropriation and redistribution of power in literature. Moscow, 2000. 352 p. (In Russ.)
3. Vinogradov, V. V. On the theory of artistic speech. Moscow, 1971. 240 p. (In Russ.)
4. Vorobyova, E. S. Marginal character in the Russian literature of the late 20th – early 21st centuries. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2014;5:91–98. (In Russ.)
5. Ginzburg, L. Ya. On the literary hero. Leningrad, 1979. 224 p. (In Russ.)
6. Konakov, A. A. Yevgeny Kharitonov: Poetics of the underground. Moscow, 2022. 270 p. (In Russ.)
7. Korman, B. O. Selected works on the theory and history of literature. Izhevsk, 1992. 235 p. (In Russ.)
8. Lariонов, Д. В. Interpretation of gestures in Yevgeny Kharitonov's short novel *The Oven*. *Culture and Art*. 2018;7:51–59. (In Russ.)
9. Sinyavsky, A. D. *Fallen Leaves* by V. V. Rozanov. Paris, 1982. 336 p. (In Russ.)
10. Chantsev, A. V. Revolt of beauty: the aesthetics of Yukio Mishima and Eduard Limonov. Moscow, 2009. 192 p. (In Russ.)

Received: 24 November 2024; accepted: 23 December 2024

АНТОНИНА СЕРГЕЕВНА СЕМЕНОВА

аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0009-0002-1836-0306; mercadera@yandex.ru

ТРАДИЦИОННЫЙ ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР В РЕПЕРТУАРЕ МЕЗЕНСКИХ ХОРОВ

Аннотация. Объектом полевых наблюдений автора в ходе экспедиций на Мезень и ее притоки в Архангельской области в 2000–2010-е годы стала певческая практика местного населения. Исследование проводилось методом включенного наблюдения. Оно позволило предположить, что в настоящее время на этой территории существуют два различных вида певческой практики: публичная и приватная. Выявление их особенностей стало целью исследования, результаты которого частично представлены в статье. Основное внимание в ней уделяется месту традиционного песенного фольклора в репертуаре сельских хоров. Пение рассматривается как одна из практик локального сообщества, и в этом заключается новизна избранного подхода к материалу. В отечественной филологической фольклористике объектом анализа, как правило, является песенный текст, и практический смысл пения остается малоизученной областью. В контексте антропологического поворота в гуманитарных науках такое исследование представляется актуальным. В результате был сделан вывод о том, что сохранение традиционного песенного фольклора в репертуаре сельских хоров на протяжении ста лет после уничтожения крестьянского сословия свидетельствует о том, что он не утратил своего значения как для местных жителей, так и для властей, под патронажем которых находятся фольклорные коллективы.

Ключевые слова: традиционный песенный фольклор, фольклорный хор, певческая практика, коллективное пение, Мезень

Для цитирования: Семенова А. С. Традиционный песенный фольклор в репертуаре мезенских хоров // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 1. С. 102–112. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1135

ВВЕДЕНИЕ

До распада традиционного уклада, произошедшего в результате революции 1917 года и коллективизации, пение сопровождало обряды, труд и досуг крестьян. Определенные ситуации предполагали пение определенных песен. Так, например, на Мезени некоторые хороводные и игровые песни были приурочены к весенне-летним гуляньям – «петровщинам» [13]. Пение хороводных, плясовых и игровых песен сопровождалось строго регламентированными движениями [8: 18–19]. «Площадками» для певческих практик выступали улица, поле, берег реки, изба и т. п. К началу XXI века певческие практики и площадки, на которых они разворачиваются, изменились, тем не менее пение хором по-прежнему присутствует в публичном и приватном пространстве. В ходе экспедиций¹ на Мезень в 2000–2010-е годы я наблюдала, какие песни и в каких ситуациях поют деревенские жители. На основании поле-

вых наблюдений и изучения собранных материалов можно сделать некоторые выводы относительно современных певческих практик на Мезени в целом и места традиционного песенного фольклора в репертуаре местных хоров и особенностей его исполнения в частности.

СЕЛЬСКИЕ ХОРЫ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД И МЕСТО ТРАДИЦИОННОГО ФОЛЬКЛОРА В ИХ РЕПЕРТУАРЕ

Любительские хоры, в репертуар которых входил традиционный фольклор, стали появляться по инициативе частных лиц по всей стране начиная с 1920-х годов. Они исполняли на сцене сельских клубов песни из местного традиционного репертуара и песни советских композиторов². Образцом для них послужили ставшие популярными благодаря грамзаписям и трансляции по радио хоры М. Е. Пятницкого, П. Г. Яркова, А. Я. Колотиловой и др. С конца 1920-х годов жи-

тели некоторых мезенских деревень начали собираться на спевки, в 1930-е годы появились первые хоры при клубах. В 1936 году Т. А. Орешкина, уроженка села Лешуконское, создала «хор народной песни» в поселке Каменка Мезенского района. В селе Азаполье хор организовала местная жительница Марфа Калинична Дьячкова. Поначалу на спевки собирались в доме одного из участников, по праздникам выступали в клубе.

Созданные по инициативе частных лиц хоры в скором времени были взяты под патронаж государства и с этого момента утратили независимость. В 1930-е годы развернулась кампания, направленная на «руководство» фольклором. После разгрома краеведения в конце 1920-х годов, дискуссий фольклористов о специфике фольклора и выступления А. М. Горького на Съезде советских писателей в 1934 году, ценность дореволюционного крестьянского фольклора на долгое время оказалась под вопросом. Перед учеными и культработниками была поставлена задача создания новых народных песен³.

В 1936 году приказом по Управлению театрами Северного края в Архангельске был учрежден Отдел народного творчества⁴. Он занимался изданием репертуарных сборников для сельских хоров, пошивом костюмов, проведением семинаров с руководителями народных коллективов, организацией смотров и фестивалей художественной самодеятельности, выездов архангельских композиторов и хормейстеров в сельские районы⁵. В результате на смену традиционному песенному репертуару постепенно пришли песни советских композиторов и сделанные ими обработки народных песен⁶.

Н. П. Колпакова, работавшая на Мезени в составе экспедиции ИРЛИ АН СССР в 1958 году, пишет в своем полевом дневнике:

«...по всей Мезени и Вашке в 1930-х годах очень сурово прокатилась волна запрета всякой старины: были сломаны старинные часовни и церкви; за приверженность к старине – пение былин или духовных стихов – виновные подвергались репрессиям; люди со страху жгли целыми кострами печатные и рукописные старые книги... Особенно боялись петь “старины”, т. е. былины, т. к. в них поминались такие одиозные личности, как “князя-бояра”, “князь Владимир” и другие подобные персонажи» [9: 288].

С культурной политикой советской власти связывают исчезновение песен из традиционного репертуара и наши информанты:

«Инф. 1: “Во слободке во новой жил детина холостой... неженатый, холостой”. Я тоже эту песню от матери-то слыхала. Эти песни наших родителей уже. Инф. 2: Ну чего как – вот старые люди были, советская

власть всё унесла. Запрет был, на кладбище – и то не ходили...»⁷

Определенную роль в разрушении певческой традиции сыграли коммуны и принудительные работы на лесозаготовках, на которые с конца 1920-х годов отправляли девушек 14–18 лет [14: 362]. В 1930-е годы удар по крестьянскому сословию нанесли раскулачивание, репрессии и коллективизация⁸. Родители и старшие родственники многих наших информантов 1910–1950-х годов рождения были раскулачены. Колоссальные потери мужского населения в результате Великой Отечественной войны также отразились на деревенских певческих практиках⁹.

В советское время съезжие праздники, которые были привязаны к церковному календарю, оказались под запретом. Приведу цитаты из воспоминаний наших информантов:

«Инф. 1: Мы вот со слов родителей знаем, было-то, эти, петровщины, говорят, водили, девушки наряжались и парни, и вот, на улице, это хороводы. А Петр и Павел – это были какие-то святые, ну, мы не знаем религии-то. Ну, и были распределены праздники, вот, например, Петров день, а осенью, в ноябре – Михайлов день. <...> Все для фронта, все для победы. Отборное зерно государству для войны, все для войны. Колхозникам чего-то дают маленько. И мы так голодовали, так наголодовались, какие там праздники! Никаких праздников. <...> Мама умерла в пятьдесят втором, вот тогда еще праздников не праздновали... Инф. 2: Тогда советская власть не разрешала и праздновать»¹⁰.

«<Соб.: А были какие-то большие праздники, когда съезжались с разных деревень?> У нас уже это не было. Это было запрещено. Были раньше съезжие праздники, это было до войны. Но еще после войны немного было. Но если где и было еще, то я был маленький, я уже не помню. Запрещали. Как запрещали религию. <Соб.: А праздники-то почему запрещали?> Съезжие запрещали. Потом их не стало вообще. В семидесятые годы. В шестидесятые уже тоже не было. Ну, приезжали так родственники к кому-то куда-то, но не так, чтоб вся деревня гуляла. Это партийные органы вмешивались, чтобы не собирались – ну, не нужно было. Даже в наряды эти старинные кто оденется, так старались как-то... не знаю, запрещали, не очень это было. Считалось, что должно быть все современно, никаких тут пьянок-гулянок. <Соб.: Ну а если в одной деревне какой-то праздник, ну, Новый год, например...> Современные праздники – пожалуйста, ты хоть празднуй, хоть распразднуйся, тебе никто ничего не скажет. Но вот, допустим, Покров. У нас в деревне съезжий праздник – Покров Пресвятой Богородицы. Это запрещено было. Церковные, религиозные. На моем веку съезжих праздников не праздновали. Это сейчас – пожалуйста, все делают. Ильин день, Петров день. А вот раньше это были съезжие праздники – у нас Покров день. И Никола 14 октября. Одевались в наряды когда-то там... До войны еще это было. В войну не до праздников было, после – тоже. Наряды забросили, в сундуках держали»¹¹.

До распада традиционного уклада пение было важной составляющей деревенского праздника. Запрет съезжих и церковных праздников означал, что в течение достаточно длительного периода отсутствовал повод для коллективного спонтанного исполнения традиционного репертуара в публичном пространстве, что не могло не ускорить процесс его забвения.

В 1958 году Н. П. Колпакова отмечает значительные изменения, произошедшие на Мезени за 30 лет (по сравнению с 1928 годом, когда она впервые работала на этой территории) в практике проведения календарных праздников, исполнения песен и составе репертуара [8: 17–28], [9: 281]. При этом в некоторых деревнях традиционный песенный репертуар сохранялся в неофициальных певческих группах, в которые входили члены семьи и соседи. Они собирались друг у друга, к ним присоединялись младшие члены семьи, а под окнами часто стояли слушатели [2: 76–77], [8: 28].

В 1960-е годы Советский Союз охватило международное «фольклорное движение», которое заключалось в работе интеллигенции, направленной на «возрождение» традиционной культуры [5], [17]. Фольклорные хоры, которым удалось сохранить в своем репертуаре традиционный песенный фольклор, стали привлекать к себе внимание музыковедов. С 1970-х годов Фольклорная комиссия Союза композиторов организовывала музыкально-этнографические концерты в Москве и Ленинграде, на которые приглашались лучшие сельские ансамбли, в том числе из сел Лебское, Кеба, Ценогора Лешуконского района. Во время пребывания ансамблей в Москве осуществлялись студийные записи на радио и Всесоюзной студии грамзаписи, записывались и сами концерты [4: 291]. На волне интереса к фольклору выросла активность существовавших сельских хоров, создавались новые хоры: в 1967 году – хор при Доме культуры в селе Жердь, в 1985 году – в Кебе и др.

С 1970-х годов в городах начали организовывать фольклорные фестивали. С 1975 года в Архангельске проходит учрежденный Министерством культуры Архангельской области и Государственным академическим Северным русским народным хором Межрегиональный фольклорный фестиваль-конкурс им. А. Я. Колотиловой. С 1989 года по инициативе областного научно-методического центра культуры в Архангельске проводится Международный фестиваль фольклора «Жемчужина Севера».

После перестройки к фольклорному наследию обратилось государство и местные органы власти. По мнению Л. Олсон, попытка возродить народные традиции была вызвана стремлением справиться с состоянием неопределенности в период, когда идеологии рассыпались, географические границы были изменены и национальная идентичность оказалась под вопросом [17: 12]. С изменением политики государства в отношении религии стало возможным празднование церковных праздников¹². В 2000 году в рамках проекта «Съезжие праздники на Мезени», подготовленного Отделом по делам молодежи, культуры и искусства МО «Мезенский район», были впервые организованы праздничные гулянья в Дорогорском, Жерди, Кимже, Азаполье, приуроченные к дням, когда ранее там отмечались престольные праздники, а также Крещение в Мелогоре, Сретение в Целегоре, Масленица в г. Мезень¹³.

Приказом по Управлению культуры в 1980 году на базе областного Дома народного творчества и методического кабинета культпросветработы был создан единый областной научно-методический центр культуры. С 1982 года начали проводиться «областные тематические единые клубные дни», в рамках которых читались лекции о северном народном искусстве, организовывались встречи с фольклорными коллективами¹⁴.

В ответ на возникший спрос на традиционный фольклор со стороны властей и городской интеллигенции деревенские хоры стали активнее включать его в свой репертуар. Однако гонения, которым он ранее подвергался, а также разрушения, которые в XX веке постигли деревенский уклад, привели к тому, что многие представители поколения 1930-х годов рождения и следующих поколений уже не знали традиционного песенного репертуара и им приходилось осваивать его в хоре. Слыша пение старших, их дети, родившиеся при советской власти, не понимали слов. Сами они пели песни из репертуара эстрадных певцов и кинофильмов. Из интервью с участницей фольклорного хора деревни Кеба 1955 года рождения:

«А пели мы почему-то нестаринные песни. Женщины и старинные песни пели, мы которые не понимаем, они поют, а нам казалось, ну тоже не как сейчас они пели, я вообще ни одного слова не понимала. Мне казалось: че они поют? Я ниче не слышала. А мы свои песни пели: “При лужке-лужке” да “Ромашки спрятались, завяли лютики”»¹⁵.

Многие наши информанты, участвовавшие в фольклорных хорах, в ситуации интервью

пели песни из традиционного репертуара по своим песенникам, поскольку не помнили тексты наизусть. Иногда они с трудом разбирали слова, записанные в песеннике, что также говорит о том, что традиционный репертуар для многих представителей советских поколений является чужим.

«У ней кошач... Чё-то тут... соболи... А! У ней кошачье... у ней кошачьи глаза, у ней рыбы глаза, у ней собачьи глаза да лошадиная голова. Сама написала не знаю че»¹⁶.

По свидетельству наших собеседников, манера пения старшего поколения отличалась от того, как поют они сами. Из интервью с женщиной 1936 года рождения:

«Раньше ведь женщины. <...> Они тянут там по своему, ты и слова-ти не знашь. Как они там вытягивают, бог его знает. А мы-то ведь, вишь, слова-ти проговариваем, они дава-ай, тянут, да и не пойдем, чё они тянут... А теперь тоже много поют, дак, но нынче-то поют словами, да просто еще говорят»¹⁷.

У некоторых местный песенный фольклор вызывал отторжение. Из интервью с женщиной 1941 года рождения:

«...у меня родители из Мелогоры. И вот раньше там именины, ну и вообще такие мероприятия, семейные. Часто ведь собирались, это теперь юбилеи только, раньше день рождения каждый год отмечали... И вот всегда песни-то пели вот эти старинные. Господи, затянут... Ну когда они закончат? Дождаться невозможно. Не вникала и не понимала. <Соб.: Не нравилось?> Не нравилось. И вот, знаете, мужчины, такого пожилого возраста, и поют-поют-поют. А молодежи – хоть бы и век не пой, лишь бы вот они напелись там, от всей души поют. Поняла вот здесь, вот когда я услышала деда (своего свекра. – А. С.). Вот тут я поняла, что какая-то красота все-таки, в песнях-то ведь это вся жизнь высказана. И вот теперь очень тоже жалею, что мало... Можно было поучиться-то»¹⁸.

Из интервью с участницами хора 1968 и 1974 годов рождения:

«Инф. 1: Раньше, когда выступали бабуси всё, пой-дешь, не слушаешь ведь, скажешь: “Зачем надо?” Инф. 2: Когда в школе учились, бабки выйдут на сцену, мы – фу, фу. Инф. 1: Уйдем, да и всё»¹⁹.

В 1990-е годы по экономическим причинам деятельность сельских фольклорных хоров была не столь активна, как в предшествующие и последующие годы. Однако в конце 1990-х – начале 2000-х годов стали появляться новые фольклорные хоры. Так, в 1999 году был создан хор в селе Белошелье, в 2004 году – хор Лешуконского землячества в Архангельске, в 2010 году – хор в селе Юрома.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ТРАДИЦИОННОГО ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА НА МЕЗЕНИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ ХХІ ВЕКА

В настоящее время фольклорные хоры существуют при домах культуры и клубах во многих мезенских деревнях²⁰. В дни государственных и местных праздников они выступают на концертах, организацией которых занимаются работники местных домов культуры и клубов, участвуют в фольклорных фестивалях в Архангельской области и в городах. Значительную часть хорового репертуара составляет местный традиционный фольклор: лирические, плясовые, хороводные, игровые и шуточные песни. Кроме того, в него входят популярные песни советского и постсоветского времени, а также песни местных авторов, посвященные родному краю²¹.

Петь в хоре могут все желающие, для этого не обязательно обладать способностями к пению. Если в прошлом неофициальные певческие группы имели замкнутый характер (в них входили те, кто пел хорошо или даже виртуозно²²), то вследствие советской пропаганды массового участия в художественной самодеятельности пение в хоре стало формой досуга, которая должна быть доступна всем. В результате к первой четверти ХХІ века из практик фольклорных хоров постепенно ушли сложные вокальные приемы. На смену традиционному для Мезени многоголосию²³ пришло пение на два голоса (иногда с верхним подголоском) или в унисон²⁴. Некоторые пожилые хористки отмечают, что в настоящее время хоры поют уже не так, как раньше:

«Но всё равно теперь-то стары-ти выкапывают песни-ти. Поколение-то то, которо надо было, вот, просто взять песни-ти. Не выучили. Стары-ти теперь выводить-то ведь не знают... Оно надо выводить – раз-два-три, а оно так-то тут выходит. Не могут они быстро завернуть. Неправильно поете, надо так! <Соб.: А как раньше пели-то? По-особому?> Ну дак ведь вишь, тянули, подольше тянули песни-то. <...> ...вытягать-то надо. А оно ведь – раз. “Как во нашей во деревне, во в-селом...” Всё, завернули песня-то. Но спето не так. Она и слышится не так. Она и нравится не так. Всё не так»²⁵.

Это признают и более молодые участницы хоров:

«...спеваться не должно в один голос. А мы-то сейчас молодые, так мы уже спеемся в один. <Соб.: А второго голоса у вас нет в хоре?> Нет, наверно, нет»²⁶.

По свидетельству хористок, им тяжело разучивать и исполнять некоторые песни из традиционного репертуара. В особенности это касается

протяжных («долгих») песен, исполнение которых требует специальных навыков: способности «тянуть», «вытягать» (голосом обеспечивать непрерывное звучание песни), петь «на голосах» (вести свою партию). Поэтому среди традиционных песенных жанров часто предпочтение отдается плясовым и хороводным песням, более простым в исполнении.

Современные фольклорные хоры используют специфические приемы, применявшиеся сельскими хорами в советское время: сокращение песен²⁷, замедление в финале, расположение хора в одну линию, общий поклон в конце выступления и др. Эти приемы были заимствованы сельскими клубными работниками из практики народных хоров, на которые они ориентировались как на эталон.

Исполняемые на сцене хороводные, плясовые, игровые и шуточные песни сопровождаются движением. Под хороводные песни ходят кругами, «ручейком», «змейкой» и т. п.; под плясовые пляшут «восьмёру», «кружатся» (то есть кружатся парами, взявшись под руку). В хореографическом оформлении той или иной песни обычно учитывается, как она исполнялась раньше в ситуации молодежных посиделок и праздничных гуляний в данной местности или в соседних деревнях. Если для соответствующей песне хореографии не хватает пар, в нее вносятся изменения. Например, вместо положенных четырех пар некоторые фигуры кадрили исполняет одна, две или три пары или две тройки. Исполнение шуточных песен сопровождается хлопками в ладоши, приплясыванием на месте, жестикуляцией. Иногда хореография определяется представлениями руководителя хора о том, что будет более эффективным в сценических условиях. Наталья Викторовна Ляпунова, руководитель койнасского хора, рассказала следующее:

«Вот в деревне в другой они поют, просто стоят, они не ходят, а у нас вот они с выходом все время так выходили, поэтому мы тоже так. <...> Так мы и ходим, как нам передали. Другие поют просто стоя, полукругом там или как они стоят и поют все протяжные, и даже эти плясовые некоторые так просто хлопают, не пляшут, ничего. А у нас как бы вот пляска и с движениями. Но некоторые движения мы сейчас уже вновь изучили... Вот это уже новое у нас. <Соб.: А откуда эти движения?> А это нам Валентина Алексеевна из землячества привезла. <Но это похоже на то, что было раньше, что женщины передавали?> Ну, они тоже откуда-то взяли, я не знаю откуда. У них там разные деревни: у них там Юрома, Олема, Засулье, Усть-Кыма – они все там, в землячестве они все разных деревень. Из какой-то, может, деревни... У нас вот этого не было, поэтому мы сейчас учим эти все движения. <...> ... некоторые движения мы по-другому,

потому что всё же хочется что-то новое... мне кажется, красивее. А что стоять-то? Как истуканы-то стоять? Я не люблю так, мне надо, чтоб что-то двигались маленько, поэтому вот»²⁸.

Практика сокращения текстов для исполнения на сцене привела к тому, что многие песни хористки не знают целиком. Во время пения для собирателей они часто останавливались, спев несколько строк, говоря, что дальше не разучивали. Иногда песни не допевают, даже если знают весь текст, мотивируя это тем, что песня слишком длинная. Многие хористы полагают, что песни из традиционного репертуара слишком сложны для восприятия аудитории, которая, по их мнению, не понимает слов или просто не любит слушать фольклорные песни.

«<Соб.: А “Вы прощайтесь-ко боле”?> Так мы только тоже не до конца. <А почему не до конца-то?> Да где хоть, кто хоть нас будет слушать! <...> ...мы песни-то до конца не поем, потому что никто не слушает, у нас тексты не понимают»²⁹.

В частной обстановке предпочтение неизменно отдается популярным песням советского и постсоветского времени.

«В компании мы поем разные песни, вот соберемся в праздники и поем, у нас сколько песен, кроме старинных, старинные – это уже другая сторона медали»³⁰.

В деревне Едома группа из восьми женщин 1931–1960-х годов рождения, собравшаяся по случаю Дня рыбака, спела 30 песен, из которых к местному традиционному репертуару относятся только шесть, и их исполнение, по всей вероятности, было спровоцировано присутствием собирателей. В основном же они пели репертуар своей молодости и современные песни о родном крае³¹. Участницы фольклорного хора деревни Юрома, исполнив для собирателей концертную программу, состоящую из песен традиционного репертуара, во время неформальной беседы пели то, что они поют обычно, когда собираются вместе: романсы, советские и современные песни³².

Возникает вопрос: почему традиционный песенный фольклор продолжает звучать в публичном пространстве деревни, если ее жители предпочитают другой репертуар? Для кого традиционный фольклор исполняется на сцене? Полевые наблюдения и изучение материалов, касающихся деятельности хоров, позволяют предположить, что адресатом фольклорных хоров являются представители муниципальной и государственной власти³³, которые часто присутствуют среди зрителей. Официальные до-

кументы, представленные на сайте администрации Мезенского муниципального округа, свидетельствуют о том, что традиционный фольклор в настоящее время востребован в сфере культуры, туризма и предпринимательства. Местный фольклор трактуется как ценный «объект нематериального наследия». Так, в муниципальную программу развития сферы культуры Мезенского МО входит «сохранение и развитие традиционной народной культуры, историко-культурного наследия, самодеятельного художественного творчества и культурно-досуговой деятельности»³⁴. При поддержке Министерства культуры Архангельской области был создан проект «Фольклорная карта Архангельской области», основная цель которого –

«сохранение и популяризация объектов нематериального культурного наследия Архангельской области, трансляция знаний о культурно-историческом богатстве региона, формирование национально-культурной идентичности»³⁵.

Архангельский «Дом народного творчества», как государственное бюджетное учреждение культуры, получает «государственные задания» от Министерства культуры Архангельской области. На сайте «Дома народного творчества» опубликован официальный документ, согласно которому в его задачи входят

«выявление, изучение, сохранение, развитие и популяризация объектов нематериального наследия народов Российской Федерации в области традиционной народной культуры; организация деятельности клубных формирований и формирований самодеятельности народного творчества; ведение информационных ресурсов и баз данных; организация и проведение культурно-массовых мероприятий»³⁶.

В муниципальной программе по развитию туризма в Мезенском МО, разработанной в соответствии со Стратегией государственной культурной политики на период до 2030 года, деревни с «поморским укладом жизни, бытом, поморскими традициями», «круг съезжих праздников» названы в качестве «уникальных историко-культурных ресурсов для развития туризма»³⁷. Под эгидой Правительства Архангельской области и мэрии г. Архангельска ежегодно проводится международная торгово-промышленная «Маргаритинская ярмарка», включающая культурную программу с участием фольклорных хоров³⁸.

Полевые наблюдения и анализ официальных документов, касающихся деятельности фольклорных хоров, показывают, что в настоящее время традиционный песенный фольклор служит средством создания локального своеобразия, вос-

требованного в сфере культуры, туризма и предпринимательства. В 2014 году на Фестивале народного творчества «Красные кони на золотом поле», приуроченном к 85-летию Лешуконского района, муниципальные образования района, наряду с товарами местного производства (варежками и шальями, шаньгами, квасом, сушками, корзинами и т. д.), были представлены своими фольклорными хорами, поочередно выступавшими на сцене. Хор села Вожгора начал свое выступление с приветственного слова, которое произнесла одна из его участниц:

«Мы приехали на праздник с вожгорской-то земли: себя показать, погулять, поиграть, денюжат подзаработать да что-нибудь продать. А привезли мы с собой товары дивные, каждый товар авторский, не только руками, душой мастеровой сотворен. У каждого изделия своя стать, своя красота. Красота эта вся добром да радостью светится. А радость и красота рука об руку ходят. (Расхаживая по сцене под музыку, хористки демонстрируют продукты вожгорского производства: вязаную шаль, варежки, корзину, щепную птицу, шаньжки. – А. С.). Дом культуры – гордость наша. Много комнат, сцена, зал. Не так давно он был построен, но славу он себе сыскал. И при клубе существует не один десяток лет хор фольклорный наш народный, передаем ему привет. Не обходится без хора каждый праздник на селе. Наших женщин ты послушай. Жаль, гармониста нет нигде. Песнь протяжно запоют, хороводом вдруг пройдут, переплясом удивят и частушкой заразят. И порадовать лешуконцев, гостей праздника своим песенным творчеством приехал вожгорский фольклорный народный хор. От райцентра он живет двести километров, любит петь и танцевать и село наше прославлять»³⁹.

Песня «Северный край наш богат»⁴⁰, в которой подчеркивается гостеприимство местных жителей и прямо звучит призыв «Приезжайте!», была исполнена в ходе концерта несколько раз – ее включили в свое выступление хоры из разных деревень района⁴¹.

Со времени своего появления фольклорные хоры находятся под патронажем государства и органов местного самоуправления, которые берут на себя финансовую и иную поддержку их деятельности. Например, хор деревни Кеба, по данным, зафиксированным собирателями в 2010 году, получал финансирование от районного отдела культуры и искусств и муниципального образования «Олемское»⁴². Хоры получают благодарности, подарки и звания от представителей муниципальной и государственной власти. Так, юромский фольклорный хор в 2013 году получил благодарность от главы муниципального образования с формулировкой «за активное участие в общественной и культурной жизни села Юрома, за сохранение традиций»⁴³ и бла-

годарность от партии «Справедливая Россия» с формулировкой «за развитие и сохранение песенного и танцевального творчества, за любовь к своей Родине, активность и энтузиазм»⁴⁴. Заведующий районным отделом культуры и искусства поздравил кебский хор с юбилеем, а председатель муниципального образования вручила ему в подарок ковер⁴⁵. Лешуконскому народному хору Министерством культуры Российской Федерации в 2023 году было присвоено звание «Заслуженный коллектив народного творчества»⁴⁶.

Вручение благодарностей и присвоение званий, по мнению И. С. Веселовой, входит в «канон лаудации» бюрократического государства, в котором представители властей «оценивают личность или группу, тем самым экспроприируя их деяния в свою пользу» [1: 44]. Между представителями власти и гражданами устанавливаются «патрон-клиентские» отношения, для которых характерна эмоциональная зависимость клиента от одобрения патрона [1: 48]. «Патрон-клиентский» характер отношений властей и хора ярко проявляется в следующем высказывании хористок:

«Инф. 1: Не поем, так забываю. <Соб.: А вы вообще не поете?> Инф. 2: Нет, больше ниче не поем. Инф. 1: ...Дак никуда не ездим, не интересуется, дак не поем. А надь-то попевать. Вдруг куда ли вызовут»⁴⁷.

В советское время патроном фольклорных хоров выступало государство, которое использовало организованную самодеятельность как способ контроля досуга населения для реализации своих культурных проектов. Несмотря на пропаганду массового участия в самодеятельности, пение в фольклорном хоре не воспринималось как нечто навязанное сверху. Судя по многочисленным рассказам об опыте участия в хоре, эта форма досуга соответствовала потребностям нескольких советских поколений деревенских жителей. В постсоветское время функцию патрона взяли на себя органы новой власти, преследующие собственные интересы. Тем не менее мотивы участия в хоре никогда не исчерпываются необходимостью проявления лояльности чьим бы то ни было культурным проектам. Фольклорный хор предоставляет возможности для самореализации, пространственной и социальной мобильности и формирует группу своих [12: 212–225].

ВЫВОДЫ

Многолетние полевые наблюдения позволяют утверждать, что репертуар жителей Мезени в настоящее время условно делится на две части, предназначенные для исполнения в публичной и приватной сферах, причем традиционный песенный репертуар звучит в основном со сцены или по просьбе тех, кто хочет «записать старинные песни» (помимо собирателей это могут быть журналисты, школьники и студенты, получившие соответствующее задание).

Сценическое исполнение песенного фольклора представляет собой особую форму певческой практики. От пения в приватной обстановке она отличается организованным характером и присутствием слушателей. Предполагая, что слушать фольклорные песни не интересно, руководители хоров сокращают песни и всеми возможными способами развлекают публику, чтобы не утомить ее долгим монотонным звучанием.

Несмотря на некоторую «искусственность» этой практики, сохранение традиционных песен, хороводов, плясок мезенских крестьян в репертуаре местных фольклорных хоров на протяжении ста лет после уничтожения крестьянского сословия говорит о том, что для членов локального сообщества эти формы не утратили своего значения. Хотя многим приходится разучивать местный традиционный репертуар в хоре, тот факт, что это песни матерей и бабушек, осознается хористками, равно как и то, что сарафаны и платья, в которых они выступают на сцене, – не просто костюмы, а одежда, которую носили старшие женщины их родов. Надеть на себя бабушкины вещи, выйти на сцену и спеть ее песню – это безусловно символический акт, наполненный смыслом. Каков этот смысл, в общем виде сформулировать невозможно: для каждой участницы хора он индивидуален, за этим действием стоит личная история.

Звучание фольклорных песен в публичном пространстве значимо и для муниципальных и региональных властей. Об этом говорит то внимание, которое они уделяют фольклорным хорам, исходя из актуальной повестки то запрещая, то поощряя исполнение песен из местного традиционного репертуара.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Будучи студенткой, а затем аспиранткой Санкт-Петербургского государственного университета, я принимала участие в ряде фольклорно-антропологических экспедиций в Мезенский и Лешуконский районы Архангельской области в период с 2007 по 2019 год. Материалы экспедиций хранятся в фольклорном архиве Санкт-Петербургского государственного университета (далее – ФА СПбГУ) и Электронном архиве «Российская повседневность», созданном АНО «Пропповский центр».

- ² Сельским фольклорным хорам в советские годы посвящена обширная научная литература. Одними из ведущих исследователей особенностей исполнения традиционного фольклора такими коллективами стали музыковеды Ф. А. Рубцов и И. И. Земцовский. См., напр., [6], [16].
- ³ Подробнее об этом см., напр., [7: 489–539], [17: 35–67].
- ⁴ В 1941 году переименован в Архангельский областной Дом народного творчества.
- ⁵ История областного Дома народного творчества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dnt-arh.ru/onas/istoriya-oblastnogo-doma-narodnogo-tvorchestva.html> (дата обращения 13.01.2024).
- ⁶ Ср. «... народный хор г. Мезени... сейчас по существу совершенно не исполняет народных мезенских песен, к величайшему огорчению его старинных участников. Концертные программы за последние два года ничем не отличаются, по существу, от программ любого из Ленинградских домов культуры, разве лишь качеством исполнения. Те же “5 минут” и “Хорошее настроение” и все прочее в таком же духе. Отсутствие старинной народной песни в репертуаре хора художественный руководитель объясняет тем, что “молодежь не хочет исполнять допотопные песни”, а аккомпаниатор, окончивший недавно музыкальное училище, отказывается готовить песню без нот» (Отчет мл. науч. сотрудника Власовой З. И. по работе в фольклорной экспедиции на р. Мезень в июне-августе 1958 г. (сектор народного творчества). Рукописный архив ИРЛИ РАН (Пушкинский дом) (далее – РО ИРЛИ). Р. V. К. 190. П. 3. № 355. Л. 5). Псевдонародным песням в репертуаре советских народных хоров посвящена статья Ф. А. Рубцова [16].
- ⁷ ФА СПбГУ, DTxt07-057_Arch-Mez_07-07-19. Зап. от женщины 1932 г. р., мужчины 1931 г. р., ур. д. Жердь, в д. Кимжа Дорогорского с/с Мезенского р-на 19.07.2007 г. Е. С. Мамаевой, М. А. Морозовым.
- ⁸ О том, как это происходило на Мезени, см., напр., [11: 87–94], [14]. О последствиях для социальной структуры деревенского сообщества см. [12: 104–109].
- ⁹ О потерях в результате ВОВ см. [11].
- ¹⁰ ФА СПбГУ, DTxt07-102_Arch-Mez_07-07-12. Зап. от женщины 1932 г. р., мужчины 1933 г. р., в с. Жердь Мезенского р-на Архангельской обл. 12.07.2007 г. И. С. Веселовой, В. В. Козаком.
- ¹¹ ФА СПбГУ, DTxt11-238_Arch-Lesh_11-07-04. Зап. от мужчины 1950 г. р., ур. д. Чуласа, в с. Лешуконское Лешуконского р-на Архангельской обл. 04.07.2011 г. А. А. Воробьевой, Д. К. Барановым.
- ¹² Фролова А. В. Современные календарные праздники русских Архангельского севера [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.culture.ru/materials/32913/sovremennye-kalendarnye-prazdniki-russkikh-arkhangel'skogo-severa> (дата обращения 29.03.2024).
- ¹³ Основные события культурной жизни Архангельской области в 2001 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://culture29.ru/upload/medialibrary/468/46885afea23e9804d946299192ecc0ac.pdf> (дата обращения 13.01.2024).
- ¹⁴ История областного Дома народного творчества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dnt-arh.ru/onas/istoriya-oblastnogo-doma-narodnogo-tvorchestva.html> (дата обращения 13.01.2024).
- ¹⁵ ФА СПбГУ, DTxt10-159_Arch-Lesh_10-07-14. Зап. от женщины 1955 г. р., ур. г. Северодвинск, в д. Кеба Лешуконского р-на Архангельской обл. 14.07.2010 г. П. А. Воронковым, А. В. Козловой.
- ¹⁶ ФА СПбГУ, DTxt12-111_Arch-Lesh_12-07-15. Зап. от женщины 1949 г. р. в с. Вожгора Лешуконского р-на Архангельской обл. 15.07.2012 г. А. П. Суриной, А. В. Козловой.
- ¹⁷ ФА СПбГУ, DTxt12-167_Arch-Lesh_12-07-14. Зап. в д. Родома Вожгорского с/с Лешуконского р-на 14.07.2014 г. А. С. Пахомовой, Н. А. Курзиной.
- ¹⁸ ФА СПбГУ, DTxt08-215_Arch-Mez_08-07-06. Зап. от женщины 1941 г. р., ур. г. Мезень, в д. Азаполье Мезенского р-на 06.07.2008 г. А. С. Семеновой, Э. Уорнер, А. А. Прониной.
- ¹⁹ ФА СПбГУ, DTxt07-062_Arch-Mez_07-07-24. Зап. от женщины 1968 г. р., женщины 1974 г. р., в д. Кимжа Мезенского р-на Архангельской обл. Ю. Ю. Мариничевой, М. А. Морозовым, Е. С. Мамаевой.
- ²⁰ По официальным данным, в начале 2010-х годов в Архангельской области насчитывалось 28 фольклорных хоров (Правительство Архангельской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dvinaland.ru/> (дата обращения 20.10.2013)).
- ²¹ Так, на концерте в честь юбилея Лешуконского района в 2014 году фольклорные хоры из нескольких деревень выступили с программой, включавшей как песни из традиционного репертуара, так и современные. Например, хор с. Вожгора исполнил протяжную «Распремили девушкики», плясовые «Я по садику погуливала», «Из-за зелена сада», а также современные авторские песни, которые были объявлены как «лирические»: «Ясноглазая Русь», «Ах, речка-реченька», «Ночь в окошко смотрит», «Бабыя рошица». Современные песни этим и другими хорами исполнялись под минусовую фонограмму. (ФА СПбГУ, DTxt14-091_Arch-Lesh_14-07-05_Koncert-v-Leshukonskom. Зап. в с. Лешуконское Лешуконского р-на Архангельской обл. 05.07.2014 г. А. С. Семеновой, Л. С. Кучмаренко).
- ²² Подробнее об этом см. [8: 28].
- ²³ См., напр. [3], [10].
- ²⁴ Подробнее об этом см. [10: 308].
- ²⁵ ФА СПбГУ, DTxt14-124_Arch-Lesh_14-07-09. Зап. от женщины 1938 г. р. в с. Койнас Лешуконского р-на Архангельской обл. 09.07.2014 г. В. В. Воробьевой, Е. А. Абрамовой.

- ²⁶ ФА СПбГУ, DTxt11-205_Arch-Lesh_11-07-17. Зап. от женщины 1952 г. р. в д. Кеба Лешуконского р-на Архангельской обл. А. В. Козловой, Л. А. Пархоменко, Е. Д. Каплан, А. А. Воробьевой.
- ²⁷ Ср. о сокращениях песен в отчете З. И. Власовой об экспедиции 1958 года: «Для старинных народных песен, бытующих на Мезени и записанных от молодежи, характерно сокращение текста. <...> В исполнении молодежи нередко опускаются обычные для большинства протяжных песен повторения и припевы» (РО ИРЛИ. Р. V. К. 190. П. 3. № 355. Л. 7).
- ²⁸ ФА СПбГУ, DTxt14-179_Arch-Lesh_14-07-22_LiapunovaNV. Зап. в с. Койнас Лешуконского р-на 22.07.2014 г. С. О. Куприяновой, В. К. Никитиной.
- ²⁹ ФА СПбГУ, DTxt10-154_Arch-Lesh_10-07-11_kebskij_hor. Зап. от женщины 1929 г. р. в д. Кеба Лешуконского р-на Архангельской обл. 11.07.2010 г. И. С. Веселовой, Е. А. Беляевой, А. В. Козловой.
- ³⁰ ФА СПбГУ, DTxt10-159_Arch-Lesh_10-07-14. Зап. от женщины 1955 г. р., ур. г. Северодвинск, в д. Кеба Лешуконского р-на Архангельской обл. 14.07.2010 г. А. В. Козловой, П. А. Воронковым.
- ³¹ Среди песен, спетых группой женщин на Дне рыбака, к местному традиционному репертуару относятся плясовые «Катя в горенке ходила», «Уговаривал Иван к себе Дуню ночевать», «Как у всех мужевья молодые», хороводная «Вдоль по морю», лирическая протяжная «Цветики мои, цветочки, лазоревы мои», романс «В лес по ягоды подружки гурьбою собрались». Помимо них были спеты авторские песни советского и постсоветского времени: «Цвела, цвела черемуха», «За околицей солнце клонится», «Хороши цветы весной», «Деревня моя на виду Лешуконии», «Северный край наш богат», «Вот решили вдруг встретиться мы в деревне своей» (считается гимном Едомы), «Уходят деревни с насиженных мест» и др. (ФА СПбГУ, DTxt11-124_Arch-Lesh_11-07-10_Den_Rybaka. Зап. от группы женщин 1931–1960 гг. рождения в д. Едома Лешуконского р-на Архангельской обл. 10.07.2011 г. Л. В. Голубевой, М. А. Троцило, К. С. Бауковой и др.).
- ³² ФА СПбГУ, DTxt14-228_Arch-Lesh_14-07-22_Hor-Kalinushka-v-klube. Зап. от местного хора в д. Юрома Лешуконского р-на Архангельской обл. 22.07.2014 г. Е. С. Мамаевой, Ю. А. Ким, Е. С. Ларевой, Л. С. Кучмаренко.
- ³³ В деревнях Мезенского и Лешуконского районов действует система местного самоуправления. К органам власти относятся: собрание депутатов муниципального округа, глава муниципального округа, администрация муниципального округа, контрольно-счетная комиссия. Органы местного самоуправления и органы государственной власти «входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения» (Администрация Мезенского муниципального округа Архангельской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mezen.ru/ustav-mezenskogo-municipal-nogo-rayon.html> (дата обращения 13.01.2024)).
- ³⁴ «Развитие сферы культуры Мезенского муниципального округа Архангельской области на 2023–2025 годы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mezen.ru/municipal-nye-programmy.html> (дата обращения 13.01.2024).
- ³⁵ Фольклорная карта Архангельской области: Нематериальное культурное наследие Архангельской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://folk.rh.ru/about> (дата обращения 13.01.2024).
- ³⁶ Распоряжение от 22 января 2021 г. «Об утверждении государственного задания» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dnt-arh.ru/%D0%94%D0%9D%D0%A2%20%D0%B3%D0%BE%D1%81%D0%B7%D0%B0%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5%202021.pdf> (дата обращения 13.01.2024).
- ³⁷ «Развитие туризма на территории Мезенского муниципального округа Архангельской области на 2023–2025 годы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mezen.ru/municipal-nye-programmy.html> (дата обращения 13.01.2024).
- ³⁸ Деловая программа XXII Маргаритинской ярмарки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ярмарка29.рф/programm/programms/> (дата обращения 13.01.2024).
- ³⁹ ФА СПбГУ, DTxt14-091_Arch-Lesh_14-07-05_Koncert-v-Leshukonskom. Зап. от хора с. Вожгора Лешуконского р-на 05.07.2014 г. А. С. Семеновой, Л. С. Кучмаренко.
- ⁴⁰ Автор текста В. Г. Шадрунова, уроженка с. Койнас.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Из материалов А. В. Козловой о кебском хоре, подготовленных в рамках работы над проектом «Коммуникативные конвенции устной речи» (Санкт-Петербургский государственный университет, 2012–2013 гг., рук. С. Б. Адоньева).
- ⁴³ Российская повседневность: электронный архив [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://daytodaydata.ru/unit/18130580> (дата обращения 28.02.2024).
- ⁴⁴ Российская повседневность: электронный архив [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://daytodaydata.ru/unit/18130428> (дата обращения 28.02.2024).
- ⁴⁵ Из материалов А. В. Козловой о кебском хоре.
- ⁴⁶ Приказ опубликован на сайте «Фольклорная карта Архангельской области» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusfolk.ru/documents/news/2451/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%B7%20%D0%BE%D1%82%2021.12.2023%20%E2%84%96%203440.pdf> (дата обращения 13.01.2024).
- ⁴⁷ ФА СПбГУ, DTxt11-205_Arch-Lesh_11-07-17. Зап. от женщины 1952 г. р., женщины 1925 г. р. в д. Кеба Лешуконского р-на Архангельской обл. 17.07.2011 г. А. В. Козловой, Е. Д. Каплан и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веселова И. С. Жесты публичной лаудации: доступы к благу // Комплекс Чебурашки, или Общество послушания: Сб. статей. СПб.: Пропповский центр, 2012. С. 11–49.
2. Дмитриева С. И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М.: Наука, 1988. 240 с.
3. Добровольский Б. М. О напевах мезенских песен // Песенный фольклор Мезени. Л.: Наука, 1967. С. 33–35.
4. Дорохова Е. А. Фольклорная комиссия Союза композиторов России и изучение традиционной музыкальной культуры Русского Севера // Рябининские чтения. Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижи», 2007. С. 290–292.
5. Жуланова Н. И. XX век: Молодежное фольклорное движение: Краткий обзор истории становления и тенденций развития // Самодеятельное художественное творчество в СССР. Очерки истории. Конец 1950-х – начало 1990-х годов. СПб., 1999. С. 107–133.
6. Земцовский И. И. Сельская хоровая самодеятельность и фольклор // Проблемы музыкальной самодеятельности. Л., 1965. С. 70–89.
7. Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 799 с.
8. Колпакова Н. П. Песенный фольклор Мезени // Песенный фольклор Мезени. Л.: Наука, 1967. С. 9–32.
9. Колпакова Н. П. У золотых родников. Записки фольклориста. СПб.: Русская земля, 2002. 331 с.
10. Марченко Ю. И. Исторический ракурс изучения севернорусской песенной культуры и современное состояние местных фольклорных традиций // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. С. 298–337.
11. Новиков А. В. Деревни Лешуконья: Исторические очерки. Архангельск: Поморский университет, 2007. 590 с.
12. Олсон Л., Адоньева С. Б. Традиция, трансгрессия, компромисс: Миры русской деревенской женщины. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 520 с.
13. Пашина О. А. Система съезжих праздников на средней Мезени и их музыкальное оформление // Рябининские чтения. Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижи», 2007. С. 373–375.
14. Пашина О. А. Традиционная культура в советское время: механизмы адаптации (на материале мезенских экспедиций 1980–1990-х гг.) // Рябининские чтения / Карельский научный центр РАН. Петрозаводск, 2011. С. 362–364.
15. Песенный фольклор Мезени: [Сборник] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л.: Наука. Ленинград. отделение, 1967. 367 с.
16. Рубцов Ф. А. Народные хоры и псевдонародные песни // Рубцов Ф. Статьи по музыкальному фольклору. Л.; М.: Сов. композитор, 1973. С. 182–208.
17. Olson L. Performing Russia. Folk revival and Russian identity. London; New York: Routledge, 2004. 286 p.

Поступила в редакцию 15.10.2024; принята к публикации 23.12.2024

Original article

Antonina S. Semenova, Postgraduate Student, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0009-0002-1836-0306; mercadera@yandex.ru

TRADITIONAL FOLK SONGS IN THE REPERTOIRES OF MEZEN CHOIRS

Abstract. This study focuses on the singing practices of village communities, which were the object of the author's field observations during expeditions to the Mezen River and its tributaries in the Arkhangelsk region from 2007 through the 2010s. The research was conducted through participant observation, which led to the identification of two distinct types of singing practices in this area: public and private. The primary goal of this research was to explore the unique characteristics of these practices, with findings partially presented in this article. It highlights the role of traditional song folklore within the repertoires of rural choirs. By examining singing as a communal activity, this approach offers a fresh perspective on the subject. In Russian philological folkloristics, the analysis typically focuses on song texts, leaving the practical aspects of singing relatively unexplored. Given the anthropological shift in the humanities, this study is particularly relevant. The findings suggest that the continued presence of traditional song folklore in the repertoires of rural choirs, even a century after the decline of the peasant class, underscores its enduring significance for both local residents and the authorities supporting these folk groups.

Keywords: traditional folk songs, folk choir, singing practice, collective singing, Mezen

For citation: Semenova, A. S. Traditional folk songs in the repertoires of Mezen choirs. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(1):102–112. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1135

REFERENCES

1. Veselova, I. S. Gestures of public laudation: access to the good. *The Cheburashka complex, or the Obedience Society: Collection of articles*. St. Petersburg, 2012. P. 11–49. (In Russ.)
2. Dmitrieva, S. I. Folklore and folk art of the Russians in the European North. Moscow, 1988. 240 p. (In Russ.)
3. Dobrovolsky, B. M. The tunes of Mezen songs. *Song folklore of Mezen*. Leningrad, 1967. P. 33–35. (In Russ.)
4. Dorokhova, E. A. The Folklore Commission of the Union of Composers of Russia and the study of the traditional musical culture of the Russian North. *Ryabinin Readings*. Petrozavodsk, 2007. P. 290–292. (In Russ.)
5. Zhulanova, N. I. 20 century: Youth folklore movement: A brief overview of the history of formation and development trends. *Amateur artistic creativity in the USSR. Essays on history. Late 1950s – early 1990s*. St. Petersburg, 1999. P. 107–133. (In Russ.)
6. Zemtsovsky, I. I. Rural amateur choirs and folklore. *Problems of amateur music*. Leningrad, 1965. P. 70–89. (In Russ.)
7. Ivanova, T. G. The history of Russian folklore studies of the XX century: 1900 – the first half of 1941. St. Petersburg, 2009. 799 p. (In Russ.)
8. Kolpakova, N. P. Song folklore of Mezen. *Song folklore of Mezen*. Leningrad, 1967. P. 9–32. (In Russ.)
9. Kolpakova, N. P. At the gold mines. Notes of a folklorist. St. Petersburg, 2002. 331 p. (In Russ.)
10. Marchenko, Yu. I. Historical perspective of the study of Northern Russian song culture and the current state of local folk traditions. *Excerpts on the history of Russian folkloristics*. St. Petersburg, 1998. P. 298–337. (In Russ.)
11. Novikov, A. V. Villages of Leshukonye: Historical essays. Arkhangelsk, 2007. 590 p. (In Russ.)
12. Olson, L., Adonyeva, S. B. Tradition, transgression, compromise: The worlds of Russian village woman. Moscow, 2021. 520 p. (In Russ.)
13. Pashina, O. A. The system of communal holidays in the mid-Mezen area and their musical arrangement. *Ryabinin Readings*. Petrozavodsk, 2007. P. 373–375. (In Russ.)
14. Pashina, O. A. Traditional culture in Soviet times: adaptation mechanisms (based on the material of the Mezen expeditions of the 1980s and the 1990s). *Ryabinin Readings*. Petrozavodsk, 2011. P. 362–364. (In Russ.)
15. Song folklore of Mezen: Collection of papers. (N. P. Kolpakova, B. M. Dobrovolsky, V. V. Mitrofanova, V. V. Korguzaoly, Eds.). Leningrad, 1967. (In Russ.)
16. Rubtsov, F. A. Folk choirs and pseudo-folk songs. *Articles on musical folklore*. Leningrad; Moscow, 1973. P. 182–208. (In Russ.)
17. Olson, L. Performing Russia. Folk revival and Russian identity. London; New York, 2004. 286 p.

Received: 15 October 2024; accepted: 23 December 2024

**ЖАНР ХОРРОРА:
К ВОПРОСУ КАТАРСИСА И ГОРИЗОНТА ЧИТАТЕЛЬСКОГО ОЖИДАНИЯ
(интервью с М. С. Парфеновым)**

От редакции. Хоррор – жанр, имеющий своей целью напугать и вызвать у читателя чувство отвращения, является неотъемлемой частью культуры с давних пор. Погружение в сферу ужасного вызывает желание немедленно отторгнуть объект, порождающий эти чувства, максимально отделиться от него, что помогает осознать свое собственное «Я», четче определить его границы. Хоррор выполняет и терапевтическую эскапистскую функцию: с одной стороны, читатель прячется от реальности в мир, где существует угроза в любой момент расстаться с жизнью, поэтому воспринимает свои личные проблемы на фоне риска смерти как незначительные; с другой стороны, если угроза жизни имеет место со стороны сверхъестественного существа, то читатель, закрыв книгу, чувствует облегчение от того, что все эти травмирующие события не происходят в реальности.

Отечественные киновееды и литературоведы (в отличие от своих западных коллег) пока не до конца преодолели пренебрежительное отношение к этому жанру в силу его принадлежности к массовым, а не к элитарным искусствам. Желая привлечь внимание научной общественности к проблеме хоррора, доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии и скандинавистики Института филологии *Елена Александровна Сафрон* взяла интервью у писателя, журналиста, литературного и кинокритика, создателя и главного редактора портала «Зона Ужасов», сооснователя онлайн-журнала «Darker» *Михаила Сергеевича Парфенова*.

Михаил Сергеевич, как Вы считаете, зависит ли от возраста степень восприимчивости к ужасному?

Здесь все очень индивидуально. Как минимум, надо понимать, что у любителя ужасов со временем вырабатывается определенный иммунитет, то есть опытного зрителя или читателя хоррора напугать или шокировать сложнее, чем начинающего. Следовательно, авторы хоррора идут дальше, раздвигая рамки и границы. Это обычная ситуация. Допустим, итальянские фильмы о зомби¹ или «Пятница, 13-е» (1980) режиссера Шона Каннингема американскими киноведами² часто определяются как фильмы, в которых кинематографисты начали смелее показывать сцены смерти и насилия, чем было до этого. В контексте истории американской культуры это действительно важно, так как до этого времени США прошли через эпоху маккартизма и очень жесткой цензуры по этой части.

В любом случае аудитория (и жанр в целом) делится довольно очевидно на две категории еще со времен готических романов, то есть со второй половины XVIII века:

1. Любители суггестивной атмосферы, тайны, саспенса³ (томительного ожидания), то есть поклонники жанра, который Анна Радклиф в эссе

«О сверхъестественном в поэзии» (1826) обозначила как «terror» – «страх»⁴.

2. Те, кому ближе более физиологический подход, «шок-контент»: погружение в безумие, сцены насилия, вызывающие отвращение, – поклонники жанра «horror», то есть «ужаса»⁵.

Конечно, многие авторы пытаются «угодить» и тем, и этим. Скажем, Стивен Кинг в своих лучших произведениях делает упор на психологизм и саспенс, транслируемые на фоне быта американской провинции, но почти везде вводит сцены с элементами насилия или изображения отвратительного.

Можем ли мы говорить тогда, что обращение к шокирующему содержанию во многом обусловлено удовлетворением горизонта читательского ожидания?

Не совсем так. Скорее это всегда была попытка раздвинуть границы жанра, взглянуть на него с другой стороны. В готике была в свое время очень модной, популярной уже упомянутая Анна Радклиф. У нее были и продолжатели, и подражатели⁶. Однако схематичность и некое искусственность самой структуры и художественной системы готического романа «аля Радклиф» достаточно скоро начала порождать

дать пародии и подвергаться критике. Тогда стали появляться готические романы Ч. Р. Мэтьюрина⁷, У. Т. Бекфорда⁸ и других авторов, творчество которых литературовед В. Э. Вацура называет «френической ветвью»⁹ жанра. В этих произведениях уже присутствуют довольно шокирующие мотивы и образы для своего времени – творящие непотребство монахи, оргии, грехопадение, то есть все то, что у А. Радклиф и ее продолжателей уже встречалось, но максимально купированными намеками.

Таким образом, изначально – а я считаю готический роман первой литературно оформившейся полноценной формой жанра хоррор – произошло такое вот историческое разделение на условно «ужасы атмосферные» и «ужасы шокирующие». Был ли в этом ответ на запрос со стороны читателей? Думаю, не более, чем на запрос со стороны самих авторов, которым не нравился один подход и хотелось привнести что-то новое в тот же жанр.

Важен ли для Вас катарсис в хорроре? Должен ли читатель, переживая момент максимального ужаса, постигать некое откровение? Должна ли иметь место духовная работа или достаточно просто воздействия на рецепторы удовольствия?

Поскольку хоррор – это литература, обращенная прежде всего к эмоциям, то катарсис как эмоциональное переживание здесь важен. Но само понятие «страх» подразумевает не какую-то одну эмоцию, а довольно богатый набор из разнообразных видов переживаний. Самое банальное – тысячи разнообразных фобий. Допустим, в моем рассказе «Страна тараканов»¹⁰ речь идет об инсектофобии и страхе провинциала перед мегаполисом, присущем главному герою в силу его комплексов. Но, помимо этого (уже весьма богатого и разнообразного) набора конкретных фобий, есть и более общие виды страха. В русском языке существуют еще такие понятия, как «легкий испуг», «жуть», «ужас», «паника», «священный трепет», «страх-омерзение», «бытовые страхи», «шок», все это относится к эмоциональному полю страха, как и особое мрачное депрессивное состояние, в которое мы впадаем,

столкнувшись с чем-то крайне мрачным и безнадежным. Момент катарсиса, эмоционального переживания здесь будет разным в зависимости от того, о каких разновидностях страха идет речь.

В целом воздействие хоррора можно охарактеризовать так: люди, читая ужасы, могут испытывать страх, но какой бы сильной ни была сама эмоция, они все равно – как минимум подсознательно – понимают, что всего лишь читают книгу, а не переживают нечто реальное. Именно в этом заключается тот «особый» род удовольствия, который испытывают поклонники хоррора, о котором еще Г. Ф. Лавкрафт писал в своем эссе «Сверхъестественный ужас в литературе»¹¹. Это острые негативные эмоции, которые в конечном счете все равно безопасны – поэтому, переживая их, мы получаем удовольствие.

Этим, вероятно, объясняется то, что ведущие авторы хоррора – Г. Ф. Лавкрафт, С. Кинг, осуществляя свои попытки классификации, в первую очередь проводили градацию по степени ужасного, говоря о (весьма условно, конечно) «низком» страхе и «высоком» ужасе¹².

Относительно катарсиса. Можно выделить три разных вида катарсиса, часто встречающихся в хорроре:

1. Мы переживаем за героев, сталкивающихся с чем-то ужасным, и испытываем сильные позитивные эмоции, когда герои спасаются.

2. Финал произведения трагичен, «зло» побеждает, и мы испытываем мрачные чувства, которые нас еще какое-то время не оставляют, сподвигая к философским размышлениям о бренности бытия.

3. Герои хоррора не вызывают симпатий, скорее даже наоборот, и мы начинаем «болеть» за злодеев. Здесь катарсис заключается в том, что «зло» становится олицетворением, манифестацией нашей неприязни к тем или иным персонажам (людям, моральные и прочие качества которых нам и в реальной жизни не нравятся), и мы радуемся, когда эти персонажи гибнут.

Михаил Сергеевич, благодарю Вас за развернутые ответы!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет о таких картинах, как: американско-итальянский «Рассвет мертвецов» Джорджем Ромеро и Дарио Ардженто (1978), «Зомби 2» Лучио Фульчи (1979), «Ад живых мертвецов» – совместный итало-испанский проект Бруно Маттеи и Клаудио Фрагассо (1980), «Город живых мертвецов» Лучио Фульчи (1980), итало-германо-французский «О смерти, о любви» Микеле Соави (1993).

- ² Travers P. Dawn of the Dead (1978) // Gannett Westcher Rockland Newspapers. 2023. Nov. 16 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rottentomatoes.com/critics/source/100009780> (дата обращения 05.11.2024); Эштайн А., Швейер Т. Интервью Бруно Маттеи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20060513224159/http://horroform.narod.ru/mattei001.html> (дата обращения 05.11.2024).
- ³ Термин является калькой с английского языка, где *suspense* – «неопределенность, беспокойство, томительное ожидание», и означает художественный прием, постепенно погружающий читателя / зрителя в состояние нервного напряжения, тревожного ожидания какого-либо устрашающего явления.
- ⁴ Radcliffe A. On the Supernatural in Poetry [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/7730183/mod_resource/content/1/On%20the%20Supernatural%20in%20Poetry%20%28Ann%20Radcliffe%29.pdf (дата обращения 05.11.2024).
- ⁵ Radcliffe A. On the Supernatural in Poetry [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/7730183/mod_resource/content/1/On%20the%20Supernatural%20in%20Poetry%20%28Ann%20Radcliffe%29.pdf (дата обращения 05.11.2024).
- ⁶ В России вышло множество романов неизвестных авторов, выдававших себя за А. Радклиф: «Видения в Прирейнском замке» (М., 1802; Орел, 1823 и др. изд.), «Мария и граф М-в, или Несчастливая россиянка» (М., 1810), «Живой мертвец» (М., 1808, 1816), «Замок Альберта» (1803), «Замок, или Ночные привидения» (М., 1808, 4-е изд., 1816), «Итальянец, или Исповедная черных кающихся» (М., 1802–1804), «Луиза, или Подземелье Лионского замка» (М., 1819), «Лес, или Сен-Клерское аббатство» (М., 1801; Орел, 1823 и др. изд.), «Монастырь св. Екатерины, или Нравы XVIII в.» (Орел, 1815) и др.
- ⁷ Самый знаменитый роман Ч. Р. Мэтьюрина – «Мельмот Скиталец» (1820).
- ⁸ У. Т. Бекфорд вошел в историю готической литературы как автор романа «Ватек» (1782).
- ⁹ Вацуро В. Э. Готический роман в России. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 160.
- ¹⁰ Парфенов М. С. Страна тараканов // Парфенов М. С. Зона ужаса. М.: АСТ, 2019. С. 14–73.
- ¹¹ Лавкрафт Г. Ф. Сверхъестественный ужас в литературе [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.lib.ru/INOFANT/LAWKRAFT/sverhestestvennyj_uzhas_v_literature.txt (дата обращения 05.11.2024).
- ¹² Лавкрафт Г. Ф. Сверхъестественный ужас в литературе...; Кинг С. Пляска смерти [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://readli.net/chitat-online/?b=23782&pg=8> (дата обращения 05.11.2024).

Поступила в редакцию 06.11.2024; принята к публикации 23.12.2024

Discussions

**THE HORROR GENRE: REVISITING THE ISSUE
OF CATHARSIS AND THE HORIZON OF READER'S EXPECTATIONS
(an interview with M. S. Parfenov)**

Received: 6 November 2024; accepted: 23 December 2024

27 января 2025 года исполнилось 60 лет доктору филологических наук, доценту, заведующему кафедрой иностранных языков гуманитарных направлений Института иностранных языков ПетрГУ *Ирине Евгеньевне Абрамовой*.

Celebrating the 60th birthday anniversary of *Irina E. Abramova*.

ИРИНА ЕВГЕНЬЕВНА АБРАМОВА

К 60-летию со дня рождения

И. Е. Абрамова родилась в г. Куйбышеве. В 1987 году с отличием окончила Куйбышевский госуниверситет по специальности «Романо-германская филология». Работала учителем, затем преподавателем английского языка в Куйбышевском (Самарском) политехническом институте. С 1991 года – преподаватель на кафедре английского языка ПетрГУ. В 1999 году защитила кандидатскую диссертацию «Факторы, влияющие на формирование английского произношения у русских школьников (экспериментально-фонетическое исследование на материале английского консонантизма)» в СПбГУ. В 2013 году состоялась защита докторской диссертации «Фонетическая вариативность в условиях искусственного билингвизма» в СПбГУ. С 2000 года заведует кафедрой иностранных языков гуманитарных направлений.

Ирина Евгеньевна – автор социолингвистической концепции речевого поведения билингвальной личности, усвоившей иностранный язык в условиях аудиторного билингвизма, а также разработчик технологии моделирования единого иноязычного обучающего пространства в нелингвистическом вузе. Автор более 140 научных публикаций, в том числе более 10 публикаций в журналах наукометрических баз Scopus и WoS, 9 монографий, около 50 статей в рецензируемых журналах списка ВАК, 15 учебных пособий. Активный участник семинаров и конференций как российского уровня, так и международного. Важнейшим достижением ее в должности заведующей кафедрой является организация целенаправленной, интенсивной и систематической научной работы сотрудников кафедры.

И. Е. Абрамова неоднократно награждалась грамотами ПетрГУ, в 2010 году награждена Почетной грамотой Министерства науки и высшего образования РФ, с 2015 года – Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Желаем Ирине Евгеньевне здоровья, благополучия и долгих лет активной и плодотворной работы! От всей души благодарим за неиссякаемую энергию, профессионализм, мудрость и непревзойденное чувство юмора, которые вдохновляют на новые достижения и позволяют находить ответы на многочисленные вопросы, которые так часто ставит перед нами жизнь.

Коллектив кафедры иностранных языков гуманитарных направлений

Всероссийская научная конференция (с международным участием)

«ЧЕТВЕРТЫЕ ФОРТУНАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В КАРЕЛИИ»

5–7 июня 2025 года

Петрозаводский государственный университет

Конференция посвящена творческому наследию выдающегося русского языковеда, главы Московской лингвистической школы *Филиппа Федоровича Фортунатова* (1848–1914), жизнь и деятельность которого тесно связаны с карельской землей. С инициативой проведения конференции в Петрозаводском государственном университете выступает кафедра русского языка Института филологии ПетрГУ.

Основные направления работы и вопросы для обсуждения

- История языкознания; вклад Ф. Ф. Фортунатова в развитие мировой лингвистической мысли; ученики и последователи Ф. Ф. Фортунатова (А. М. Пешковский, М. Н. Петерсон, А. А. Шахматов, Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново, русские структуралисты: Р. О. Якобсон и др.);
- Актуальные проблемы современных грамматических исследований;
- Морфологическая и синтаксическая типология языков; сопоставительные исследования; сравнительно-историческое языковедение;
- Древние языки; памятники старославянского языка;
- Проблемы описания грамматического строя русского языка;
- История русской графики и орфографии;
- История русского литературного языка; историческая фонология, историческое словообразование, историческая грамматика, историческая лексикология;
- Историческая стилистика; лингвопоэтика;
- Этимология, семасиология, ономасиология и лексикография;
- Русская диалектология;
- Активные процессы в современной русской речи;
- Лингвистика текста, лингвопоэтика.

Заявки на участие в конференции принимаются до *15 апреля 2025 года* по адресу: nvpatr@list.ru (председатель оргкомитета – Наталья Викторовна Патроева, зав. кафедрой русского языка ПетрГУ).

Полный текст доклада для публикации необходимо предоставить до *31 августа 2025 года* по адресу: nvpatr@list.ru (требования к оформлению и образцы документов будут высланы в июне 2025 года подавшим заявку участникам). Лучшие доклады по решению оргкомитета и по результатам независимого рецензирования будут опубликованы в журнале «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» в 2025–2026 годах. Сборник докладов должен выйти из печати и затем размещен постатейно в системе РИНЦ в *первом полугодии 2026 года*.

CONTENTS

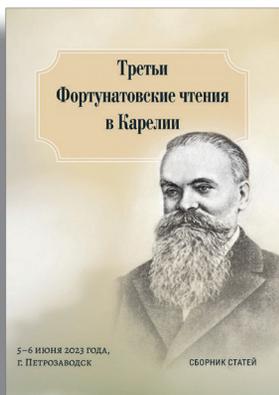
<p>Editorial note 7</p> <p>RUSSIAN LANGUAGE. NATIONAL LANGUAGES OF RUSSIA</p> <p><i>Li Yan</i></p> <p style="padding-left: 20px;">SPECIFIC FUNCTIONING OF MILITARY METAPHORS IN CINEMATOGRAPHIC TEXT (A STUDY OF ELДАР RYAZANOV'S FILMS) 8</p> <p><i>Sirota E. V.</i></p> <p style="padding-left: 20px;">A. A. SHAKHMATOV'S CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF LINGUISTIC THEORY AND METHODOLOGY 16</p> <p><i>Strelnikova N. D.</i></p> <p style="padding-left: 20px;">LINGUISTIC REALITY OF THE XXI CENTURY: REVISITING THE PROBLEM OF STUDYING SUBSTANDARD VOCABULARY 21</p> <p><i>Tverdokhlebova O. G.</i></p> <p style="padding-left: 20px;">COMPOUND ADJECTIVES WITH THE ROOT RYZH- IN THE POETRY OF THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY 29</p> <p><i>Sekiro O. O.</i></p> <p style="padding-left: 20px;">LEGAL TERMINOLOGY IN IVAN AKSAKOV'S JOURNALISM FROM THE PERSPECTIVE OF LANGUAGE REFLECTION (EXEMPLIFIED BY THE WORDS <i>LEGAL</i> AND <i>LEGALITY</i>) 40</p> <p><i>Shepalin M. D.</i></p> <p style="padding-left: 20px;">EMOTION AS A COMPONENT OF SCIENTIFIC COGNITION (A CASE STUDY OF TEXTS PRODUCED BY E. D. POLIVANOV AND M. V. PANOV) 47</p> <p>THEORETICAL, APPLIED, AND CONTRASTIVE LINGUISTICS</p> <p><i>Danilina N. I.</i></p> <p style="padding-left: 20px;">RHETORICAL STRUCTURE OF MIKHAIL LOMONOSOV'S SCIENTIFIC LANGUAGE 53</p> <p><i>Krasukhin K. G.</i></p> <p style="padding-left: 20px;">NOTES ON THE MEANING OF PRESENT AND AORIST STEMS IN THE RIG VEDA 59</p>	<p><i>Luchaev D. I.</i></p> <p style="padding-left: 20px;">SEMANTICS OF THE STATIVE PERFECT IN THE BULGARIAN LANGUAGE: COMPARATIVE AND TRANSLATION ASPECTS 65</p> <p>NATIONAL LANGUAGES OF FOREIGN COUNTRIES</p> <p><i>Mosyagina M. S.</i></p> <p style="padding-left: 20px;">METAPHORICAL REPRESENTATION OF IDENTITY IN THE HEADLINES OF ENGLISH-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE 73</p> <p><i>Kushnereva D. A.</i></p> <p style="padding-left: 20px;">METAPHOR AS A LANGUAGE INSTRUMENT FOR SHAPING AN ENEMY IMAGE IN WOMEN'S POLITICAL DISCOURSE IN ARGENTINA. . . . 80</p> <p>RUSSIAN LITERATURE AND NATIONAL LITERATURES OF THE RUSSIAN FEDERATION</p> <p><i>Trubetskova E. G.</i></p> <p style="padding-left: 20px;">DYSTOPIAN MOTIFS IN SIGIZMUND KRZHIZHANOVSKY'S PROSE 87</p> <p><i>Liskov A. O., Rozova A. E.</i></p> <p style="padding-left: 20px;">ARTISTIC STRATEGIES OF YEVGENY KHARITONOV'S AND EDUARD LIMONOV'S AUTOBIOGRAPHICAL PROSE 95</p> <p>FOLKLORE STUDIES</p> <p><i>Semenova A. S.</i></p> <p style="padding-left: 20px;">TRADITIONAL FOLK SONGS IN THE REPERTOIRES OF MEZEN CHOIRS 102</p> <p>Discussions</p> <p style="padding-left: 20px;">The horror genre: revisiting the issue of catharsis and the horizon of reader's expectations (an interview with M. S. Parfenov) 113</p> <p>Anniversaries</p> <p style="padding-left: 20px;">Celebrating the 60th birthday anniversary of Irina E. Abramova 116</p> <p>Scientific information 117</p>
--	--

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА ЛОЙТЕР: библиографический указатель

В библиографическом указателе представлен перечень работ известного ученого, литературоведа, исследователя фольклора Карелии, доктора филологических наук, профессора кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии ПетрГУ С. М. Лойтер, опубликованных с 1955 по 2024 год. Издание содержит хронологический перечень трудов, именной указатель, алфавитный указатель заглавий трудов, указатель изданий под научным редактированием С. М. Лойтер.

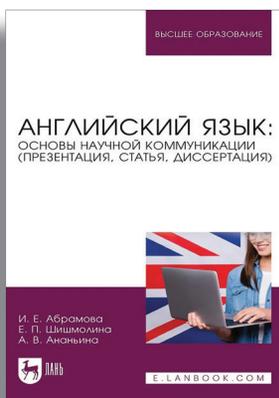
Софья Михайловна Лойтер : библиографический указатель / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т ; ред.-библиогр.: Т. П. Немцева (отв. ред.), К. С. Ишкарь, Н. В. Ровенко ; авт. вступ. ст. Т. Г. Иванова ; авт. фот.: О. В. Черняков, Н. Я. Гин. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2024. – 112, [2] с. – (Библиография трудов ученых ПетрГУ).

ТРЕТЬИ ФОРТУНАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В КАРЕЛИИ

В сборник вошли статьи, подготовленные по материалам докладов, апробированных на международной научной конференции «Третьи Фортунатовские чтения в Карелии», состоявшейся в Петрозаводском государственном университете 5–6 июня 2023 г. Помимо материалов, посвященных творческому наследию Ф. Ф. Фортунатова, читатель может найти много новых сведений из области сопоставительно-типологического языкознания, диалектологии, истории русского литературного языка, лингвистики и стилистики текста, грамматики, неологии и лексикографии. Издание адресовано лингвистам, ученым и преподавателям высшей школы, аспирантам, студентам, а также всем интересующимся проблемами филологии.

Третьи Фортунатовские чтения в Карелии : сборник статей / науч. ред.: Н. В. Патроева, А. А. Лебедев; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2024. – 122 с.

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК: основы научной коммуникации (презентация, статья, диссертация)

В учебном пособии подробно прописана пошаговая инструкция, как писать статьи на английском языке по требованиям высокорейтинговых журналов наукометрических баз Scopus или WoS, а также как выступать с презентациями результатов своего научного исследования на престижных международных конференциях. И наконец, главное, описана технология подготовки и написания магистерской диссертации на английском языке. Учебное пособие предназначено как для магистрантов гуманитарного профиля, так и для аспирантов, так как для них предусмотрен годовой курс по английскому языку, в рамках которого они не только готовятся к кандидатскому экзамену, но и учатся писать качественные статьи, отвечающие требованиям высокорейтинговых международных журналов.

Абрамова, И. Е. Английский язык: основы научной коммуникации (презентация, статья, диссертация) : учебное пособие для вузов / И. Е. Абрамова, Е. П. Шишмолина, А. В. Ананьина. – 2-е изд., стер. – Санкт-Петербург : Лань, 2024. – 124 с.

БУБЛИКОВ СВЯЗКА

Сборник содержит двенадцать русских сказок, записанных в Карелии в XX веке (заонежские, поморские и пудожские). Издание снабжено научным аппаратом, включающим предисловие составителя, комментарии к текстам, словарь малопонятных слов, список исполнителей. Книга предназначена для любителей устного народного творчества, фольклористов, этнографов, лингвистов, краеведов, читателей старшего школьного возраста.

Бубликов связка : русские сказки Карелии / Карельский научный центр Российской академии наук, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН ; предисловие, составление, комментарии А. С. Лызловой. – Петрозаводск : Periodika, 2024. – 87 с.

ISSN 2542-1077

9 772542 107004